

ISSN 2227-1538

PolitBook

politbook.online

Алина Блохина, Юлия Селиверстова, Дмитрий Каминченко
СЕТЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Екатерина Семочкина, Алексей Сквиков
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНЫХ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Сергей Алексеев
МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ
ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Наталья Козлова, Юлия Монахова
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
И ОБРАЗ ПОЛИТИКА В СОЗНАНИИ РОССИЯН

4
2022

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

А. Блохина, Ю. Селиверстова, Д. Каминченко
СЕТЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. Семочкина, А. Сковиков
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНЫХ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

С. Алексеев
МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ
ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. Козлова, Ю. Монахова
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
И ОБРАЗ ПОЛИТИКА В СОЗНАНИИ РОССИЯН

Главный редактор ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент Зам. главного редактора СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент Ответственный секретарь НИКИФОРОВА Ирина Владимировна Перевод ОРЛОВА Елена Геннадьевна Учредитель / Издатель НИИ общественных и политических наук	16+ Научная редакция БРОННИКОВ Иван Алексеевич кандидат политических наук, доцент ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев кандидат философских наук, доцент КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник
Председатель Редакколлегии номера СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович доктор политических наук, профессор Редакционная коллегия АЛЕКСЕЕВ С.В. – кандидат политических наук, доцент (Москва) БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор(Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ИЛЬМАРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер) ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь) МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) МОРОЗОВА Е.Г. – доктор политических наук, профессор (Москва)	НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец) СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль) ТИТОВ В.А. – доктор философских наук, профессор (Москва) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor in Chief SHUMILOV Andrei Executive Secretary NIKIFOROVA Irina Translate ORLOVA Elena Design PAVLUNIN Dmitriy	Deputy Editor SKOVIKOV Alexey Editors BRONNIKOV Ivan EFREMOV Oleg ZLATANOV Blagoy KASIMOV Evgeniy ARUTYUNOV Anton Publisher Institute of Social and Political Sciences
Chairman of the Editorial board SKIPERSKIH Aleksander Prof. Editorial Board ALEKSEEV S. Assoc. Prof. (Moscow) BOLSHAKOV A. Prof. (Kazan) BORSHCHEVSKY G. Prof. (Moscow) VATYL V. Prof. (Grodno) GRISHIN O. Assoc. Prof. (Moscow) ILMJARV M. PhD (Tallinn) HORINA G. Prof. (Moscow) KAPITSYN V. Prof. (Moscow) KERYAN G. Prof. (Yerevan) KURILLA I. Prof. (Saint-Petersburg) LEONTIEVA O. Assoc. Prof. (Tiraspol) LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow)	MINEEVA E. Prof. (Cheboksary) MOROZOVA E. Prof. (Moscow) NASIMOVA G. Prof. (Almaty) OMELCHENKO N. Prof. (Moscow) PASTUHOVA L. Assoc. Prof. (Moscow) PROROK V. PhD (Prague) SERGEVNIN V. Prof. (Macomb) SKIPERSKIH A. Prof. (Yelets) SHIROKOV O. Prof. (Cheboksary) SOKOLOV A. Assoc. Prof. (Yaroslavl) TITOV V. Prof. (Moscow) TUROVSKY R. Prof. (Moscow) CHERNYSHOV Y. Prof. (Barnaul) YURCHENKO S. Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

А.Е. Блохина, Ю.А. Селиверстова, Д.И. Каминченко
СЕТЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВИЧНОГО ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
6

Е.В. Семочкина, А.К. Сквиков
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
31

С.В. Алексеев
МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА
МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
43

Н.Н. Козлова, Ю.А. Монахова
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ОБРАЗ ПОЛИТИКА
В СОЗНАНИИ РОССИЯН: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
57

М.В. Петрова, А.В. Шумилов, О.В. Шумилова
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ:
ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ЭКСПАНСИИ
74

В.И. Тимошенко
ХАРАКТЕР И СВОЕОБРАЗИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
98

СТАТЬИ

Н.В. Алексеев

ЦЕРКОВЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС)

108

Е.С. Сухобоченков

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИЙ
СЛАВЯНОФИЛЬСТВА И ЗАПАДНИЧЕСТВА

122

М.А. Епремян

ЛЕГИТИМНОСТЬ И ЛЕГИТИМАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

135

В.Б. Плавинский, М.А. Верниченко

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В НЕЗАПАДНЫХ
ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫХ И СТРАНОВЫХ УСЛОВИЯХ

149

Д.В. Лукиянова, А.В. Шумилов

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ:
В НОВЫХ ПОСТПАНДЕМИЙНЫХ РЕАЛИЯХ

167

А.С. Чертков

ОБ ИСТОКАХ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ А.С. ГРИБОЕДОВА
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЕРСИДСКОЙ МИССИИ 1818-1823 ГГ.

184

Наши авторы

195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**А.Е. Блохина,
Ю.А. Селиверстова,
Д.И. Каминченко**

**A. Blokhina,
Yu. Seliverstova,
D. Kaminchenko**

СЕТЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВИЧНОГО ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

NETWORK IDENTITY OF MODERN STUDENT YOUTH: RESULTS OF PRIMARY EMPIRICAL ANALYSIS

Аннотация

В статье рассматриваются особенности общественного сознания в условиях цифровизации современного публичного пространства. Основная цель исследования заключается в установлении проявления свойств сетевой идентичности в сознании студенческой молодежи. В контексте двух факторов (структура запроса молодежи на новостной контент и восприятие молодой аудиторией особенностей тематико-дискуссионного пространства современного общества) изучается наличие либо отсутствие проявления таких черт содержания сетевой идентичности, как изменчивость, многообразие и структурная иерархия тематических направлений. Основным методом, используемым в работе, является социологический опрос. Анкетирование было проведено осенью 2020 года среди студентов Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород). Объем выборки (119 респондентов) и её специфика обусловлены пилотным характером проводимого исследования. Результаты опроса были обработаны с использованием частотного анализа ответов респондентов с последующим построением таблиц сопряженности. По итогам проведенного анализа удалось установить проявление только

Abstract

In the paper there is a discussion about the features of public consciousness in the digitalization of modern public space. The main goal of the study is to establish the demonstration of the properties of network identity in the student youth consciousness. In the context of two factors (the structure of young people's demand for news content and the young audience's perception of the features of the thematic and discussion space of modern society), the presence or absence of demonstrations of such features of the content of network identity as variability, diversity and structural hierarchy of thematic areas is studied. Sociological survey is the main method used in the paper. The survey was conducted in Autumn 2020 among students of the Institute of International Relations and World History of the UNN. N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod). The sample size (119 respondents) and its specificity are due to the pilot nature of the study. The results of the survey were processed using the frequency analysis of the respondents' answers, followed by the construction of contingency tables. Based on the results of the analysis, it was possible to establish the demonstration of only one of the features of the network identity in the

одной из черт сетевой идентичности – идейно-содержательной многоаспектности. Более того, данная черта была выявлена через призму одного из факторов – запроса молодой аудитории на новостной, медийный контент. Использование ещё одного фактора (восприятие молодой аудиторией особенностей запроса всего общества на те или иные актуальные, дискуссионные темы) не привело к выявлению других указанных черт сетевой идентичности.

student youth consciousness - ideological and substantive diversity. Moreover, this feature was revealed through the prism of one of the factors - the demand of a young audience for news, media content. The use of another factor (perception by the young audience of the peculiarities of the whole society request for certain topical and debatable issues) did not lead to the identification of other features of network identity.

Ключевые слова:

информация, информатизация общества, общественное сознание, идентичность, сетевая идентичность, молодежь, Интернет, публичное пространство.

Key words:

information, informatization of society, public consciousness, identity, network identity, youth, Internet, public space.

Стремительная информатизация современного общества оказывает существенное влияние на функционирование различных его сфер: политической, экономической, социальной и других. Неслучайно ученые сегодня отмечают, что принятие и использование современных информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), таких как Интернет и всевозможные цифровые сервисы стали ключевыми элементами повседневной жизни [29, p. 729]. Интернет предоставляет обществу множество разнообразных форм коммуникации, которые можно анализировать с помощью различных инструментов [23, p. 88]. По мнению ученых, в современном обществе Интернет формирует ядро того, что зачастую понимается как глобальный цифровой порядок, а именно: совокупность тех технических, экономических и политических практик, которые обеспечивают и формируют глобальный информационно-коммуникационный поток [26, p. 457]. В этой связи закономерен повышенный интерес научного сообщества к теме процессов цифровизации. Например, политологи обращают внимание на связь между цифровизацией и демократией, подчеркивая, что данное тематическое направление по-прежнему является предметом академических и общественных дискуссий [18, p. 164]. Причем политические акторы вынуждены соотносить собственные действия и поведение с логикой функционирования цифровых медиа, атрибутами которой, как пишут И. Боруцки, Д. Михельс и Ш. Маршалл, являются такие признаки, как поливариантность («Multioptionalität»), одновременность («Gleichzeitigkeit»), упрощенность («Vereinfachung»), интерактивность («Interaktivität»), прозрачность

(«Transparenz»), виральность («Viralität») и коннективность («Konnektivität») [18, p. 368-369].

Активное распространение современных Интернет-платформ поддержки социальных сетей коренным образом изменило каналы коммуникации, как в системе средств массовой информации, так и на уровне межличностного общения [28, p. 310]. Появились новые возможности для взаимодействия различных субъектов между собой (неслучайно П. Донгес применительно ко всем цифровым медиа отмечает, что они позволяют периферийным и неорганизованным субъектам участвовать в политической коммуникации) [22, p. 213]. Вместе с тем, помимо влияния на конкретные действия и паттерны поведения со стороны сетевых медиа происходит и их влияние на сферу общественного сознания, на формируемые и поддерживаемые идентичности. Особенности логики функционирования цифровых медиа находят свое отражение в содержании идентичности, складывающейся в сетевом публичном пространстве. Подобный тип идентичности получил название сетевой идентичности. В качестве её признаков можно выделить следующее: во-первых, готовность индивида к общественному консенсусу; во-вторых, к прямому участию в решении общественно значимых вопросов; в-третьих, гетерархия тематического наполнения; в-четвертых, ситуативность; в-пятых, идейно-содержательная многоаспектность [5, с. 102-103].

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей отражения сетевой идентичности студенческой молодежи в контексте такого обобщенного фактора, как запрос со стороны общества на новостной контент. Причем в данном случае под указанным фактором будут пониматься два других, более узких: (1) отношение непосредственно молодой аудитории к тому, как именно должна выглядеть новостная лента СМИ и (2) восприятие молодежью структурно-содержательных особенностей общественного, дискуссионного пространства в целом (в частности – запрос всего общества на обсуждение различных, актуальных вопросов). На наш взгляд, в условиях глубокой информатизации и серьезного погружения молодой аудитории в новостной информационный поток, именно через изучение фактора существующего запроса на новостной контент, можно более детально рассмотреть проявление признаков сетевизации индивидуального и коллективного сознания и продуцируемой в результате этих процессов сетевой идентичности. Предполагается, что достижение обозначенной це-

ли, выполнимо в случае установления ряда перечисленных выше признаков сетевой идентичности в ракурсе обозначенного, общего фактора.

Изучению вопросов, связанных с формированием сетевой идентичности посвящен ряд работ как российских, так и зарубежных ученых. Если говорить о самом понятии «сетевая идентичность», то необходимо заметить, что одни ученые рассматривают её как способ «отождествления человеком (Интернет-пользователем) себя с той или иной группой, созданной в сети» [4, с. 535], а другие – как «метастабильное образование, которое творчески раскрывается в зависимости от возможностей, которые предоставляет тот или иной сетевой интерфейс» [11, с. 313]. В академической среде существует мнение о том, что указанный тип идентичности тесно вплетен как в реальный контекст человеческой жизни, так и в самосознание индивида [12, с. 79]. Вместе с тем, сетевая идентичность современных пользователей Интернета отличается от так называемой «двойной» и «диффузной» идентичности, свойственной пользователям мировой паутины 90-х годов XX-го века» [10, с. 348], отражая тем самым значимые преобразования характера идентификационных процессов, происходивших внутри информационного общества в течение последних 30 лет.

Любопытно, что сам термин «сетевая идентичность» («networked identity») практически отсутствует в англоязычной научной литературе (в сфере гуманитарных исследований), при этом его ключевые компоненты, по мнению авторов данной работы, воплощены в содержании понятия «цифровая идентичность» («digital identity» или как её ещё иногда обозначают в контексте распространения технологий Web 2.0 – «identity 2.0» [19, p. 3177]) и частично в близком к нему понятии – «цифровое гражданство» («digital citizenship»). Дж. Палфри и У. Гэссер пишут о том, что цифровая идентичность любого «жителя» сетевого общества состоит не только из информации, вносимой этим «жителем» о себе самостоятельно, но и из тех данных о нем, которые вносятся и собираются другими «жителями» сетевого общества [25, p. 41].

В одном из недавно опубликованных исследований М.Р. Аллегри использует выражение «право на цифровую идентичность» («right to digital identity»), под которым подразумевается право человека добиваться исправления, контекстуализации («contextualization»), обновления и, в некоторых случаях, даже удаления своих персональных данных из Интернета, чтобы обеспечить достоверное отображение в сетевом коммуникативном

поле своих собственных личностных черт [15, р. 239]. Активность индивидов, связанная с презентацией ими собственной идентичности в Интернет-пространстве, рассматривается и в недавней работе Дж. Кэролэйн, в которой, в частности, исследуется то, как китайские студенты, обучающиеся за границей, используют китайскую мобильную коммуникационную платформу «WeChat» в целях изучения английского языка. По мнению автора, учитывая, что указанная платформа является приложением для современных социальных медиа, её пользователи в какой-то степени неизбежно будут демонстрировать те или иные личностные черты перед аудиторией данной платформы [20, р. 6]. В своем исследовании Дж. Кэролэйн использует такое значимое для изучения сетевой идентичности понятие, как «цифровой социальный капитал» («digital social capital»).

Понятие «цифровое гражданство» является близким термину «сетевая идентичность», при этом в нём присутствует вполне естественный акцент на гражданской активности «жителей» сетевого общества. По мнению Н. Коулдри, Х. Стефансен, А. Фотопулу, Р. МакДональда, В. Кларк и Л. Диккенса, «цифровое гражданство» представляет собой идентичность, существующую в рамках более широкой гражданской или политической культуры, которая проявляется только в том случае, если есть возможность установления регулярных связей между обособленными сообществами [21, р. 623]. Подобное условие обеспечивается благодаря возможностям современных платформ поддержки социальных медиа.

В научном дискурсе выделяется целый ряд актуальных черт сетевой идентичности, среди которых: динамичность и изменчивость [1, с. 68]; «легкость видоизменения вплоть до полной замены на нечто в каком-то смысле противоположное» [2, с. 101]; ситуативность, мозаичность и фрагментарность [9, с. 65]; нацеленность на презентацию и проявление в человеке творческого, игрового начала [6, с. 64]. И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозова акцентируют внимание на скорости как одной из ценностей сетевого общества, при этом «бытие» в сетевых контекстах позволило участникам произвольно изобретать и «присваивать» все новые идентичности» [7, с. 95]. Среди свойств сетевой идентичности А.В. Чернышева и М.С. Радомысльский называют следующие: «нарративность, неустойчивость, альтернативность, изменчивость, непредсказуемость их последующих трансформаций, разрыв с реальным социальным пространством» [13, с. 108].

В последние годы одним из наиболее популярных направлений научных исследований по теме сетевой идентичности является изучение феномена «цифровых следов» («digital traces»). Цифровой след, на наш взгляд, является одним из важнейших маркеров идентичности пользователя сетевого коммуникативного поля. В одном из недавних исследований С. Агостини, Дж. Джиантурсо и П. Мечента внимание авторов было сосредоточено на том, как виртуальные сообщества оставляют «следы» или «непреднамеренно предоставляемую информацию», а также то, как подобные данные могут повлиять непосредственно на сами сообщества и особенности их функционирования [14, р.111]. Как пишут Э. Аматоуро и Ч.С. Де Фалько, цифровые следы и алгоритмы можно рассматривать как социально-цифровые объекты, так как способ их сбора, каталогизации и использования не является нейтральным, а выступает результатом существования и выражения различных социальных, экономических и политических интересов [16, р. 283-284]. Г. Рава изучает такую форму коммуникативно-речевого акта, как троллинг, через призму цифровых следов. В частности, она пишет о том, что в рамках традиционного противопоставления преднамеренного и непреднамеренного оставления цифровых следов троллинг обычно трактуется как целенаправленное решение индивида оставить следы собственной онлайн-активности, в основном на популярных Интернет-платформах поддержки социальных сетей [27, р. 276].

Тема изучения цифровых следов пользователей Интернет-технологий напрямую связана с ещё одним направлением исследований сетевой идентичности индивидов и групп – изучением процессов формирования идентичности и восприятия этих процессов самими индивидами. Содержательно-смысловое наполнение сетевой идентичности представляет собой совокупность символов, представленных в цифровых следах, оставляемых пользователями как целенаправленно, так и непреднамеренно (в результате, идентичность индивида конструируется не только непосредственно самим индивидом, но и другими пользователями и организациями, а также – алгоритмами). Поэтому, изучение специфики содержания сетевой идентичности индивидов и групп – пользователей Интернета сегодня остается крайне актуальной задачей. С точки же зрения изученности тематики формирования индивидами сетевой идентичности укажем, например, одну из работ М. Камачо, Дж. Минелли и Г. Грошек [19], в которой они рассматри-

вают вопросы восприятия студентами цифровой идентичности в контексте высшего образования.

Как подчеркивают М. Камачо, Дж. Минелли и Г. Groшек, взаимодействие в социальных медиа требует от людей принятия решений, о том, как они будут представлять себя другим пользователям цифровой среды. Этот процесс построения идентичности может осуществляться в условиях разного уровня осведомленности о принципах и инструментах демонстрации персональных черт личности в сетевом информационном поле. Студенты, принявшие участие в исследовании указанных выше авторов, показали высокий уровень осведомленности о процессах конструирования идентичности в Интернете. В частности, большинство студентов сообщили, что используют настройки конфиденциальности, уделяя определенное внимание контенту, который они загружают, и, демонстрируя те персональные черты, которые тесно связаны с их реальной личностью. При этом, как предположили ученые, большинство участников проведенного ими исследования не беспокоятся о том, что другие люди могут увидеть или подумать о них в связи с тем, что они принимают определенные меры, для контроля той информации, которая видна другим пользователям сети [19, р. 3180-3181].

Рассматривая особенности сетевой идентичности, А.В. Палкова отмечает, что для изучения процессов её формирования удобнее всего проанализировать такие пространства для коммуникации (появившиеся и затем активно распространяемые в разные периоды развития Интернета), как чаты и Интернет-платформы поддержки социальных сетей [8, с. 108]. Как пишет ученый, «конструирование сетевой идентичности контролируется человеком в процессе Интернет-коммуникации, и зачастую она сильно отличается от реальной идентичности» [8, с. 109]. Вместе с тем сетевая идентичность во многом связана и опосредована реальной идентичностью. Ученые подмечают, что «сетевая идентичность расширяет и дополняет идентификационные возможности человека, а ее появление и развитие связано с требованиями к социальной компетентности, позволяющей личности проявить свое самоопределение как в сетевом, так и в реальном мире» [3, с. 97-98]

Свойствам и процессам формирования и изменения сетевой идентичности посвящена и одна из работ Дж.Р. Мозер и Б.Э. Эшфорт. Определяя сетевую идентичность как ключевое, отличительное и более или менее

устойчивое свойство совокупности социальных связей, ученые замечают, что социальная сеть конкретного индивида и его сетевая идентичность, скорее всего, будут взаимосвязаны. Кроме того, структурно сети часто являются многосоставными, а члены сети — разносторонними личностями, поэтому то, что человек считает ядром, ключевым идентификационным аспектом в тот или иной момент времени, может зависеть от контекста [24, р. 4]. Это во многом подтверждает приведенную ранее идею о ситуативности содержания сетевой идентичности.

Несмотря на немалое количество научных работ как российских, так и зарубежных авторов, которые посвящены различным аспектам так называемой сетевой идентичности, данное тематическое направление по-прежнему остается крайне актуальным. Эта актуальность обусловлена изменениями, происходящими в современном информационном поле, вызванными как технологическими, так и коммуникативными факторами (как пример – трансформация информационно-коммуникативного поля в условиях перехода от Web 1.0 к Web 2.0 и Web 3.0). Крайне интересным остается вопрос о том, каким образом в условиях современного цифрового общества в сознании и поведении индивида проявляется сетевая идентичность. Ответ на данный вопрос можно найти, анализируя, например, запрос молодой аудитории (активно использующей новейшие информационно-коммуникационные технологии) на новостной контент (учитывая тот объем времени, который молодежь проводит в сети-Интернет, в том числе просматривая новостные ленты, именно новостной запрос является одним из важнейших ракурсов, с помощью которого целесообразно изучать проявление сетевизации сознания).

Повторимся, что цель данной работы заключается в установлении особенностей проявления ряда черт сетевой идентичности студенческой молодежи в контексте (1) структуры её медиазапроса и (2) восприятия ею особенностей тематико-дискуссионного пространства современного общества (в частности, запроса со стороны всего общества на обсуждение ключевых для него тем), поэтому исследовательскими задачами является изучение (1) изменчивости, (2) многообразия и (3) иерархии тем в структуре и содержании запроса молодой аудитории на новостной контент и с точки зрения восприятия ею всего общественного-коммуникативного пространства.

Основным эмпирическим методом, применяемым в работе, стал социологический опрос студенческой молодежи. Выбор указанного метода отвечает поставленной в работе цели и задачам исследования. Основные переменные (отражающие конкретные черты сетевой идентичности) закодированы в содержании вопросов анкеты закрытого типа.

Каждой из переменных посвящен конкретный вопрос. Во-первых, для общего анализа предпочтений студенческой аудитории в плане источника новостей был задан следующий, прямой вопрос (с возможностью выбрать один вариант ответа): «Какой канал получения новостей Вы обычно предпочитаете использовать чаще остальных?». Во-вторых, для изучения устойчивости и неизменности популярной в обществе новостной рубрики был сформулирован следующий вопрос (с возможностью выбора не более одного варианта ответа): «Как Вы считаете, можно ли говорить о наличии в обществе некоторого устойчивого набора наиболее актуальных тем/вопросов, обсуждаемых гражданами?». В-третьих, в целях выявления многообразия в запросе на новостной контент подготовлен соответствующий вопрос (с возможностью выбора не более одного варианта ответа): «Какой, по Вашему мнению, должна быть тематика новостей любого СМИ?». В-четвертых, чтобы проанализировать мнение аудитории о наличии/отсутствии иерархии новостных тем, популярных в обществе, респондентов спросили следующее (с возможностью выбора не более одного варианта ответа): «Как Вы считаете, существует ли в пространстве общественной коммуникации устойчивая иерархия тем/вопросов?».

Социологический опрос проводился при помощи сетевой платформы «Google-Формы» среди студентов Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского осенью 2020 года. В опросе участвовали 119 человек, среди которых 71 женщина (59,7%) и 48 мужчин (40,3%). Наибольшее число участников опроса – это представители возрастной категории, от 18 до 22 лет (89,9% от всех респондентов), 9,2% респондентов – в возрасте от 23 до 30 лет. Принимая во внимание небольшой объем выборки, подчеркнем, что наша работа носит характер пилотного исследования, в котором намечаются некоторые контуры для последующего, более масштабного изучения общественного мнения по обозначенной теме, поэтому его результаты не могут претендовать на отражение предпочтений всей студенческой аудитории в целом.

Подсчет частотности различных вариантов ответов на сформулированные вопросы и их последующий анализ дадут возможность изучить основные переменные нашего исследования и выполнить поставленные в начале работы задачи. Более того, на основании ответов респондентов будут построены таблицы сопряженности, что позволит установить наличие или отсутствие устойчивых групп респондентов, выражающих определенное обобщенное мнение по поводу особенностей общественного запроса на новостной контент. Подобный тип анализа ответов на вопросы анкеты позволит определить некоторые предварительные контуры, которые могут быть использованы в дальнейшем для более глобального замера общественного мнения по теме медиапотребления и новостного медиазапроса, с одной стороны, и сетевой идентичности – с другой.

Как показали результаты проведенного анкетирования, основным источником информации для абсолютного большинства опрошенных являются социальные медиа («ВКонтакте», «Telegram» и др.) (58% от всех респондентов), на втором по популярности месте – Интернет-СМИ (40% от всех участников опроса). Телевидение, как газеты и журналы в качестве источника новостного контента используют по 1% от всех опрошенных. Частота ответов на указанный вопрос отражена на диаграмме 1.

Диаграмма 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой канал получения новостей Вы обычно предпочитаете использовать чаще остальных?»

Переходя к вопросу о том, как молодая аудитория оценивает степень устойчивости набора наиболее актуальных тем для дискуссий в обществе, отмечаем, что, согласно результатам обследования, 77% от всех опрошенных говорят о том, что для общества характерно наличие относительно неизменных, наиболее актуальных тем для обсуждения, и только 19% респондентов полагают, что список наиболее часто и интенсивно обсуждаемых тем крайне изменчив и обладает неустойчивым характером, затруднились с ответом – 4% всех респондентов. Данные о частоте ответов на обозначенный вопрос представлены на диаграмме 2.

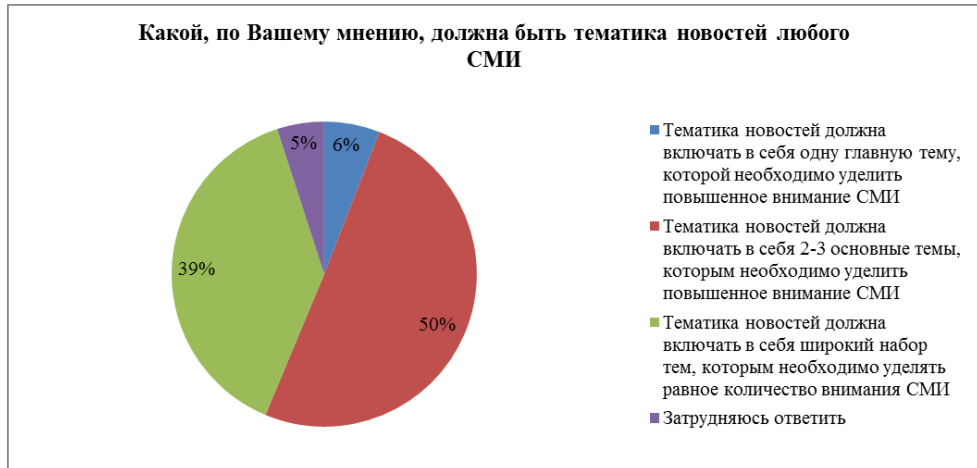
Диаграмма 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли говорить о наличии в обществе некоторого устойчивого набора наиболее актуальных тем/вопросов, обсуждаемых гражданами?»

Результаты анкетирования также показали, что 50% всех участников опроса, говоря о том, насколько тематически многообразным должно быть содержание новостей разных СМИ, отмечают, что тематика должна включать в себя как минимум 2-3 ключевые темы, которым должно быть уделено особое внимание СМИ. При этом 39% опрошенных утверждают, что тематика новостей должна включать в себя более широкий набор тем, которым также следует уделять относительно равный объем внимания. О том, что тематика новостей должна включать в себя одну главную тему, которой

и следует уделить повышенное внимание средствами массовой информации, высказались 6% респондентов, а 5% опрошенных – затруднились ответить на вопрос. Частота распределения ответов на данный вопрос изображена на диаграмме 3.

Диаграмма 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой, по Вашему мнению, должна быть тематика новостей любого СМИ?»

Если говорить о наличии/отсутствии иерархии наиболее популярных тем обсуждения внутри общества, то, по данным опроса, 56% респондентов согласны с мнением о том, что в пространстве общественной коммуникации существует определенная иерархия тем для обсуждения (когда одни темы более значимы для общества, чем другие). Об отсутствии подобной иерархии и факторе ситуативности выбора обществом наиболее значимых тем сообщают 38% опрошенных, затруднились с ответом – 7% респондентов. Распределение ответов участников исследования указано на диагр. 4.

Диаграмма 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, существует ли в пространстве общественной коммуникации устойчивая иерархия тем/вопросов?»

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, подтверждается идея о том, что наиболее популярными каналами получения новостной информации среди студенческой молодежи являются Интернет-СМИ и современные социальные медиа. Это согласуется с данными недавних социологических замеров общественного мнения. При этом обратим внимание на невысокую степень популярности традиционных СМИ (ТВ, газеты, журналы), хотя здесь следует уточнить, что в условиях конвергентных медийных процессов и активного использования традиционными СМИ современных Интернет-платформ, необходимо более четкое выявление того, какие именно источники информации внутри Интернет-пространства и социальных медиа в итоге используют респонденты (так как, возможно, что пользователи сети, например, просматривают новости со страницы одного из представителей традиционных СМИ в современных социальных медиа).

Во-вторых, по мнению молодой аудитории, в общественно-коммуникативном пространстве существует устойчивый набор наиболее актуальных тем для обсуждения, тем самым говоря об общей тематической неизменности. В результате, в восприятии молодежи в обществе присутствует запрос на обсуждение новостей по относительно устойчивому набору тем. Кроме того, более половины респондентов полагают, что в пространстве общественной коммуникации сохраняется определенная иерархия тематических направлений, когда одни темы более значимы для обще-

ства, чем другие. Построим дополнительно таблицу сопряженности на основании ответов на два соответствующих вопроса, чтобы установить наличие/отсутствие устойчивой группы молодой аудитории, которая уверена в наличии в общественном дискуссионном поле устойчивого набора актуальных тем и их иерархии. Результаты перекрестного анализа ответов респондентов на эти вопросы отражены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты перекрестного анализа ответов респондентов: изменчивость/иерархия актуальных тем обсуждения в общественно-коммуникативном поле

		Как Вы считаете, можно ли говорить о наличии в обществе некоторого устойчивого набора наиболее актуальных тем/вопросов, обсуждаемых гражданами?		
		Да, в целом для общества характерно наличие неизменных, наиболее актуальных тем обсуждения	Нет, список активно обсуждаемых в обществе тем крайне изменчив и носит неустойчивый характер	Затрудняюсь ответить
Как Вы считаете, существует ли в пространстве общественной коммуникации устойчивая иерархия тем/вопросов?	Да, в целом в общественной коммуникации существует устойчивая иерархия значимости различных тем обсуждения, когда одни темы обсуждения являются более значимыми для общества, чем другие.	81,8%	71,1%	75,0%
	Нет, устойчивой иерархии тем обсуждения в обществе не существует, а общественная повестка дня зависит от ситуации;	13,6%	26,7%	12,5%
	Затрудняюсь ответить	4,5%	2,2%	12,5%
	Всего	99,9%	100%	100%

Как видим из табл. №1, 81,8% опрошенных из тех респондентов, кто уверен в наличии устойчивого, неизменного набора ключевых дискуссионных общественных тем (а это абсолютное большинство всех участников исследования), говорят и о наличии среди этих тем структурной иерархии. Это свидетельствует о наличии устойчивой и относительно большой группы опрошенных, кто говорит и о существовании устойчивого перечня актуальных дискуссионных тем в обществе, с одной стороны, и о наличии иерархии среди этих тем – с другой. Вместе с тем, отмечаем и то, что о наличии подобной тематической иерархии свидетельствует и те респонденты, кто полагает, что список наиболее актуальных дискуссионных тем в обществе носит неустойчивый характер и подвержен частым изменениям (впрочем, данная подгруппа не столь многочисленна, как обозначенная выше).

Результаты ответов респондентов на два указанных вопроса и их перекрестного анализа (с построением таблицы сопряженности) позволяет сделать вывод о том, что на примере данной, небольшой выборки респондентов не находят своего проявления как минимум два из обозначенных в работе свойства сетевой идентичности – изменчивости и гетерархии тем в структуре дискуссионного общественного поля и соответствующего запроса со стороны общества на обсуждение различных тем в том числе – в средствах массовой информации (хотя за существование подобной гетерархии высказались 38% участников опроса, но всё же 55% респондентов уверены в обратном – в наличии иерархии тем). Таким образом, в данном случае проявления указанных черт сетевой идентичности через призму конкретного фактора (общественного запроса на обсуждение разных, ключевых тем) не установлено.

В-третьих, половина респондентов, говоря о том, какой должна быть новостная тематика любого СМИ, отмечают, что в ней должны присутствовать 2-3 основные темы, которым необходимо уделить повышенное внимание, а 39% респондентов полагают, что среди медийных новостей должны быть представлены сообщения по широкому набору тем, причем им должен уделяться примерно равный объем внимания со стороны СМИ. Иными словами, половина опрошенных выступают за относительно среднюю степень разнообразия новостных сообщений, а 39% – за высокую степень разнообразия тематических направлений новостей (т.е. значительная часть всех участников исследования выступают за широкое мно-

гообразии тем с относительно равным вниманием к ним со стороны СМИ). Запрос на широкую тематическую палитру новостных сообщений, на наш взгляд, может свидетельствовать об одном из проявлений сетевой идентичности. Уточним: в этом вопросе, в отличие от вопроса об иерархии тем, самым популярным оказался вариант ответа, отражающий среднюю степень многообразия тем новостей, а не противоположный ответу о широком тематическом многообразии – ответ о необходимости наличия одной главной темы в новостных сообщениях СМИ. Поэтому мы полагаем, что в данном случае вполне обосновано говорить о выражении молодыми респондентами значимости запроса на многообразие новостных, медийных тем. Построим таблицу сопряженности на основании ответов респондентов на вопросы о степени многообразия тематик новостей в СМИ и о наличии/отсутствии иерархии ключевых тем, популярных в общественном публичном поле. Это позволит установить то, как респонденты, выражающие запрос на многообразие тем новостей в СМИ, воспринимают наличие/отсутствие иерархии актуальных, дискуссионных тем в обществе. Результаты перекрестного анализа ответов респондентов на эти вопросы отражены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты перекрестного анализа ответов респондентов: степень многообразия тематико-новостных сообщений/иерархия актуальных тем обсуждения в общественно-коммуникативном поле

		Какой, по Вашему мнению, должна быть тематика новостей любого СМИ?			
		Тематика новостей должна включать в себя одну главную тему, которой необходимо уделить повышенное внимание СМИ	Тематика новостей должна включать в себя 2-3 основные темы, которым необходимо уделить повышенное внимание СМИ	Тематика новостей должна включать в себя широкий набор тем, которым необходимо уделять равное количество внимания СМИ	Затрудняюсь ответить
Как Вы считаете, существует ли в пространстве общественной коммуникации устойчивая иерархия тем/вопросов?	Да, в целом в общественной коммуникации существует устойчивая иерархия значимости различных тем обсуждения, когда одни темы обсуждения являются более значимыми для общества, чем другие.	85,7%	58,3%	50,0%	33,3%
	Нет, устойчивой иерархии тем обсуждения в обществе не существует, а общественная повестка дня зависит от ситуации;	14,3%	40,0%	39,1%	33,3%
	Затрудняюсь ответить	0,0%	1,7%	10,9%	33,3%
	Всего	100%	100%	100%	99,9%

Данные таблицы показывают, что группу респондентов, считающих, что тематике медийных новостей должно быть свойственно широкое многообразие тем, которым при этом необходимо уделять относительно равный объем внимания со стороны самих СМИ, можно подразделить как минимум на две подгруппы: опрошенные первой подгруппы (половина респондентов данной группы) полагают, что в поле общественной коммуникации существует устойчивая иерархия тем; опрошенные второй подгруппы (39,1% респондентов данной группы) уверены в отсутствии подобной иерархии. Таким образом, только у части респондентов наблюдается проявление сразу двух черт сетевой идентичности, а именно: запрос на многообразие новостных сообщений и гетерархии ключевых тем обсуждения внутри общества. Мы не будем проводить перекрестный анализ и построение таблиц сопряженности ответов на вопросы о многообразии новостных сообщений и устойчивости перечня тем общественного обсуждения, так как при ответе на второй вопрос слишком велика доля тех, кто выбрал вариант ответа о наличии подобного устойчивого и относительно неизменного тематического перечня.

В целом, результаты исследования показали, что в ракурсе обозначенных в работе факторов (запрос со стороны общества в целом на набор тем для обсуждения и запрос молодой аудитории на новостной контент) удалось установить проявление только одной черты сетевой идентичности – идейно-содержательной многоаспектности. Данная черта, на наш взгляд, проявляется через запрос на многообразие тематических направлений новостных сообщений со стороны СМИ, причем с необходимостью уделять относительно равный объем внимания разным темам. Подобный запрос наблюдается только у части респондентов (хотя и относительно значительной – 38% от всех опрошенных). Причем внутри этой части респондентов представлена подгруппа участников опроса (39,1% от всей численности данной части опрошенных), у которых дополнительно проявляется ещё одна черта сетевой идентичности, связанная восприятием общественной коммуникации как пространства, где отсутствует устойчивая иерархия тем для обсуждения, а их актуальность носит, прежде всего, ситуативный характер. Впрочем, численно данная подгруппа невелика. Поэтому можно сформулировать вывод о том, что в данном случае среди молодой аудито-

рии находит свое проявление именно такая черта сетевой идентичности, как идейно-содержательная многоаспектность.

Установить наличие обозначенной черты удалось через призму одного из двух выбранных факторов – медиазапроса молодой аудитории на новостной контент. При этом использование другого фактора – восприятия молодежью актуального тематического наполнения всего общественно-коммуникативного пространства – не помогло выявить в полной мере черты сетевой идентичности, присутствующие в сознании респондентов. Возможными причинами подобных результатов могут быть причины методологического свойства: например, вопрос о том, какой должна быть тематика новостей любого СМИ, напрямую связан с выявлением запроса на новостной контент именно молодежной аудитории. Два же других вопроса (о степени изменчивости и о наличии иерархии актуальных тем обсуждения в общественно-коммуникативном поле) касаются определенного восприятия молодежью информационного поля всего общества в целом (а не только его молодой части). Вместе с тем, ещё раз подчеркнем, что ввиду небольшой выборки, а также того, что в исследовании принимала участие студенческая молодежь, проходящая обучение в рамках гуманитарных направлений подготовки, результаты нашего анализа носят пилотный характер, и они не могут быть экстраполированы на всю российскую молодежь.

В условиях продолжающейся информатизации современного общества наблюдаются существенные изменения в функционировании различных его сфер. Особое влияние информатизация оказывает и на сферу индивидуального и коллективного сознания. Как результат, появление такого феномена, как сетевая идентичность, которая стала следствием глубокого проникновения ИКТ в процессы общественного функционирования. Научному сообществу ещё только предстоит выявить специфику идентичности данного типа (хотя в рамках рассмотрения этого вопроса разными учеными уже получены определенные выводы), её устойчивость и особенности проявления в индивидуальном и общественном поведении, взаимодействие и взаимовлияние с другими типами идентичности (например – с гражданской) и т.д. В текущей работе представлена попытка наметить контуры изучения сетевой идентичности молодежи через призму таких факторов, как структура запроса молодой аудитории на новостной контент СМИ и восприятие ею особенностей общественного, тематико-дискуссионного пространства. Результаты исследования позволили с уверенностью гово-

речь о выявлении только одной из черт сетевой идентичности – идейно-содержательной многоаспектности. Причем, установить её удалось исключительно через призму фактора медиазапроса молодежи. Другие черты не нашли аналогичного проявления в ходе использования второго из указанных выше факторов.

Проведенное исследование носит характер пилотного, и, учитывая объем и специфику выборки, его результаты не могут быть распространены на всю молодую аудиторию. Вместе с тем, на его основе можно провести последующее изучение проявления сетевой идентичности, например, увеличив выборку либо проанализировав другие черты, свойственные данному типу идентичности. Подобное изучение было бы крайне актуальным и полезным, в частности, для выявления особенностей индивидуального и коллективного сознания молодежи в современном, информационном обществе.

Литература

1. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 1. С. 66-83.

2. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С.98-121.

3. Даржинова С.В., Уварова Г.Н., Сардарова Ж.И. Сетевая идентичность личности: философский контекст // Вестник Калмыцкого университета. 2022. №2(54). С. 92-98.

4. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Издательство «ВесьМир», 2017. 992 с.

5. Каминченко Д.И. Детерминанты измерения сетевой идентичности // Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы конференции Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. 2020. С. 100-104.

6. Летов Е.В. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. №4(54). С. 62-65.

7. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. 2017. №2. С. 82-102.

8. Палкова А.В. Сетевая идентичность: психолингвистические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. №2 (73). С. 108-115.

9. Уханов Е.В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. 2009. №10. С. 59-71.

10. Фленина Т.А. Роль социальных сетей в конструировании сетевой идентичности // От истоков к современности 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции: в 5 томах / Отв. зед. Д.Б. Богоявленская. М.: Издательство Когито-Центр, 2015. С. 348-350.

11. Фленина Т.А. Семантическое пространство понятия "сетевая идентичность" // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. №171. С. 310-314.

12. Фленина Т.А. Сетевая идентичность в самосознании российской молодежи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. №178. С. 76-79.

13. Чернышева А.В., Радомысльский М.С. Фейк: идентичность личности в рамках сетевой культуры или игровая мистификация? // Научный потенциал. 2022. №3(38). С. 106-111.

14. Agostini S., Gianturco G., Mechant P. Investigating exhaust data in virtual communities / In: Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in sociology and social research. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 111-127.

15. Allegri M.R. The right to be forgotten in the digital age / In: Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in sociology and social research. Springer, Cham. 2022. Vol 7. P. 237-251.

16. Amaturio E., De Falco C.C. Traces and algorithms as socio-digital objects / In: Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in Sociology and Social Research. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 283-291.

17. Borucki I., Michels D., Marschall S. Die digitalisierte demokratie. Ein überblick // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2020. №30. P. 163-169.

18. Borucki I., Michels D., Marschall S. Die zukunft digitalisierter demokratie – perspektiven für die forschung // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2020. №30. P. 359–378.

19. Camacho M., Minelli J., Grossek G. Self and identity: raising undergraduate students' awareness on their digital footprints / Procedia - Social and behavioral sciences. 2012. Vol. 46. P. 3176–3181.

20. Carolan J. English proficiency as a performance of digital social capital: understanding how Chinese study abroad students use WeChat for the symbolic purpose of English language learning // The Journal of Chinese Sociology. 2022. №9. P. 1–31.

21. Couldry N., Stephansen H., Fotopoulou A., MacDonald R., Clark W., Dickens L. Digital citizenship? Narrative exchange and the changing terms of civic culture // Citizenship studies. 2014. Vol. 18. No. 6-7. P. 615–629.

22. Donges P. Digitalisierung der politischen Kommunikation // KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2022. № 74 (Suppl 1). P. 209–230.

23. Frieb D., Gilleben R. Agonistische online-offentlichkeiten // Publizistik. 2022. №67. P. 85–108.

24. Moser J.R., Ashforth B.E. My network, my self: A social network approach to work-based identity // Research in organizational behavior. 2021. Vol. 41(2). P. 1–16.

25. Palfrey J., Gasser U. Born digital: Understanding the first generation of digital natives. Basic Books. New York, 2008. 375 p.

26. Pohle J., Voelsen D. Das netz und die netze. vom wandel des internets und der globalen digitalen ordnung // Berliner Journal für Soziologie. 2022. №32. P. 455–487.

27. Rava G. Traces and their (in)significance / In: Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in sociology and social research. Springer, Cham. 2022. Vol.7. P. 269–281.

28. Schaffar A. Dynamiken im digitalen wandel. herausforderungen bezüglich medien, sozialer prozesse und demokratie // Gruppe. Interaktion. Organisation. Zeitschrift für Angewandte Organisationspsychologie (GIO). 2019. № 50. P. 309–318.

29. Seifert A., Charness N. Digital transformation of everyday lives of older Swiss adults: use of and attitudes toward current and future digital services // European Journal of Ageing. 2022. Vol. 19. №3. P. 729–739.

References

1. Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. Al'ternativnaya identichnost' v sotsial'nykh setyakh. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2013. № 1. C. 66-83.
2. Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. Setevaya i real'naya identichnost': sravnitel'noe issledovanie. Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2013. T. 10. № 2. C.98-121.
3. Darzhinova S.V., Uvarova G.N., Sardarova Zh.I. Setevaya identichnost' lichnosti: filosofskii kontekst. Vestnik Kalmytskogo universiteta. 2022. №2(54). S. 92-98.
4. Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie. Otv. red. I.S. Semenenko. Moskva: Izdatel'stvo «Ves'Mir», 2017. 992 s.
5. Kaminchenko D.I. Determinanty izmereniya setevoi identichnosti. Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva. Materialy konferentsii Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod red. A.V. Sokolova, A.A. Frolova. 2020. S. 100-104.
6. Letov E.V. Setevaya identichnost' v kul'ture sovremennogo informatsionnogo obshchestva. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2013. №4(54). C. 62-65.
7. Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Setevaya publichnaya politika: kontury predmetnogo polya. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. №2. C. 82-102.
8. Palkova A.V. Setevaya identichnost': psikholingvisticheskie aspekty. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2022. №2 (73). S. 108-115.
9. Ukhanov E.V. Identichnost' v setevykh kommunikatsiyakh. Filosofskie nauki. 2009. №10. C. 59-71.
10. Flenina T.A. Rol' sotsial'nykh setei v konstruirovanii setevoi identichnosti. Ot istokov k sovremennosti 130 let organizatsii psikhologo-gicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: sbornik materialov yubileinoi konferentsii: v 5 tomakh / Otv. zed. D.B. Bogoyavlenskaya. M.: Izda-tel'stvo Kogito-Tsentr, 2015. C. 348-350.
11. Flenina T.A. Semanticheskoe prostranstvo ponyatiya "setevaya identichnost'". Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2014. №171. C. 310-314.

12. Flenina T.A. Setevaya identichnost' v samosoznanii rossiiskoi molodezhi. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo uni-versiteta im. A.I. Gertsena. 2015. №178. C. 76-79.

13. Chernysheva A.V., Radomysl'skii M.S. Feik: identichnost' lichnosti v ramkakh setevoi kul'tury ili igrovaya mistifikatsiya?. Nauchnyi poten-tzial. 2022. №3(38). S. 106-111.

14. Agostini S., Gianturco G., Mechant P. Investigating exhaust data in virtual communities / In: Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in sociology and social research. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 111-127.

15. Allegri M.R. The right to be forgotten in the digital age / In: Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in sociology and social research. Springer, Cham. 2022. Vol 7. P. 237-251.

16. Amaturio E., De Falco C.C. Traces and algorithms as socio-digital objects / In: Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in Sociology and Social Research. Springer, Cham. 2022. Vol. 7. P. 283-291.

17. Borucki I., Michels D., Marschall S. Die digitalisierte demokratie. Ein überblick. Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2020. №30. R. 163–169.

18. Borucki I., Michels D., Marschall S. Die zukunft digitalisierter demokratie – perspektiven für die forschung. Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2020. №30. R. 359–378.

19. Camacho M., Minelli J., Grossek G. Self and identity: raising undergraduate students' awareness on their digital footprints / Procedia - Social and behavioral sciences. 2012. Vol. 46. P. 3176-3181.

20. Carolan J. English proficiency as a performance of digital social capital: understanding how Chinese study abroad students use WeChat for the symbolic purpose of English language learning. The Journal of Chinese Sociology. 2022. №9. P. 1-31.

21. Couldry N., Stephansen H., Fotopoulou A., MacDonald R., Clark W., Dickens L. Digital citizenship? Narrative exchange and the changing terms of civic culture. Citizenship studies. 2014. Vol. 18. No. 6-7. P. 615-629.

22. Donges P. Digitalisierung der politischen Kommunikation. KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2022. № 74 (Suppl 1). R. 209–230.

23. Frieb D., Gilleben R. Agonistische online-offentlichkeiten. Publizistik. 2022. №67. P. 85–108.
24. Moser J.R., Ashforth B.E. My network, my self: A social network approach to work-based identity. Research in organizational behavior. 2021. Vol. 41(2). P. 1-16.
25. Palfrey J., Gasser U. Born digital: Understanding the first generation of digital natives. Basic Books. New York, 2008. 375 p.
26. Pohle J., Voelsen D. Das netz und die netze. vom wandel des internets und der globalen digitalen ordnung. Berliner Journal für Soziologie. 2022. №32. R. 455–487.
27. Rava G. Traces and their (in)significance / In: Comunello, F., Martire, F., Sabetta, L. (eds) What people leave behind. Frontiers in sociology and social research. Springer, Cham. 2022. Vol.7. P. 269-281.
28. Schaffar A. Dynamiken im digitalen wandel. herausforderungen bezüglich medien, sozialer prozesse und demokratie. Gruppe. Interaktion. Organisation. Zeitschrift für Angewandte Organisationspsychologie (GIO). 2019. № 50. R. 309–318.
29. Seifert A., Charness N. Digital transformation of everyday lives of older Swiss adults: use of and attitudes toward current and future digital services. European Journal of Ageing. 2022. Vol. 19. №3. P. 729–739.

**Е.В. Семочкина,
А.К. Сквовиков**

**E. Semochkina,
A. Skovikov**

**ОСОБЕННОСТИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
МОЛОДЕЖНЫХ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ
С ОРГАНАМИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ**

**PECULIARITIES OF
INTERACTION OF YOUTH
SOCIO-POLITICAL
ORGANIZATIONS WITH
STATE AUTHORITIES IN
MODERN RUSSIA**

Аннотация

На основе диалектического и историко-сравнительного методов проведен анализ взаимодействия молодежных общественно-политических организаций с органами государственной власти Российской Федерации на современном этапе развития в контексте внутренних и внешних вызовов со стороны субъектов, находящихся на мировом общественно-политическом ландшафте. Выявлены основные особенности, а также достоинства и недостатки в ходе взаимодействия молодежных совещательных структур с представителями органов государственной власти. Доказано, что руководство страны, политических партий и иных институтов гражданского общества заинтересованы в расширении механизмов включения молодежи в общественно-политическую жизнь страны и активного их участия в определении и разрешении острых социально-экономических, политических и духовных вопросов современной повестки дня. Молодежные совещательные органы: молодежный парламент, молодежное правительство, молодежная избирательная комиссия наряду с иными молодежными общественно-политическими организациями заинтересованы в количественном расширении включения в свои структуры подрастающего поколения с целью пози-

Abstract

On the basis of dialectical and historical-comparative methods, an analysis of the interaction of youth socio-political organizations with state authorities of the Russian Federation at the current stage of development in the context of internal and external challenges from subjects located on the world socio-political landscape was carried out. The main features, as well as advantages and disadvantages in the course of interaction of youth advisory structures with representatives of state authorities, were identified. It has been proven that the leadership of the country, political parties and other civil society institutions are interested in expanding the mechanisms for including young people in the socio-political life of the country and their active participation in determining and resolving acute socio-economic, political and spiritual issues of the modern agenda. Youth advisory bodies: the youth parliament, the youth government, the youth election commission, along with other youth socio-political organizations, are interested in quantitative expansion of the inclusion of the younger generation in their structures in order to positively influence their political consciousness and broadcast national culture. Participation in youth structures allows activists to enter a «big policy» based on acquired professional experi-

тивного влияния на их политическое сознание, трансляцию национальной культуры. Участие в молодежных структурах позволяет выйти активистам в «большую политику» на основе приобретенного профессионального опыта. Проведенный опрос московского студенчества летом 2022 г., а также анкетный опрос 120 представителей молодежных совещательных органов из регионов России: Амурская, Астраханская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Орловская, Самарская, Саратовская, Тульская, Ульяновская, Челябинская области, а также Краснодарский край и Республика Калмыкия выявил проблемное поле между взаимодействием молодежи с представителями органов государственной власти, а также неудовлетворенность определенной части молодежи в их работе. Определен дальнейший вектор модернизации работы с молодежью.

ence. A survey of Moscow students in the summer of 2022, as well as a questionnaire survey of 120 representatives of youth advisory bodies from the regions of Russia: Amur, Astrakhan, Moscow, Murmansk, Nizhny Novgorod, Oryol, Samara, Saratov, Tula, Ulyanovsk, Chelyabinsk regions, as well as the Krasnodar Territory and the Republic of Kalmykia revealed a problematic field between the interaction of youth with representatives of state authorities, as well as dissatisfaction with a certain part of young people in their work. The further vector of modernization of work with young people has been determined.

Ключевые слова:

Россия, государство, гражданское общество, молодежь, молодежные организации, молодежная политика.

Key words:

Russia, the state, civil society, youth, youth organizations, youth policy.

Молодежь является объектом как со стороны органов государственной власти, так и разнообразных институтов гражданского общества, прежде всего политических партий и НКО заинтересованных в трансляции своих идей среди социально-активных групп населения. На проблемы молодежи, их интересы, а также внутренние и внешние вызовы со стороны многообразных институтов гражданского общества, находящихся на общественно-политическом ландшафте Российской Федерации, неоднократно обращали внимание российские политологи – Г.И. Авцинова, О.А. Коряковцева, О.А. Нестерчук, А.В. Шумилов [1; 3; 4; 10; 11; 20; 22]. Политические процессы, третьего десятилетия текущего столетия, активизировали работу среди представителей органов государственной власти в принятии ФЗ «О молодежной политики в Российской Федерации» (2020 г.). Данный федеральный закон «регулирует отношения, возникающие между субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодежной политики, при формировании и реализации молодежной политики в Российской Федерации, определяет цели, принципы, основные направ-

ления и формы реализации молодежной политики в Российской Федерации» [19]. В нем сформулированы основные цели молодежной политики, которые являются ориентирами в формировании реализации молодежных программ на всех уровнях государственного управления: федеральном, региональном, местном, а также представляют интерес и для руководства институтов гражданского общества.

Среди основных целей молодежной политики:

- защита прав и законных интересов молодежи;
- обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи;
- создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества;
- повышение уровня межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде;
- формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям;
- формирование культуры семейных отношений, поддержка молодых семей, способствующие улучшению демографической ситуации в Российской Федерации [19].

В.С. Комаровский выделял многогранность молодежи, которая может реализовать свой потенциал, энергию молодости в принятии участия в построении лучшего будущего, идентифицировать себя со страной или наоборот, покинуть ее при первой возможности [9]. Так называемые «качели» обусловлены сформированным политическим сознанием молодежи, прежде всего, семьей и образовательными учреждениями. Заметим, что на протяжении длительного времени профессорско-преподавательский коллектив высших учебных заведений не уделял должного внимания воспитанию студентов, так как на федеральном уровне отсутствовала норма, регулирующая данный процесс.

Политические настроения молодежи выступают фактором определения приверженности к политическим институтам, нормам, ценностям,

идеологиям. О.В. Попова в исследовании массового политического сознания российской молодежи приходит к выводу о необходимости политическому классу давать большие возможности для участия молодежи в политической работе, имеющее практическое значение в принятии значимых для этой социальной группы решений [14]. С принятием вышеуказанного федерального закона руководство компетентных органов власти активизировали свою работу среди молодежи и поставили одной из задач количественное увеличение численности в разнообразных молодежных общественно-политических организациях и иных молодежных структур [13]. Таким образом, политическая власть может предоставить больше ресурсных возможностей молодежи в реализации их творческого и духовного потенциала. Данный процесс будет оказывать благоприятное воздействие на поддержание в относительно устойчивом равновесии сложившуюся политическую систему в стране, консолидировать общество на основе национальных интересов, традиций и обычаев многонационального государства [18].

Молодежная политика включает широкий спектр возможностей для молодежи, выступает площадкой для взаимодействия молодежи с другими субъектами политики [5].

В современной России, как правило, политические партии заинтересованные в выходе на уровень принятия решений в представительные органы власти всех уровней либо сохранения властных полномочий при определении вектора дальнейшего социального экономического, политического и культурного развития будучи представленными в парламенте и иных органах государственной власти активизируют работу с молодежью, в том числе посредством поддержки и активного участия в деятельности многообразных молодежных общественно-политических организаций.

Проведенный опрос среди студентов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского гуманитарного университета, Российского государственного социального университета в сентябре 2022 г. (выборка нерепрезентативная, опрошено 1200 студентов обучающихся по гуманитарным направлениям уровня бакалавриата) позволил выделить наиболее узнаваемые среди молодежи молодежные объединения:

- «Всероссийская Молодежная организация ЛДПР»;
- «Молодая гвардия Единой России»;
- «Молодежь Справедливой России»;

– «Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации»;

– «Молодежное Яблоко».

Проведенный опрос студентов позволяет констатировать их дистанцированность от активного участия в современных молодежных общественно-политических организациях, отсутствием у подавляющего большинства обучающихся интереса к вступлению в вышеперечисленные организации в среднесрочной перспективе. Полученные данные коррелируются с результатами исследования интеллектуального, инновационно-деятельностного и ценностного потенциала студентов, проведенного А.В. Лапшиным [12]. Однако, есть небольшой процент от числа опрошенных, которые не против принять участие в отдельных мероприятиях, организованных молодежными организациями при условии, что их интересы будут совпадать, а также будет свободное время.

Проведенный анализ программ документов вышеуказанных молодежных общественно-политических организаций позволил выявить некоторые общие черты в молодежной политике. Во-первых, регламентация деятельности молодежных организаций в идеологическом духе политической партии, с которой установлена непосредственная связь. Во-вторых, воспитание молодежи с целью кооптации в дальнейшем в ряды своей партии. В-третьих, ориентация на патриотизм, как максимум либо национальную идентичность, как минимум.

В современной России есть также ряд молодежных совещательных органов (МСО) при органах государственной власти. Среди них – молодежный парламент, молодежное правительство и молодежная избирательная комиссия.

Молодежный парламент представляет собой совещательно-консультативный орган при законодательных органах власти субъектов Российской Федерации. Деятельность молодых людей в данной общественно-политической организации сконцентрирована на определение острых социально-политических, экономических и культурных вопросах современной повестки дня с целью разработки законодательных инициатив по совершенствованию законодательства в духе потребностей общества.

Молодежное правительство – консультативно-совещательный орган при губернаторе или исполнительных органах власти субъектов Российской Федерации, целью которых выступает обучение и продвижение мо-

лодых профессионалов для работы на государственной гражданской службе, а также проектная деятельность, направленная на социально-общественную жизнь субъекта Российской Федерации.

Молодежная избирательная комиссия – совещательный орган, действующий при избирательных комиссиях в субъектах Российской Федерации и направленный на повышение правовой культуры молодежи, потенциальных избирателей [17]. Данная деятельность важная и оказывает влияние на формирование политического сознания и электоральной культуры.

Участие молодежи в работе молодежного парламента, молодежном правительстве, молодежной избирательной комиссии позволяет приобрести опыт и реализовать себя в политике в среднесрочной перспективе. Политическая действительность такова, что не вся молодежь удовлетворена от участия в вышеперечисленных молодежных совещательных органах, так как их инициативы не всегда находят поддержку среди лиц, находящихся на уровне принятия решения.

Руководство Российской Федерации проанализировало деятельность ВЛКСМ, пионерских и октябрятских организаций в советское время определило достоинства и недостатки в работе с подрастающим поколением. Согласно Конституции Российской Федерации в настоящее время в российском обществе закреплён плюрализм идеологий, в отличие от доминирования коммунистической идеологии в советскую эпоху. С одной стороны, это позволяет формировать политическое многообразие при взаимодействии органов власти, институтов гражданского общества с молодежью. С другой стороны, есть потенциальные риски со стороны институтов гражданского общества, в частности, от НКО осуществляющих свою деятельность при материальной и информационной поддержке со стороны зарубежных организаций. В советскую эпоху, как правило, вся молодежь была включена в молодежные общественно-политические организации. В настоящее время в деятельности МСО принимают участие незначительное количество молодежи рассматривающих свое участие как социальный лифт в «большую политику».

Дискуссия среди политиков, представителей руководства федеральных и иных органов государственной власти, институтов гражданского общества, в том числе политических партий, МСО, в научном и академических сообществах подтверждает актуальность разработки эффективных механизмов взаимодействия между органами государственной власти

с молодежными общественно-политическими организациями на основе использования достижений в области информатизации и цифровизации [21, с. 47-50]. Целесообразность их активизации в деятельности определяется современной общественно-политической повесткой российского общества и необходимостью формированию активной гражданской позиции среди подрастающего поколения [16, с. 34-48].

Интерес представляют данные полученные от 120 представителей МСО в результате проведенного анкетного опроса в 2022 г. в Амурской, Астраханской, Московской, Мурманской, Нижегородской, Орловской, Самарской, Саратовской, Тульской, Ульяновской, Челябинской областях, а также в Краснодарском крае и в Республике Калмыкия [15]. При этом подавляющее большинство представителей МСО не являются членами партий, а те кто и состоит в них, как правило, являются членами «Единой России».

Половина опрошенных высказывается о доверительных отношениях с представителями органов государственной власти. Четвертая часть имеет возможность «дружить» со старшими коллегами, и только пятая часть членов МСО испытывает равнодушное отношение представителей органов власти к деятельности молодежных совещательных органов.

Представители МСО вышеуказанных субъектов, как правило, инициировали свои предложения в профильные органы государственной власти. Молодежные предложения в большей степени рассматриваются и одобряются органами государственной власти. Однако не все члены МСО готовы их инициировать, в том числе в силу своей молодости, отсутствием профессиональных компетенций.

Проведенный анализ МСО позволяет констатировать, что молодежные совещательные органы представляют собой определенный кадровый лифт для молодежи в органы государственной власти.

Взаимодействие членов МСО с органами государственной власти имеет свои преимущества и недостатки.

К преимуществам можно отнести:

- совместную деятельность МСО с органами власти;
- приобретение членами МСО профессионального опыта работы;
- конституируется модель взаимодействия членов МСО и представителей органов власти по разрешению острых социально-политических, экономических и культурных вопросов современной повестки дня.

К недостаткам относятся:

- низкий уровень предложений членами МСО, а, как следствие и одобрения их представителями органов государственной власти;
- потребность в формировании института наставничества;
- низкое количество трудоустроенных членов МСО в органах государственной власти на постоянной основе.

Молодежные совещательные органы — это будущий кадровый резерв как органов государственной власти, так и многообразных институтов гражданского общества.

Общественно-политическая повестка на данном этапе развития Российской Федерации требует консолидации российского общества вокруг руководства страны с целью сохранения государственного суверенитета посредством формирования эффективной системы защиты национальных интересов большинства населения [2; 7]. Молодежь является наиболее уязвимой социальной группой. Интернет и иные современные средства коммуникации позволяют распространять как достоверную, так и ложную информацию, манипулируя политическим сознанием подрастающего поколения [6; 8]. Принятие ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» позволило активизировать работу органов государственной власти, институтов гражданского общества, в том числе политических партий и МСО среди молодежи, что представило возможность развивать политическую культуру на основе достижений предшествующих поколений во всех сферах жизнедеятельности.

Литература

1. Аббасов Г.А., Нестерчук О.А. Развитие и реализация государственной молодежной политики на постсоветском пространстве: советское наследие и достижения в период независимости // PolitBook. 2022. №3. С. 6-33.
2. Авцинова Г.И., Толочко А.В. Политическая стабильность в современном мире: динамизм, многомерность, специфика // PolitBook. 2022. №3. С. 181-194.
3. Авцинова Г.И., Бурда М.А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. №4 (44). С. 649-655.
4. Алексеев С.В., Шумилов А.В. Молодежь и молодежная политика: теоретико-методологическое осмысление (Российский опыт) // PolitBook. 2016. №2. С. 107-118.
5. Андропова И.В., Семочкина Е.В., Российские модели взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2021. №4. С. 442-446.
6. Бурда М.А., Порошина А.С. Социальная сеть «ТикТок» как новый инструмент политической коммуникации в молодежной среде» // PolitBook. 2021. №4. С. 21-30.
7. Златанов Б.Г. Политическая элита: теоретическое измерение // PolitBook. 2022. №3. С. 159-168.
8. Калабанов В.А., Сквиков А.К., Шумилов А.В. Государственная молодежная политика в России в социальных сетях // PolitBook. 2021. №4. С. 47-57.
9. Комаровский В.С. Видение будущего страны российской молодежи: надежды и опасения // Власть. 2021. Т. 29. №5. С. 187-194.
10. Коряковцева О.А. О взаимоотношениях органов государственной власти с молодёжными общественно-политическими организациями // Власть. 2009. №6. С. 27-29.
11. Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Исследование становления гражданской идентичности молодого поколения россиян: интегративный подход // Социально-политические исследования. 2021. №3(12). С. 15-23.
12. Лапшин В.А. Исследовательская деятельность студентов как фактор раскрытия их интеллектуального, инновационно-деятельностного, ценностного потенциала: тезаурусный анализ // PolitBook. 2022. №3. С. 129-137.

13. Меркулов П.А. Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодежной политики в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. №2. С. 4-19.

14. Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. №4. С. 599-619.

15. Семочкина Е.В. Экспертная оценка взаимодействия органов государственной власти с молодежными совещательными органами // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. №12(76). С. 3570-3575.

16. Семочкина Е.В., Сквиков А.К. Взаимодействие государства с молодежными структурами: Самарский кейс // PolitBook. 2022. №3. С. 34-48.

17. Союз молодежных избирательных комиссий России URL: <https://mikrf.ru/mik/103/sverdlovskaya-oblast> (дата обращения: 03.09.2022).

18. Сулейманова С.Р. Правовой статус молодежных консультативно-совещательных органов как формы объединения и деятельности молодежи Российской Федерации и стран Содружества независимых государств // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. №1(64). С. 268-274.

19. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 №489-ФЗ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения 09.10.2022).

20. Шумилов А.В. Молодежная политика и молодежь в политическом процессе: инновация или консерватизм (в преддверии нового электорального цикла) // PolitBook. 2017. № 4. С. 138-148.

21. Щеголев С.Д. Механизмы взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. Т. 7. №3. С. 44-50.

22. Bugaychuk T., Koryakovtseva O. Patterns of formation of the generation civic identity // PolitBook. 2022. №2. С. 171-181.

References

1. Abbasov G.A., Nesterchuk O.A. Razvitie i realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki na postsovetskom prostranstve: sovetское nasledie i dostizheniya v period nezavisimosti. PolitBook. 2022. №3. S. 6-33.
2. Avtsinova G.I., Tolochko A.V. Politicheskaya stabil'nost' v sovremennom mire: dinamizm, mnogomernost', spetsifika. PolitBook. 2022. №3. S. 181-194.
3. Avtsinova G.I., Burda M.A. Molodezhnaya politika sovremennoi Rossii: absenteizm i politicheskii protest. Voprosy politologii. 2019. T. 9. №4 (44). S. 649-655.
4. Alekseev S.V., Shumilov A.V. Molodezh' i molodezhnaya politika: teoretiko-metodologicheskoe osmyslenie (Rossiiskii opyt). PolitBook. 2016. №2. S. 107-118.
5. Andronova I.V., Semochkina E.V., Rossiiskie modeli vzaimodeistviya organov gosudarstvennoi vlasti i molodezhnykh ob"edinenii. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Sotsiologiya. Politologiya. 2021. №4. S. 442-446.
6. Burda M.A., Poroshina A.S. Sotsial'naya set' «TikTok» kak novyi instrument politicheskoi kommunikatsii v molodezhnoi srede». PolitBook. 2021. №4. S. 21-30.
7. Zlatanov B.G. Politicheskaya elita: teoreticheskoe izmerenie. PolitBook. 2022. №3. S. 159-168.
8. Kalabanov V.A., Skovikov A.K., Shumilov A.V. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii v sotsial'nykh setyakh. PolitBook. 2021. №4. S. 47-57.
9. Komarovskii V.S. Videnie budushchego strany rossiiskoi molodezh'yu: nadezhdy i opaseniya. Vlast'. 2021. T. 29. №5. S. 187-194.
10. Koryakovtseva O.A. O vzaimootnosheniyakh organov gosudarstvennoi vlasti s molodezhnymi obshchestvenno-politicheskimi organizatsiyami. Vlast'. 2009. №6. S. 27-29.
11. Koryakovtseva O.A., Bugaichuk T.V. Issledovanie stanovleniya grazhdanskoi identichnosti mladogo pokoleniya rossiyan: integrativnyi podkhod. Sotsial'no-politicheskie issledovaniya. 2021. №3(12). S. 15-23.
12. Lapshin V.A. Issledovatel'skaya deyatelnost' studentov kak faktor raskrytiya ikh intellektual'nogo, innovatsionno-deyatelnostnogo, tsennostnogo potentsiala: tezaurusnyi analiz. PolitBook. 2022. №3. S. 129-137.

13. Merkulov P.A. Novyi federal'nyi zakon kak zavershenie protsessa konstitutsionalizatsii molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2021. T. 21. №2. S. 4-19.

14. Popova O.V., Lagutin O.V. Politicheskie nastroyeniya molodezhi: loy-al'nost' ili protest? Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2019. T. 21. №4. S. 599-619.

15. Semochkina E.V. Ekspertnaya otsenka vzaimodeistviya organov gosudarstvennoi vlasti s molodezhnymi soveshchatel'nymi organami. Voprosy politologii. 2021. T. 11. №12(76). S. 3570-3575.

16. Semochkina E.V., Skovikov A.K. Vzaimodeistvie gosudarstva s molodezhnymi strukturami: Samarskii keis. PolitBook. 2022. №3. S. 34-48.

17. Soyuz molodezhnykh izbiratel'nykh komissii Rossii URL: <https://mikrf.ru/mik/103/sverdlovskaya-oblast> (data obrashcheniya 03.09.2022).

18. Suleimanova S.R. Pravovoi status molodezhnykh konsul'tativno-soveshchatel'nykh organov kak formy ob"edineniya i deyatel'nosti molodezhi Rossiiskoi Federatsii i stran Sodruzhestva nezavisimykh gosudarstv. Uche-nye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. №1(64). S. 268-274.

19. Federal'nyi zakon «O molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii» ot 30.12.2020 №489-FZ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (data obrashcheniya 09.10.2022).

20. Shumilov A.V. Molodezhnaya politika i molodezh' v politicheskom protsesse: innovatsiya ili konservatizm (v preddverii novogo elektoral'nogo tsikla). PolitBook. 2017. № 4. S. 138-148.

21. Shchegolev S.D. Mekhanizmy vzaimodeistviya organov gosudarstvennoi vlasti i molodezhnykh ob"edinenii. Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2018. T. 7. №3. S. 44-50.

22. Bugaychuk T., Koryakovtseva O. Patterns of formation of the generation civic identity. PolitBook. 2022. №2. S. 171-181.

С.В. Алексеев

**МОЛОДЕЖНАЯ
ПОЛИТИКА КАК
МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ
ПОТЕНЦИАЛА
МОЛОДЕЖИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Аннотация

В статье рассмотрены особенности развития молодежной политики как механизма развития потенциала молодежи. Аргументирована позиция, что в современном мире раскрытие потенциала молодежи возможно за счет эффективно проводимой молодежной политики. В разных странах молодежная политика имеет свои национальные очертания. Акцентируется внимание на том, что недостаток финансирования молодежной политики со стороны государства, приводит к неоднозначным последствиям. По этой причине молодежная политика становится областью интересов различных акторов, в том числе и крупных корпораций, деятельность которых напрямую сказывается на развитии общества. Подчеркивается, что в условиях политической нестабильности повышается интерес молодежи к деструктивной гражданской активности. Поэтому отдельные политические силы на волне протестных настроений могут использовать молодежь в качестве инструмента для достижения политических целей. В современных реалиях из-за того, что мир подвержен глобализационным тенденциям, молодежь различных стран активнее включается в международные процессы, что приводит к росту миграции, изменению уровня и качества жизни, изменению векторов развития молодежной политики национальных государств. Вопрос молодежной политики на протяжении последних лет занимает важное место в системе государственного управления. В отличие от других социально-демографических

S. Alekseev

**YOUTH POLICY AS A
MECHANISM OF YOUTH'S
POTENTIAL
DEVELOPMENT IN THE
MODERN WORLD**

Abstract

The features of the development of youth policy as a mechanism for developing the potential of youth are analyzed. Arguments are presented to support the position on the possibility of revealing the potential of young people in the modern world through an effectively implemented youth policy. In different states, youth policy has its own national outlines. Attention is drawn to the fact that the lack of funding for youth policy by a state leads to ambiguous consequences. For this reason, youth policy is becoming an area of interest for various actors, including large corporations, whose activities directly affect the development of a society. It is emphasized that in conditions of political instability, the interest of young people in destructive civic activity is increasing. Therefore, certain political forces on the wave of protest sentiments can use youth as a tool to achieve their political goals. In the realities of contemporary, due to the fact that the world is subject to globalization trends, young people from various countries are more actively involved in international processes, which leads to an increase in migration, a change in the level and quality of life, and a change in the development vectors of the youth policy of national states. The issue of youth policy has occupied an important place in the system of public administration over the past years. Unlike other socio-demographic groups, youth continue to be the most active and more susceptible to various innovations in politics. An effectively implemented youth policy guarantees the protection of rights and freedoms, which

групп, молодежь остается наиболее активной и более восприимчивой к различным новациям в политике. Эффективно реализуемая молодежная политика гарантирует защиту прав и свобод, что позволяет молодежи вносить более значимый вклад при участии в общественно-политической жизни.

allows young people to make a more significant contribution while participating in socio-political life.

Ключевые слова:

государство, молодежь, молодежная политика, политический актор, потенциал.

Key words:

state, youth, youth policy, actor, potential.

В последние десятилетия ускоренно развиваются глобализационные процессы, которые видоизменяют молодежную политику. Правительства различных стран стараются подстраиваться под текущие события с целью принятия и разработки молодежных программ, отвечающих современным международным трендам. Внедрение информационных технологий, использование социальных сетей и мессенджеров и т.д., приводят к всестороннему развитию межкультурных коммуникаций, что в свою очередь требует внедрения новых подходов при взаимодействии с молодежью [1; 13].

По данной тематике написано множество работ, где авторы акцентируют внимание на основных векторах развития молодежной политики, позволяющих всесторонне раскрыть потенциал молодежи (социально-демографический; трудовой; культурный; духовно-нравственный; политический и т.д.). Так, к примеру, учёный И.М. Ильинский подчеркивает, что «молодёжь – это главный ресурс нации, не менее важный, чем все наши сырьевые запасы» [11, с. 26]. Позиция автора вполне объяснима, поскольку молодежь – это ценный человеческий ресурс и взаимодействие с ним требует обдуманных решений. Не случайно, многие исследователи отмечают, что молодежь способна оказывать влияние на сферы общественной жизни. Особенно актуален вопрос участия молодежи в общественно-политических процессах, где раскрывает их потенциал для улучшения социального благополучия. Исследователь Ю.Г. Черняк подчеркивает, что «Молодежь, обладая высокой степенью адаптивности к меняющимся условиям, является одним из тех социальных ресурсов, который при соответствующей поддержке и стимулировании сможет не только минимизировать последствия экономических и политических кри-

зисов, ошибочных управленческих решений, но и осуществить вклад в развитие общества» [18, с. 179].

Ученые и исследователи за долгие годы выработали различные молодежные концепции (психоаналитическая, социально-биологическая, структурно-функциональная и т.д.). Создавались отдельные центры, школы и университеты, занимающиеся изучением молодежных вопросов. Молодежь изучалась не только в роли объекта, но субъекта политики [13]. Особенно в нестабильные времена, когда политическая активность молодёжи в протестных акциях, митингах и шествиях могла приобретать деструктивный характер. Тем не менее, имеются исследования, показывающие, что молодые люди в отличие от старшего поколения могут проявлять как активность, так и абсентеизм в политике. Исследователи И.В. Самаркина, В.П. Логунова подчеркивают, что «абсентеизм следует рассматривать как форму политического участия чертами которой могут выступать незаинтересованность в политике, отказ от реализации активного избирательного права, отсутствие веры в политическое участие, отстранённость от политической сферы» [14, с. 15]. По этой тематике ученая Д. Вайс считает, что причина восприятия активности в политике исходит из различного понимания, что представляет собой политическое участие [25]. Молодые люди в отличие от старшего поколения реже участвуют в выборах, а это в свою очередь служит критерием политической активности. Если молодёжь не участвует в голосовании, то их интересы не учитываются при принятии политически-значимых решений. Надо понимать, что участие в политике – это не только голосование, но и понимание самих политических процессов, взаимодействие между акторами и объектами политики, наличие идейных взглядов, использование информационных технологий в достижении поставленных целей и многое другое. По этой причине уместна оценка исследователей О.А. Блиновой и Ю.А. Горбуновой, что «молодые люди, переосмысливая свою вовлеченность в политическую жизнь страны, зачастую отвергают традиционные политические институты и инструменты, вырабатывают и апробируют «экспериментальные», неформальные практики политического участия» [3, с. 104]. Молодежь по праву считается движущей политической силой, готовой отстаивать свои права и свободы различными путями и средствами, если имеются для этого соответствующие политические структуры [16].

Опыт выступлений второй половины XX века (США, СССР, Европа и т.д.) продемонстрировал, что в условиях растущего недовольства протестный потенциал молодежи может использоваться политиками для совсем иных целей. Исследователь М. Текиндал отмечает, что поколение 1960-х и 1970-х годов было названо молодыми «бунтарями», в то время как поколение 1980 года воспринималась больше «индивидуальным» поколением, которые проживали в глобализированном обществе потребления. Молодежь разных поколений занимала двойственную роль в политике и в целом выступала конструктором своего времени и носителем новой культуры [24, р. 128-132]. После протестных событий правительства ряда стран осознали, что с молодежью всё-таки следует считаться как с актором политики. Единственно-верный способ снизить социально-политическую напряженность – это реализация эффективных молодежных стратегий, которые внесут ясность по поводу их статуса в политике. Стали разрабатываться специфические направления в молодежной политике как социальные, экономические, культурные и политические. Подобный шаг ускорил интеграцию молодежи в различные сферы деятельности и во властные структуры. В свою очередь, это привело к появлению новых молодежных объединений, движений и субкультур в политической жизни. Несмотря на то, что молодежная политика, проводимая в разных странах, имеет свои национальные особенности, как отмечает исследователь Н.М. Беляева: «... в Европейском союзе формируется и реализуется единая система работы с молодежью, основанная на ценностях общеевропейской идентичности, толерантности, гражданской активности и межкультурного диалога» [3, с. 75]. Не случайно, один из принципов Декларации о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания гласит: «Молодежь должна воспитываться в духе мира, справедливости, свободы, взаимного уважения и взаимопонимания, чтобы способствовать установлению равноправия для всех людей и всех народов, экономическому и социальному прогрессу, разоружению и поддержанию международного мира и безопасности» [8]. Этот принцип в некоторой степени нашёл отражение во многих молодежных документах. Молодежная политика выступила в качестве механизма по урегулированию спорных вопросов. Молодые люди стали выступать не просто в качестве участников, а именно субъектов политики, обладающих гражданскими и политическими правами. Молодежная политика становится

отличительной чертой демократических стран, и ее структура состоит из различных направлений (спорт, образование, здравоохранение и др.) [22, р. 656].

Обратившись к российскому опыту, можно увидеть, что в нач. 1990-х гг., когда начался переход от одной экономической формации к другой, молодежные проблемы для нового правящего класса приобрели второстепенное значение. Эти перемены внесли значительные корректировки на качество жизни не только молодого поколения, но и всего населения. Общественно-политические процессы, происходившие в стране, привели к тому, что молодежь стала, как и многие другие представители общества - социально-незащищенными группами (были брошены на произвол судьбы). С переходом к рыночной модели изменились представления власти о молодежном потенциале. Если в Советский период коммунистическая партия руководила молодежью и вовлекала молодёжь в общественно-политические процессы для построения коммунистического общества, то в новых условиях произошла переоценка взглядов. Молодежь больше начала рассматриваться как средство для достижения политических целей. На фоне заметного ухудшения уровня жизни и благосостояния всех граждан молодежные вопросы не были в приоритете и не стояли на повестки дня. Кризис во всех сферах на долгие годы отодвинул проблему обсуждения вопросов, связанных с молодежной политикой на государственном уровне.

К настоящему времени в российской молодежной политике произошли существенные изменения. Приняты разнообразные молодежные программы, разработаны концепции молодежной политики, которые в целом по задумке представителей власти должны отвечать веяниям современной эпохи. В России наравне с другими странами разрабатываются и реализуются молодежные стратегии, создаются молодежные парламенты, молодёжные организации и т.д. Следует подчеркнуть, что успех всех этих тенденций во многом зависит от сложившейся политической системы, поскольку современная демократия зарубежных стран ориентирована на включение молодёжи в рыночные отношения с участием рыночных конъюнктур, где господствует крупный капитал, что неминуемо приводит к росту социальной напряженности, особенно в тех странах, где наблюдается низкий уровень жизни. Создаются все необходимые условия для активного вовлечения молодёжи в господствующие рыночные механизмы с

целью изменения мировоззрения в контексте капиталистических ценностей. Также соглашусь с позицией ученой О.Ю. Шибаршиной, что «В условиях рыночной экономики молодежь относится к наиболее уязвимым группам на рынке труда, так называемым «группам риска»» [19, с. 110].

Молодежная политика становится областью интересов не только государственных органов власти, но и коммерческих структур, что находит отражение в проводимой молодежной политике. В стратегиях разных стран, закреплены национальные особенности молодёжной политики как государственными, так и общественными институтами. В свою очередь, это находит отражение на взаимодействие акторов, качестве и уровне жизни населения. Представители власти заключают различные договоренности с крупными корпорациями, с целью создания рабочих мест для молодых специалистов, а новые технологии, созданные транснациональными корпорациями, приводят к международному разделению труда. Большие капиталы и ресурсы, сосредоточенные внутри этих компаний, позволяют использовать потенциал молодежи не только на государственном, но и общественном уровне. Многие молодые люди, получив образование мечтают попасть на стажировку не только в государственные, но и частные структуры за пределами родного государства. Работа на частные корпорации направлена на совершенствование корпоративных навыков и компетенций, а получение дополнительного образования делает их конкурентно-ориентированными специалистами. Поскольку государство не всегда может в полной мере обеспечить высокий уровень жизни и доход, молодёжь стремится попасть на работу в транснациональные корпорации. Поэтому молодежная политика всегда должна иметь социально-ориентированную направленность.

С ростом мирового капитала и усилением влияния транснациональных корпораций, изменяется подход к молодежным проблемам. Транснациональные корпорации вносят свои корректировки в государственные программы, направленные на развитие молодежной политики. Внутри этих корпораций появляются службы и отделы, занимающиеся молодежными вопросами, в том числе трудоустройство через создание социальных лифтов в виде карьерного роста и прочее. Всё это привело к тому, что молодежь превращается в источник продвижения интересов частных компаний, которые создают все необходимые условия для формирования позитивного имиджа. Рекламные кампании многих корпораций направле-

ны на привлечение внимания молодых граждан, а это в свою очередь может сказываться на молодежной среде. Молодежь становится целевой аудитории в продвижении товаров и услуг на рынке. Молодым людям начинают навязывать определенный образ жизни и мышления [5].

С ростом влияния корпораций на общественно-политическую жизнь образовалась прослойка богатейших людей, что непосредственно отражается на социальном неравенстве и стремлениях молодёжи. Складывается весьма интересная ситуация, о чём заявила благотворительная организация Oxfam во время ежегодного доклада на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2020 году. Состояние 1% богатейших людей в мире больше, чем у остального населения земли, которое примерно составляет 6.9 млрд человек [17]. В поисках лучшей жизни часть молодежи вынуждена мигрировать в более развитые страны. Из-за роста миграции изменяется потенциал национальных стран. Если в качестве примера рассматривать страны ОЭСР большинство мигрантов – это представители молодежи. Одна из причин высокой миграции – это безработица. Уровень безработицы среди молодежи в возрасте 15–24 лет в среднем выше и составляет 12% в 2019 году по сравнению с до 5,4% для всех лиц трудоспособного возраста [23, р. 32]. Молодые люди – это главный источник благосостояния и развития экономики страны. Формируется тенденция, когда самые активные и перспективные молодые люди в поисках лучшей жизни готовы при открывшейся благоприятной возможности уехать из страны, что сразу делает неминуемой проблему «утечки мозгов» [2, с. 156]. Массовая миграция не может остаться без последствий для национальных экономик. С одной стороны, приток молодежи благотворно воздействует на принимающую сторону, с другой стороны, те молодые люди, которые не смогут адаптироваться к новым реалиям, могут пополнить ряды криминальных элементов, что спровоцирует рост преступности [6]. События последних лет, а именно кризис на Ближнем Востоке продемонстрировал, как молодые беженцы, пытаясь сохранить свою жизнь, повлияли на политическую ситуацию в европейских странах. В любом случае прибывшая молодежь – дополнительный источник для развития экономики, а также трудовой ресурс. Имеется и другая сторона массовой миграции, те молодые люди, которые не смогли адаптироваться к новым реалиям, пополняют ряды криминальных структур. Буквально за короткое время в Европе выросло количество преступлений, совершаемых мигран-

тами. ФРГ была одной из тех стран, которая активно принимала беженцев Ближнего Востока. Исходя из статистических отчетов было выявлено, что доля преступлений, совершенных мигрантами, составляет около 70% от общего количества всех преступлений [7, с. 74]. Немецкое правительство оказалось заложником ситуации, когда в стране наблюдается демографические проблемы, и чтобы не допустить старение нации, правительство поддержало политику принятия беженцев, что в свою очередь нашло отражение в росте преступности.

Другая проблема, которая наблюдается в современном мире – это рост безработицы. Безработица становится одним из критериев, вынуждающую молодежь мигрировать в другие страны в поисках лучшей жизни. Согласно статистике ООН, более 60% людей мигрируют в страны Европы и Азии. В Европе проживают порядка 87 млн, в Азии – 86 млн иностранных трудящихся. В Северной Америке нашли приют 59 млн международных мигрантов, что составляет 21% всех глобальных миграционных потоков. 9% мигрантов приходится на Африку и 3% на страны Океании [10]. По другим оценкам схожая тенденция наблюдается в Карибском бассейне, где сохраняется серьезная угроза безработицы среди молодежи, и она является одной из самых высоких в мире [20]. В одном из докладов приводится весьма убедительный факт, что «если бы иммиграция в Соединенное Королевство и Германию прекратилась в 1990 году, реальный ВВП обеих стран в 2014 году был бы ниже, соответственно, на 175 млрд фунтов стерлингов и 155 млрд фунтов стерлингов» [9, с. 184]. Рынок диктует правила, в том числе и национальным экономикам, которым следует быть конкурентными, чтобы обеспечить высокий уровень жизни.

Стоит почеркнуть, что проблема низкого уровня жизни, безработицы, нехватки рабочих мест, миграции и т.д. напрямую отражается на молодежной политике. На международных форумах и конференциях эти вопросы поднимаются не в первый раз. На одном из таких форумов, который проходил ранее в 2008 году в Давосе (Швейцария), выступал один из богатейших людей в мире Билл Гейтс, который обозначил ключевые векторы развития глобальной капиталистической системы на ближайшие десятилетия. В своем выступлении он подчеркивал: наличие социального неравенства в мире, диспропорцию в социально-экономическом и технологическом развитии отдельных стран, которые приводят к изменению потенциала развития страны. Корень самой проблемы, по его мнению,

находится в механизмах регулирования рыночной экономики, которая ориентируется на обогащении одних за счёт других. Б. Гейтс, предложил один из механизмов в устранении данной диспропорции - использование рыночного потенциала в созидательном ключе, когда крупным корпорациям необходимо жертвовать часть прибыли на благотворительность, а также раздавать устаревшие технологии странам третьего мира. Он отмечал: «Это наилучшая форма созидательного капитализма, поскольку позволяет направить интеллектуальный ресурс, улучшающий жизнь богатых, на повышение уровня жизни всех остальных» [12, с. 20]. Предложенные способы разрешения проблемы, о которых говорил Б. Гейтс – это лишь малая часть тех средств, которые позволят улучшить уровень жизни. Мало кто из богатейших людей готов отказаться от личного благосостояния, в пользу народного, поскольку пожертвовать придётся на всеобщее благо. Рыночная модель построена таким образом, что богатство одних достигается за счёт бедности других. Несправедливое распределение национальных богатств, а также вывоз ресурсов в развитые страны, приводит к повышению уровня жизни одних и ухудшению других. И эта диспропорция особенно ярко наблюдается в тех странах, где сохраняется низкий уровень жизни и национальные богатства сосредоточены в узких кругах.

Согласно данным ООН 16% мирового населения или 1,2 миллиарда человек – это молодежь в возрасте от 15 до 24 лет, а к 2030 году их численность составит 1,3 млрд человек [15], 43% населения земного шара – и 90% молодежи, проживающей в развивающихся странах [21]. Они получают образование, заканчивают учебу, а также начинают делать первые шаги в профессиональной деятельности. На данном этапе формируются основные жизненные ориентиры. Можно предположить, что во многих странах мира проблема, связанная с развитием потенциала молодежи, занимает ключевое направление, однако раскрыть его удастся не всегда. Особенно актуальна эта проблема там, где молодежная политика остается номинальной и имеет авантюристский характер.

Таким образом, молодежная политика является одним из механизмов в развитии молодежного потенциала. Рост молодежи в мире приводит к новым запросам в различных сферах. В тех странах, где созданы условия для самореализации - наблюдается высокий уровень жизни. Принимаются стратегии и программы, в которых разработаны основные направления, соответственно, открываются дополнительные образовательные,

культурно-досуговые учреждения, рабочие места и т.д. Отдельное внимание уделяется законотворческим проектам, а также программным документам, которые формируют молодежную политику. Вопрос молодежной политики на протяжении последних лет занимает важное место в системе государственного управления, поскольку развитие национальных экономик сказывается на уровне благополучия граждан. В отличие от других социально-демографических групп, молодежь продолжает оставаться наиболее активной и более восприимчивой к различным новациям в политике. Эффективно реализуемая молодежная политика гарантирует защиту прав и свобод, что позволяет молодежи вносить более значимый вклад при участии в общественно-политической жизни.

Литература

1. Аббасов Г.А., Нестерчук О.А. Развитие и реализация государственной молодежной политики на постсоветском пространстве: советское наследие и достижения в период независимости // PolitBook. 2022. №3. С. 6-33.

2. Алексеев С.В., Шумилов А.В. Молодежь и молодежная политика: теоретико-методологическое осмысление (Российский опыт) // PolitBook. 2016. №2. С. 107-118.

3. Беляева Н.М. Молодёжная политика Европейского союза в 2000-е гг.: эволюция ценностей и приоритетов // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14. №1. С. 75-87.

4. Блинова О.А., Горбунова Ю.А. Цифровое пространство как новая агора: политические практики молодежи российских городов // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. №4(37). С. 102-108.

5. Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Исследование становления гражданской идентичности молодого поколения россиян: интегративный подход // Социально-политические исследования. 2021. №3(12). С. 15-23.

6. Бурда М.А., Хорева Е.Е., Герасимова И.В. Миграционная политика в современной России: информационно-коммуникационные технологии в управлении миграцией // PolitBook. 2022. №2. С. 54-66.

7. Дегтярева Л.М., Резникова А.В. О состоянии преступности в Федеративной республике Германия в контексте современных миграционных процессов // Философия права. 2019. №2 (89). С. 71-76.

8. Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/youth_peace_ideals.shtml (дата обращения 20.10.2022).

9. Доклад о миграции в мире. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения 21.10.2022).

10. За последние 50 лет число международных мигрантов выросло в три раза. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1414772> (дата обращения 25.10.2022).

11. Ильинский И.М. Молодёжь и строительство нации // Знание. Понимание. Умение. 2022. №2. С. 5-28.

12. Кинсли М., Кларк К. Креативный капитализм / Чат с Биллом Гейтсом, Уорреном Баффетом и другими бизнес-гуру. Минск: Поппури, 2010. 336 с.

13. Лапшин В.А. Исследовательская деятельность студентов как фактор раскрытия их интеллектуального, инновационно-деятельностного, ценностного потенциала: тезаурусный анализ // PolitBook. 2022. №3. С. 129-137.

14. Логунова В.П., Самаркина И.В. Абсентеизм молодежи как форма политического участия // Общество: политика, экономика, право. 2017. №2. С. 14-15.

15. Молодежь. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth#:~:text=> (дата обращения 23.10.2022).

16. Семочкина Е.В., Сковиков А.К. Взаимодействие государства с молодежными структурами: Самарский кейс // PolitBook. 2022. №3. С. 34-48.

17. Холякко А. Состояние 1% богатейших людей в мире больше, чем у остального населения. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/20/821057-sostoyanie-bogateishih> (дата обращения 26.10.2022).

18. Черняк Ю.Г. Социальный потенциал молодежи: теоретические и методологические основания исследования // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. №4. С. 176-180.

19. Шибаршина О.Ю. К вопросу о положении молодежи на современном рынке // Научные труды Московского университета имени С.Ю. Витте. М., 2020. С. 110-119.

20. Шумилов А.В. Государственная молодежная политика: теоретическое осмысление и измерение // PolitBook. 2016. №3. С. 6-17.

21. Шумилов А.В. Молодежная политика в России: поиски инновационного развития государства // Политика развития, государство и мировой по-

рядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Москва: Аспект Пресс, 2018. С. 590.

22. Шумилов В.К. Студенческое поколение 2000-х годов. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 2008. 112 с.

23. Camarinhas C. Implementation strategies for youth mainstreaming in sustainable development processes. URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/events/files/lcar2019_03_policy_brief.pdf (дата обращения 25.10.2022).

24. Karsten A. Youth policy interventions & programmes: best practices URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/presentations/2a_andreas_karsten.pdf (дата обращения 03.10.2022).

25. Rystina I., Kussainova Z. Comparative analysis of national youth policy in different countries // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 140. P. 654–656.

26. Samuel H. Youth, Migration and Development: A New Lens for Critical Times. URL: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2022-04/KNOMAD%20Working%20Paper%2041-Youth%20Migration-March%202022.pdf> (дата обращения 24.10.2022).

27. Tekindal M. The position of the youth in political participation URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/399793> (дата обращения 28.10.2022).

28. Weiss J. What Is Youth Political Participation? Literature Review on Youth Political Participation and Political Attitudes // Front. Polit. Sci. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpos.2020.00001/full> (дата обращения 26.10.2022).

References

1. Abbasov G.A., Nesterchuk O.A. Razvitie i realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki na postsovetskom prostranstve: sovetskoe nasledie i dostizheniya v period nezavisimosti. PolitBook. 2022. №3. S. 6-33.

2. Alekseev S.V., Shumilov A.V. Molodezh' i molodezhnaya politika: teoretiko-metodologicheskoe osmyslenie (Rossiiskii opyt). PolitBook. 2016. №2. S. 107-118.

3. Belyaeva N.M. Molodezhnaya politika Evropeiskogo soyuza v 2000-eg. gg.: evolyutsiya tsennostei i prioritetov. Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2020. T. 14. №1. S. 75-87.

4. Blinova O.A., Gorbunova Yu.A. Tsifrovoye prostranstvo kak novaya agora: politicheskie praktiki molodezhi rossiiskikh gorodov. Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie. 2021. №4(37). S. 102-108.

5. Koryakovtseva O.A., Bugaichuk T.V. Issledovanie stanovleniya grazhdanskoi identichnosti mladogo pokoleniya rossiyan: integrativnyi podkhod. Sotsial'no-politicheskie issledovaniya. 2021. №3(12). S. 15-23.

6. Burda M.A., Khoreva E.E., Gerasimova I.V. Migratsionnaya politika v sovremennoi Rossii: informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v upravlenii migratsiei. PolitBook. 2022. №2. S. 54-66.

7. Degtyareva L.M., Reznikova A.V. O sostoyanii prestupnosti v Federativnoi respublike Germaniya v kontekste sovremennykh migratsionnykh protsessov. Filosofiya prava. 2019. №2 (89). S. 71-76.

8. Deklaratsiya o rasprostraneni sredi molodezhi idealov mira, vzaimnogo uvazheniya i vzaimoponimaniya mezhdunarodnykh narodami. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/youth_peace_ideals.shtml (data obrashcheniya 20.10.2022).

9. Doklad o migratsii v mire. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (data obrashcheniya 21.10.2022).

10. Za poslednie 50 let chislo mezhdunarodnykh migrantov vyroslo v tri raza. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1414772> (data obrashcheniya 25.10.2022).

11. Il'inskii I.M. Molodezh' i stroitel'stvo natsii. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2022. №2. S. 5-28.

12. Kinsli M., Klark K. Kreativnyi kapitalizm / Chat s Billom Geitsom, Uorenom Baffetom i drugimi biznes-guru. Minsk: Poppuri, 2010. 336 s.

13. Lapshin V.A. Issledovatel'skaya deyatelnost' studentov kak faktor raskrytiya ikh intellektual'nogo, innovatsionno-deyatelnostnogo, tsennostnogo potentsiala: tezaurusnyi analiz. PolitBook. 2022. №3. S. 129-137.

14. Logunova V.P., Samarkina I.V. Absenteizm molodezhi kak forma politicheskogo uchastiya. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2017. №2. S. 14-15.

15. Molodezh'. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth#:~:text=> (data obrashcheniya 23.10.2022).

16. Semochkina E.V., Skovikov A.K. Vzaimodeistvie gosudarstva s molodezhnymi strukturami: Samarskii keis. PolitBook. 2022. №3. S. 34-48.

17. Kholyavko A. Sostoyanie 1% bogateishikh lyudei v mire bol'she, chem u ostal'nogo naseleniya. URL:

<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/20/821057-sostoyanie-bogateishih> (data obrashcheniya 26.10.2022).

18. Chernyak Yu.G. Sotsial'nyi potentsial molodezhi: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya. Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya. 2017. №4. S. 176-180.

19. Shibarshina O.Yu. K voprosu o polozhenii molodezhi na sovremennom rynke. Nauchnye trudy Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. M., 2020. S. 110-119.

20. Shumilov A.V. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: teoreticheskoe osmyslenie i izmerenie. PolitBook. 2016. №3. S. 6-17.

21. Shumilov A.V. Molodezhnaya politika v Rossii: poiski innovatsionnogo razvitiya gosudarstva. Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoi poryadok: Materialy VIII Vserossiiskogo kongressa politologov. Moskva: Aspekt Press, 2018. S. 590.

22. Shumilov V.K. Studencheskoe pokolenie 2000-kh godov. Cheboksary: Izd-vo Chuvashskogo gos. un-ta, 2008. 112 s.

23. Camarinhas C. Implementation strategies for youth mainstreaming in sustainable development processes. URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/events/files/lcar2019_03_policy_brief.pdf (data obrashcheniya 25.10.2022).

24. Karsten A. Youth policy interventions & programmes: best practices URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/presentations/2a_andreas_karsten.pdf (data obrashcheniya 03.10.2022).

25. Rystina I., Kussainova Z. Comparative analysis of national youth policy in different countries. Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 140. P. 654–656.

26. Samuel H. Youth, Migration and Development: A New Lens for Critical Times. URL: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2022-04/KNOMAD%20Working%20Paper%2041-Youth%20Migration-March%202022.pdf> (data obrashcheniya 24.10.2022).

27. Tekindal M. The position of the youth in political participation URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/399793> (data obrashcheniya 28.10.2022).

28. Weiss J. What Is Youth Political Participation? Literature Review on Youth Political Participation and Political Attitudes. Front. Polit. Sci. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpos.2020.00001/full> (data obrashcheniya 26.10.2022).

**Н.Н. Козлова,
Ю.А. Монахова**

**N. Kozlova,
Yu. Monakhova**

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ И ОБРАЗ
ПОЛИТИКА В СОЗНАНИИ
РОССИЯН:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**GENDER ASPECTS
OF ELECTORAL
ORIENTATIONS AND THE
IMAGE OF A POLITICIAN
IN THE MINDS OF
RUSSIANS: REGIONAL
ASPECT**

Аннотация

В статье представлены результаты социологического опроса, проведенного в августе 2022 г. среди жителей г. Твери с целью выявления шансов женщин на продвижение в политику. Предложена методика оценки данной проблемы, выявлено влияние на электоральные предпочтения таких факторов как пол, возраст, уровень образования и материального благосостояния. Проведенное исследование показало, что в современной российской политике, характеризующейся усилением консервативных трендов, возможности женщин осуществить карьерный рост в политической жизни незначительны. Полученные данные свидетельствуют о гендерных различиях электоральных ориентаций россиян, наличии смешенного патриархально-партнерского характера электоральных установок. Анализ мнений респондентов об образе политика позволяет сделать вывод, что «идеальный» политик – это скорее мужчина, в возрасте от 40 до 55 лет, со средним уровнем материального достатка, с высокими моральными принципами, хорошим образованием, опытом управленческой деятельности, нацеленный на решение проблем граждан своей страны. Авторы статьи резюмируют, что в обществе продолжают функционировать традиционные гендерные стереотипы, характерные в основном для старших возрастных групп, людей со средним уровнем образования, женщин с низким уровнем информированности в сфере политики. В ходе исследования выявлена готовность поддержать женщин-кандидатов на выборах среди групп молодых избирате-

Abstract

The article presents the results of a sociological survey conducted in August 2022 among residents of Tver in order to identify the chances of women to advance into politics. A methodology for assessing this problem is proposed, the influence of such factors as gender, age, level of education and material well-being on electoral preferences is revealed. The conducted research has shown that in modern Russian politics, characterized by the strengthening of conservative trends, the opportunities for women to pursue career growth in political life are insignificant. The data obtained indicate gender differences in the electoral orientations of Russians, the presence of a mixed patriarchal-partner nature of electoral attitudes. The analysis of respondents' opinions about the image of a politician allows us to conclude that the "ideal" politician is rather a man, aged 40 to 55 years, with an average level of material prosperity, with high moral principles, good education, managerial experience, aimed at solving the problems of citizens of his country. The authors of the article summarize that traditional gender stereotypes continue to function in society, characteristic mainly of older age groups, people with an average level of education, women with a low level of awareness in the field of politics. The study reveals a willingness to support women candidates in elections among groups of young voters with a high level

лей с высоким уровнем образования, сознательной заинтересованностью в получении объективной политической информации. Авторы заключают, что перспективы российской политики обрести «женское лицо» связаны с электоральными ориентациями молодого поколения избирателей.

of education, a conscious interest in obtaining objective political information. The authors conclude that the prospects of Russian politics to find a "female face" are related to the electoral orientations of the younger generation of voters.

Ключевые слова:

электоральные ориентации, образ политика, гендерная асимметрия, женщины, мужчины, электорат, консервативный тренд российской политики, патернализм.

Key words:

electoral orientations, image of a politician, gender asymmetry, women, men, electorate, conservative trend of Russian politics, paternalism.

Консервация и инерционность российской политики в последние годы формирует общественный запрос на «нового» политического лидера. Гипотетически данная ситуация предоставляет уникальную возможность женщинам увеличить свое присутствие в политике. В заявлениях российских политиков федерального уровня, в частности главы Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко, указывается, что «мы будем делать все, чтобы в России было больше женщин-лидеров, чтобы женщины были больше представлены на всех уровнях власти [15]. Однако до настоящего времени все усилия государства и гражданского общества, направленные на наращивание представительства женщин в политике, не привели к гендерному паритету: количество женщин в Государственной Думе Федерального Собрания РФ VIII созыва составляет 74 человека (16,4%) [3]. Практически такой же процент составляет и численность женщин-депутатов в региональных парламентах [10, с. 183–184]. В глобальных рейтингах по политическому критерию гендерного равенства Россия год от года снижает свои показатели: в 2021 г. РФ занимала 133 место в мире из 188 стран [24]. Анализируя тенденции развития гендерной политики в России, исследователи приходят к выводу, что в политическую риторику и практику в последние годы государство активно продвигает традиционные ценности, а вкупе с ними и патриархальные установки [5, с. 103]. По мнению С.Г. Айвазовой, на фоне консервативной волны поле российской политики «интеграция российских женщин в современный политический процесс происходит скорее в форме имитации, чем в форме сознательной планомерной деятельности по демократизации устоев общественной жизни» [2, с. 67]. Смещение акцентов на эссенциалистские и пронаталистские основания гендерной политики выразилось в принятии федеральным законодателем

серии нормативно-правовых актов, направленных на укрепление семьи и увеличении рождаемости (Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. №1618-р «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», Указ Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и др.), снятии с рассмотрения в нижней палате российского парламента в июле 2018 г. законопроекта «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Целью данной статьи является выявление оценки региональным электоратом возможности продвижения женщин в политику и факторов, влияющих на готовность избирателей голосовать за женщину-политика в условиях усиления консервативных трендов современной российской государственной политики.

Проблема продвижения женщин в политику многоаспектна и в детально исследована на зарубежном и российском материале. На данный момент количество публикаций на тему участия женщин в политике настолько объемно в западной политической науке, что требует отдельного обзора. Зарубежные исследователи отмечают такие институциональные и неинституциональные факторы, определяющие представленность женщин в политике тех или иных стран, – тип избирательной системы, квотирование, уровень развития общества [27; 28]. На основе анализа российского материалы, зарубежные эксперты пришли к выводу, что низкий уровень представительства женщин в органах государственной власти обусловлен, прежде всего, культурными факторами – гендерными стереотипами, электоральными установками и пр. [23; 25; 26].

В российской политической науке изучение гендерных аспектов электоральных ориентаций россиян рассматривается, как правило, в контексте изучения гендерной асимметрии. Социологические исследования О.А. Хасбулатовой и др. показали, что «неженское лицо» российской политики обусловлены историческими особенностями формирования маскулинного профиля отечественной политики: граждане ориентируются на «мужскую власть» как «более эффективную», что «подпитывается государственной политикой по наращиванию и укреплению вооруженных сил, политическим мифом, что великая Россия должна иметь мощный военный потенциал» [22, с. 23–24].

Фундаментальные исследования предпочтений российского электората в гендерном измерении были проведены С. Айвазовой и Г. Кертманом на основании данных парламентских и президентских кампаний с 1999 г. Ученые выявили ряд гендерно окрашенных факторов электорального процесса – доминирование консервативных ориентаций женщин-избирательниц, предпочтение мужчин-политиков женщинам, в том числе на посту Президента РФ, симуляционный характер продвижения идеи гендерного паритета парламентскими партиями [1].

Ряд исследователей опровергает миф о нежелании избирателей поддерживать женщин на выборах. Фактические данные говорят о том, что у избирателей нет серьезных предубеждений в отношении баллотирующихся женщин [9, с. 13]. Многие исследователи отмечают, что женщины несколько активнее принимают участие в ряде мероприятий выборной кампании, чем мужчины, прежде всего, женщины пенсионного возраста [4, с. 621; 13, с. 47]. В исследованиях, посвящённых региональным аспектам участия мужчин и женщин в политике, отмечается, что на местных выборах женщинам более реально победить, чем на федеральных [18, с. 218; 20, с. 182]. Анализируя гендерные особенности политического сознания россиян с точки зрения восприятия политики гендерного равенства, Е.В. Кочкина выявляет 12 индикаторов гендерного разрыва и 14 индикаторов, связанных с «гендерной картиной мира» избирателей [11, с. 59]. А.А. Гнедаш эксплицирует роль российских СМИ и online пространства в гендерной стереотипизации электоральных установок [7]. Одной из интересных работ на тему восприятия женщины-политика российским электоратом, на наш взгляд, является исследование О.Г. Овчаровой, оценивающей итоги президентской гонки К.А. Собчак [16].

Электоральные ориентации и образы политиков в массовом сознании анализируются также и ведущими российскими социологическими центрами. Маскулинизация политики как одна из ее базовых характеристик фигурирует и в данных экспертно-аналитического центра РАНХиГС. В сентябре 2015 года портрет идеального политика согласно исследованиям центра, выглядел следующим образом – это целеустремленный, с политической силой воли, порядочный и честный лидер [17].

Близкие показатели отношения электората к женщинам-политикам приводит ВЦИОМ: согласно опросу от 1 марта 2020 года 68% россиян не хотят видеть женщин в роли главы государства и лишь 20% поддерживает

эту идею. Но среди граждан возраста 18–24 лет 43% респондентов хотели бы, чтобы Президентом РФ была женщина. Нисходящий тренд участия женщин в политике также отмечен данным исследовательским фондом: если в 2016 году 89% респондентов скорее хотели бы видеть женщину на посту министра здравоохранения, социального обеспечения или образования, то в 2020 году эта доля снизилась до 69%. При этом наиболее консервативны в выборе Президента РФ и Председателя Правительства РФ финансово благополучные граждане. Эксперты фонда объясняют данные тенденции несколькими причинами: дефицитом ярких женщин в публичном поле, популяризацией государством консервативных и семейных ценностей, сохранением запроса на «сильную руку» [21]. Гендиректор ВЦИОМа В. Федоров так прокомментировал результаты исследований: «Стереотипный образ политика остается преимущественно мужским, женщинам, по мнению россиян, порой не хватает воли и характера для участия в борьбе за власть, к тому же много времени у них занимают семья и дети» [6].

Смешанный патриархально-партнерский характер электоральных установок фиксируется и в исследованиях Фонда общественного мнения. Согласно результатам проведенного им в сентябре 2020 года социологического исследования 40% россиян не исключают, что в ближайшие 10–20 лет пост Президента России может занять женщина, а 47% считают, что это, скорее, невозможно. Допускают для себя возможность проголосовать на выборах президента за женщину 62%, исключают – 30% респондентов. При этом 29% опрошенных высказали твердое убеждение, что политика – это не женское дело [8].

Таким образом, исследования электоральных ориентаций россиян показали наличие гендерного разрыва и тенденцию к снижению вероятности женщин быть избранными на высшие государственные посты.

Гипотеза исследования заключается в том, что в условиях консервативного поворота в электоральных ориентациях актуализируются маскулинные черты политики и шансы женщин на продвижение в политику являются незначительными. Для проверки данной гипотезы авторами статьи в августе 2022 года было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие жители областного центра (301 человек) в возрасте от 18 лет и старше, мужчины и женщины, с различным уровнем материального благосостояния и уровнем образования, отобранные по квотной выборке.

Анализ полученной информации выявил, что тверские мужчины гораздо чаще женщин демонстрируют более высокую степень интереса к политическим событиям.

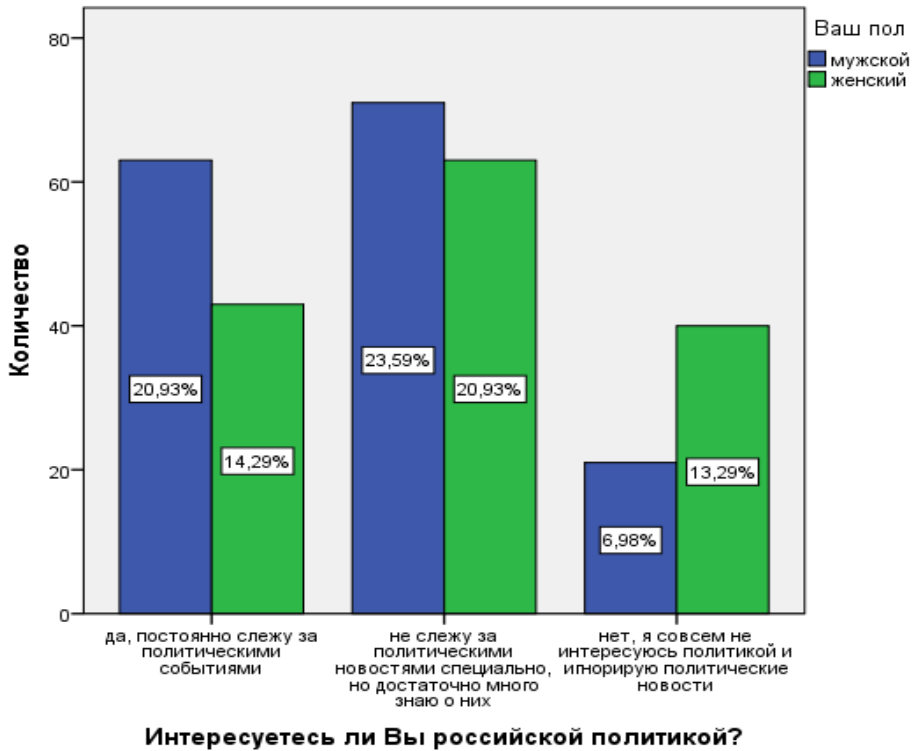

Рисунок 1 - Степень интереса к политической информации в зависимости от пола респондента

Из приведенных данных видно, что мужчины в большей степени, чем женщины интересуются политикой и следят за новостями. Избиратели женского пола в два раза реже смотрят политические телевизионные передачи и практически не обсуждают подобную информацию с коллегами, друзьями и соседями, демонстрируют меньшую, чем мужчины осведомленность о политических дискуссиях, о деятельности политических лидеров. Исключение составляют женщины с низкими доходами, среди тех, кто живет ниже прожиточного минимума и испытывает материальные трудности даже при покупке одежды: 76,9% объявили о своем интересе к политике. Женщины,

относящие себя к обеспеченным слоям населения, не проявляют интереса к событиям в политической жизни страны. Кроме того, интерес женского электората к политическим событиям в значительной степени коррелирует с принадлежностью к возрастной группе.

Таблица 1. Уровень интереса к политическим событиям женщин в зависимости от возраста

	Уровень интереса к политическим событиям			
	да, постоянно слежу за политическими событиями	не слежу за политическими новостями специально, но достаточно много знаю о них	нет, я совсем не интересуюсь политикой и игнорирую политические новости	
молодежь	5,6%	44,4%	50,0%	100,0%
средний возраст	24,2%	45,5%	30,3%	100,0%
старший возраст	56,8%	38,6%	4,5%	100,0%
Всего	29,5%	43,2%	27,4%	100,0%

Женщины старшего возраста в большей степени, чем молодые избирательницы, высказывают осведомленность о политических событиях в стране и мире: 56,8% против 5,6%. Аналогичный разрыв мы фиксируем по показателю «Нет, я совсем не интересуюсь политикой и игнорирую политические новости»: среди молодежи игнорируют политическую информацию 50% молодых женщин и лишь 4,5% пожилых респонденток. Среди избирателей мужского пола зависимости между возрастом и интересом к политике по результатам исследования не была выявлена.

Несмотря на менее выраженный интерес к политике, как следует из рисунка 2, среди активно участвующих в выборах людей больше женщин, нежели мужчин. Результаты нашего исследования подтверждают общефедеральные тренды о том, что у российского электората «женское лицо» [14].

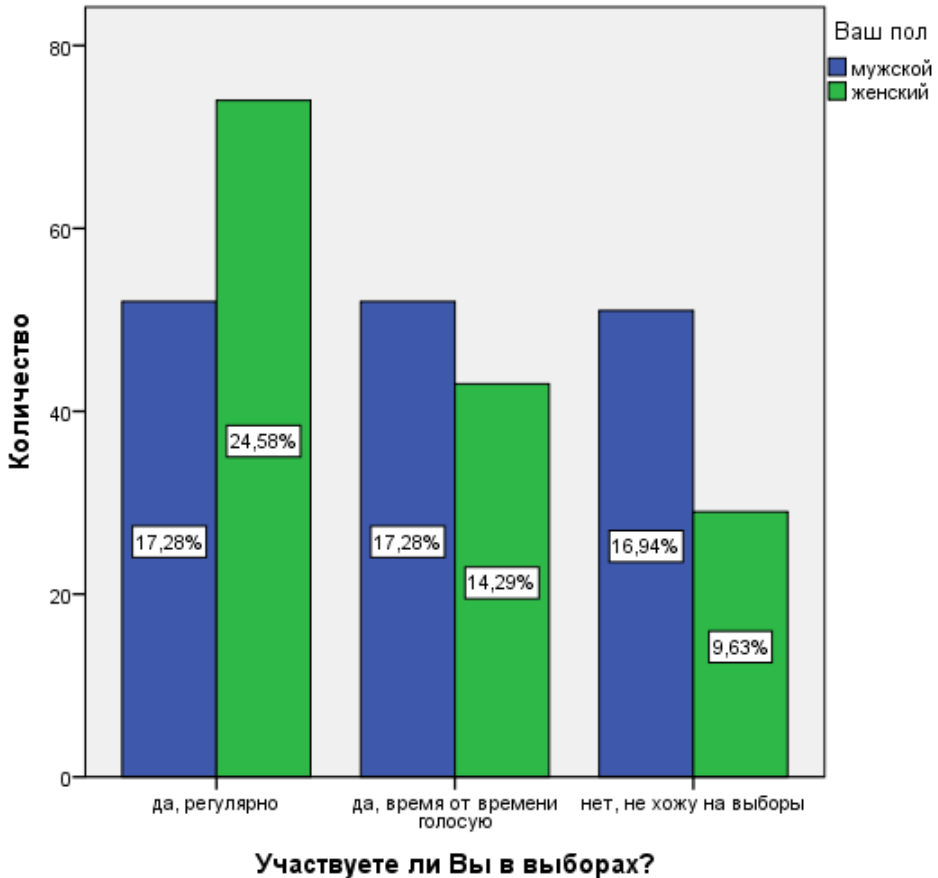

Рисунок 2 - Гендерные различия в уровне электоральной активности тверских избирателей

Материальное положение тверских избирательниц практически не оказывает влияния на их электоральную активность: в выборах участвуют и малообеспеченные женщины, и представительницы среднего класса, однако, абсентеизм проявляют чаще женщины со средним и высоким уровнем доходов.

Согласно полученным данным уровень электоральной активности в значительной степени зависит от возраста. В старшей возрастной группе 84,1% женщин регулярно участвуют в избирательном процессе, нет тех, кто не участвует в голосовании. Среди мужчин старшей возрастной группы

активных избирателей насчитывается 70,0%, а не участвует в выборах 20,0% респондентов. В группе молодых избирателей регулярно проявляют свою гражданскую позицию 27,8% женщин и 10,8% мужчин. Около 50% молодых женщин и большинство 56,8% молодых мужчин проявляют абсентеизм. Таким образом, в современной России состав органов государственной власти, избираемых гражданами, в основном формируется представителями старшего поколения, женщинами с низким материальным достатком. Поскольку многочисленный и активный женский электорат ориентируется при выборе кандидатов не на анализ политической информации, то гипотетически главным фактором при принятии решений избирательницами является сформировавшийся в сознании идеальный «образ» политика. Ответы на блок вопросов, затрагивающих данный аспект проблемы, были получены следующие.

Идеальный образ политического лидера современной России, по мнению избирателей, складывается из морально-нравственных, профессиональных, социальных и персональных характеристик. Анализ ответов респондентов, позволяет нам представить последовательность этих характеристик по степени их значимости в качестве основных компонент «идеального» образа. Наиболее высокие требования участники опроса предъявляют к морально-нравственным особенностям личности кандидатов на пост главы региона или главы государства, таким как честность (отметили 96% респондентов); неподкупность, бескорыстие (56%); справедливость (49%), порядочность (45%). На втором месте по значимости находятся профессиональные черты политика, которого тверские избиратели хотели бы видеть в качестве своего представителя в органах государственной власти. К ним относятся: компетентность в политике, в общественных делах (43%); образованность, высокий уровень знаний (33%); знание реальных проблем общества, трезвый взгляд на проблемы страны, видение перспектив ее развития (25%).

Следующий набор характеристик, на которые обращают внимание респонденты, – социальные качества кандидата: выполнение обязательств (25%); забота о гражданах страны, защита их интересов, способность быть гарантом Конституции (25%); преданность и уважение к народу, умение слышать и понимать нужды населения (24%).

И на последнем месте по значимости для оценки «идеального» образа политического деятеля располагаются его персональные особенности:

ум, интеллект (20%); сдержанность, терпение, толерантность (12%). целеустремленность, уверенность (11%); смелость, бесстрашие (5%);

Существенных гендерных различий в оценке образа «идеального» политика по результатам обследования практически не зафиксировано, можно лишь отметить, что женщины несколько чаще обращают внимание на нравственные и социальные черты кандидата, а мужчины на профессиональные характеристики. Такое распределение составляющих «идеального» образа свидетельствует о низкой удовлетворенности населения уровнем моральной ответственности представителей власти перед избирателями и негативной оценке профессиональной компетентности, сомнениях в способности современной политической элиты эффективно управлять государством.

Для тверских избирателей характерной чертой является внутренняя согласованность представлений относительно семейный статус «идеального» политика.

Таблица 2. Отношение мужчин и женщин избирателей к политическому деятелю в зависимости от его семейного положения

Семейное положение политика	Ваш пол		Всего
	мужской	женский	
Политический деятель должен состоять в зарегистрированном браке, это говорит о его серьезности	34,2%	52,7%	43,2%
Политический деятель должен быть одиноким, чтобы тратить все свое время на государственные дела	0,0%	2,1%	1,0%
Семейное положение не играет никакой роли	65,8%	45,2%	55,8%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%

Немногим более половины респондентов (55,8%), участвовавших в исследовании, полагают, что семейное положение кандидата не оказывает влияния на его шансы быть избранным на государственную должность. Но

женщины, в отличие от мужчин, в большей степени склонны доверять политическим лидерам, состоящим в зарегистрированном браке (52,7% и 34,2% соответственно).

Информация об уровне доходов кандидата при формировании привлекательного имиджа имеет значение для людей со средним и средним специальным образованием. Половины данных респондентов полагают, что политик не должен быть богатым, а иметь доход средний или ниже среднего. Материальный достаток политического деятеля не играет роли при его оценке для избирателей с высоким уровнем образования (59,9%).

Что же касается возраста «идеального» представителя власти, то здесь наблюдается солидарность в предпочтениях респондентов. Политик должен быть в возрасте от 40 до 55 лет – так считает 60,1% опрошенных. Возраст кандидата на государственную должность не имеет значения для 15,3% участников исследования. Небольшая часть избирателей (13,0%) хочет видеть на высших управленческих постах молодых людей до 40 лет и у 11,6% избирателей вызывают доверие кандидаты зрелого возраста от 55 до 60 лет. Данные выводы коррелируют с результатами исследований экспертов, изучающих специфику «возраста власти» [19].

Мужчины-политики по оценкам большей части тверских избирателей (58,8%) имеют больше шансов победить на выборах. Позицию, что пол не оказывает влияния на электоральный выбор, поддерживают 38,2% опрошенных (36,8% мужчин и 39,7% женщин). Большие сомнения в возможности женщины добиться успеха в сфере политики и сделать карьеру высказывают избиратели старшей возрастной группы (66,2%). Среди молодой аудитории только 45,2% избирателей полагают, что мужской пол политического лидера дает ему преимущества в избирательной гонке.

На вопрос анкеты: «Готовы ли вы проголосовать за женщину кандидата в губернаторы, мэры, если вас будет устраивать ее предвыборная программа?» положительно ответили 69,8% опрошенных. Позицию «Да, однозначно проголосую» выбрали 36,9% респондентов и суждение «скорее согласен голосовать, чем нет» 32,9% тверских избирателей. Отметим, что данные нашего исследования соотносимы с результатами указанных выше опросов ведущих российских социологических центров.

Среди участников исследования, готовых оказать доверие женщинам, претендующим на высокие политические посты на уровне региона и муниципалитета, значимых расхождений не отмечено. Но среди тех, кто «ни

при каких обстоятельствах не отдаст свой голос женщине-кандидату» оказалось 5,2% мужчин и 9,6% женщин. По мнению исследователей, феномен, когда женщины не голосуют за женщин, а отдают предпочтение мужчинам-кандидатам, объясняется тем, что женщины не всегда увязывают свою политическую кампанию с интересами своего пола, тем самым не активизируют гендерную идентичность избирателя [12]. Менее лояльны к женской политической активности люди со средним и средним специальным образованием, в этой группе абсолютно исключают возможность женщин занимать какой-либо государственный пост – 14,6% респондентов. Избиратели с высшим образованием скорее склонны поддержать идею «гендерного паритета» в сфере политики (78,4%).

Более скептические взгляды на способность женщин участвовать в принятии политических решений высказывают чаще люди старшего возраста, нежели молодые избиратели. Большинство представителей молодежи готово голосовать за женщин-кандидатов и уверено в их профессиональной пригодности – 89,1% респондентов, в противовес старшему поколению, среди которых таких только 62,2%.

Кроме того, чем выше уровень материального достатка избирателя, тем лучше он реагирует участие на женщин в политике, среди тех, у кого денег хватает только на еду, готовы видеть женщин на государственной службе – 55,6%, а те, кто может позволить себе все, кроме покупки недвижимости, без использования кредитных средств – уже 88,4%.

Итак, наше исследование подтвердило гипотезу, что в современных политических условиях, характеризующихся усилением консервативных трендов, шансы женщин на продвижение в российскую политику незначительны. Полученные данные коррелируют с результатами опросов ведущих российских социологических центров и свидетельствуют о гендерных различиях электоральных ориентаций россиян. Важно отметить, что мужчины в большей степени, чем женщины, проявляют интерес к политической жизни, мужчины больше информированы о политической ситуации в стране и в мире. Среди женщин, интересующихся политикой, преобладают те, кто живет ниже прожиточного минимума и те, кто находится в старшей возрастной группе. Несмотря на менее выраженный интерес к политике, среди людей, активно участвующих в выборах, больше женщин, нежели мужчин. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что женский электорат ориентируется при выборе кандидатов не на анализ политической информации, а

на сформировавшийся в сознании идеальный «образ» политика. Материальное положение тверских избирательниц практически не оказывает влияния на их электоральную активность в отличие от возраста. Ответы на блок вопросов, связанных с возможностью женщин занять высшие посты в государстве, указывает на амбивалентность электоральных ориентаций россиян. С одной стороны, в обществе продолжают функционировать традиционные гендерные стереотипы, воспринимаемые в основном старшими возрастными группами, людьми со средним уровнем образования, женщинами с низким уровнем информированности в сфере политики, которые принимают гендерный разрыв в политической системе как правильное и естественное состояние. Женщины чаще обращают внимание на семейный статус, нравственные и социальные черты кандидата, а не на профессиональные характеристики, они сомневаются в возможности женщины добиться успеха в сфере политики. По мнению респондентов, «идеальный» политик – это скорее мужчина, в возрасте от 40 до 55 лет, со средним уровнем материального достатка, с высокими моральными принципами, хорошим образованием, опытом управленческой деятельности, нацеленный на решение проблем граждан своей страны.

С другой стороны, появляются молодые группы избирателей с высоким уровнем образования, сознательной заинтересованностью в получении объективной политической информации, которые становятся носителями нового общественного мнения, для кого пол перестает быть главной доминантой при осуществлении ими электорального выбора. На наш взгляд, электоральные ориентации молодого поколения избирателей в перспективе увеличат шансы женщин войти в политический класс России, смягчить консервативные тренды российской политики.

Литература

1. Айвазова С., Кертман Г. Мужчины и женщины на выборах: гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 годов. Москва: Эслан, 2000. 68 с.
2. Айвазова С.Г. Российские выборы: гендерное прочтение. Москва: ИС РАН, 2008. 177 с.
3. В Государственной Думе нового созыва из 450 депутатов 74 – женщины.

URL:

https://iacis.ru/novosti/parlamenti/v_gosudarstvennoj_dume_novogo_soziva_iz_450_deputatov_74_zhenshini (дата обращения 23.10.2022).

4. Вардянян Р.А. Демография общественное мнение и различия в электоральном поведении женщин и мужчин // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2004. С. 601–640.

5. Воронина О.А. Гендерная культура в России: традиции и новации. Москва: ИФ РАН, 2018. 109 с.

6. Галанина А. Женщин-политиков заподозрили в мягкости. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4094412> (дата обращения 13.10.2012).

7. Гнедаш А.А. Особенности формирования российской гендерной политики в online пространстве: социальные сети и блоги // Женщина в российском обществе. 2011. №3. С. 39–43.

8. Женщины в политике. Может ли женщина стать президентом России? URL: <https://fom.ru/TSennosti/14506> (дата обращения 03.12.2022).

9. Здравомыслова О. Кто и почему голосует на выборах за женщин? // Женщины и выборы. Москва: Эслан, 2001. С. 12–23.

10. Козлова Н.Н. Представительство женщин в региональных парламентах РФ: опыт статистического анализа // Время больших перемен: политика и политики: материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва: РУДН, 2017. С. 183–184.

11. Кочкина Е.В. Российский электорат: демографический разрыв как политический ресурс гендерной сегментации // Женщина в российском обществе. 2006. №3. С. 47–60.

12. Кривцова Е.В., Рябуха Т.С., Шапкина Е.В., Шиллер В. Создание образа регионального политика-женщины в PR: востребованные качества и характеристики // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. №2. С. 117–131.

13. Лебец А.С. Женщины в политике или политика женщин // Философия права. 2010. №2. С. 44–47.

14. Линов Д. Выборы-2018. Проголосовавших женщин больше, чем мужчин. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/03/19/22501431/> (дата обращения 12.03.2022).

15. Матвиенко: будем добиваться равного количества мужчин и женщин-сенаторов. URL: https://senatinform.ru/news/matvienko_budem_dobivatsya_ravnogo_kolichestva_muzhchin_i_zhenshchin_senatorov/ (дата обращения 30.10.2022).

16. Овчарова О.Г. Собчак: гендерное измерение // Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всероссийского Конгресса политологов. Москва: Аспект Пресс, 2018. С. 390–391.

17. Панов П. Ученые определили портрет идеального политика для россиян. URL: <https://iz.ru/news/591144> (дата обращения 07.07.2022).

18. Попова О.В. Гендерные особенности политического сознания петербуржцев: мы разные? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. №4. С. 205–218.

19. Рябова Т.Б. Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян // Комплексные исследования детства. 2021. Т. 3. № 1. С. 59–68.

20. Санжиева Т.Е. Участие женщин в политической жизни республика Бурятия // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы международной научной конференции (Иваново, 25–26 июня 2002 г.) Ч. 1. Иваново: ИвГУ, 2002. С. 179–182.

21. Сохранить прекрасный пол. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sokhranit-prekrasnyj-pol> (дата обращения 07.03.2022).

22. Хасбулатова О.А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. №3–4. С. 17–24.

23. Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. Ashwin S. (ed.). London: Routledge, 2000. 186 p.

24. Global Gender Gap Report 2021. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (дата обращения 19.06.2022).

25. Kapoor N. Women in the Duma: why post-soviet Russia has low female representation? A view from India // Сравнительная политика. 2016. №2(23). С. 59–72.

26. Moser R.G. The Effect of Electoral System on Women's Representation in Post-Communist States // Electoral Studies. 2001. V. 20. Pp. 353–369.

27. Norris P. Petroleum patriarchy? A response to Ross // Politics & Gender, 1999. Vol. 5(4). Pp. 553–560.

28. Wängnerud L. Women in parliaments: descriptive and substantive representation // Annual Review of Political Science, 2009. Vol. 12. Pp. 51–69.

References

1. Aivazova S., Kertman G. Muzhchiny i zhenshchiny na vyborakh: gendernyi analiz izbiratel'nykh kampanii 1999 i 2000 godov. Moskva: Eslan, 2000. 68 s.
2. Aivazova S.G. Rossiiskie vybory: gendernoe prochtenie. Moskva: IS RAN, 2008. 177 s.
3. V Gosudarstvennoi Dume novogo sozyva iz 450 deputatov 74 – zhenshchiny. URL: https://iacis.ru/novosti/parlamenti/v_gosudarstvennoj_dume_novogo_sozyva_iz_450_deputatov_74_zhenshini (data obrashcheniya 23.10.2022).
4. Vardyanyan R.A. Demografiya obshchestvennoe mnenie i razlichiya v elektoral'nom povedenii zhenshchin i muzhchin. Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem. SPb.: Aleteiya, 2004. S. 601–640.
5. Voronina O.A. Gendernaya kul'tura v Rossii: traditsii i novatsii. Moskva: IF RAN, 2018. 109 s.
6. Galanina A. Zhenshchin-politikov zapodozrili v myagkosti. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4094412> (data obrashcheniya 13.10.2012).
7. Gnedash A.A. Osobennosti formirovaniya rossiiskoi gendernoi politiki v online prostranstve: sotsial'nye seti i blogi. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2011. №3. S. 39–43.
8. Zhenshchiny v politike. Mozhet li zhenshchina stat' prezidentom Rossii? URL: <https://fom.ru/TSennosti/14506> (data obrashcheniya 03.12.2022).
9. Zdravomyslova O. Kto i pochemu golosuet na vyborakh za zhenshchin?. Zhenshchiny i vybory. Moskva: Eslan, 2001. S. 12–23.
10. Kozlova N.N. Predstavitel'stvo zhenshchin v regional'nykh legislatu-rakh RF: opyt statisticheskogo analiza. Vremya bol'shikh peremen: politika i politiki: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii RAPN. Moskva: RUDN, 2017. S. 183–184.
11. Kochkina E.V. Rossiiskii elektorat: demograficheskii razryv kak politicheskii resurs gendernoi segmentatsii. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2006. №3. S. 47– 60.
12. Krivtsova E.V., Ryabukha T.S., Shapkina E.V., Shiller V. Sozdanie obraza regional'nogo politika-zhenshchiny v PR: vstrebovannye kachestva i kharakteristiki. Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2018. T. 19. №2. S. 117–131.
13. Lebets A.S. Zhenshchiny v politike ili politika zhenshchin. Filosofiya prava. 2010. №2. S. 44–47.
14. Linov D. Vybory-2018. Progolosovavshikh zhenshchin bol'she, chem muzhchin. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/03/19/22501431/> (data obrashcheniya 12.03.2022).

15. Matvienko: budem dobivat'sya ravnogo kolichestva muzhchin i zhenshchin-senatorov. URL:

https://senatinform.ru/news/matvienko_budem_dobivatsya_ravnogo_kolichestva_muzhchin_i_zhenshchin_senatorov/ (data obrashcheniya 30.10.2022).

16. Ovcharova O.G. Sobchak: gendernoe izmerenie. Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoi poryadok: materialy VIII Vserossiiskogo Kongressa politologov. Moskva: Aspekt Press, 2018. S. 390–391.

17. Panov P. Uchenye opredelili portret ideal'nogo politika dlya rossiyan. URL: <https://iz.ru/news/591144> (data obrashcheniya 07.07.2022).

18. Popova O.V. Gendernye osobennosti politicheskogo soznaniya peterburzhtsev: my raznye? Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2010. №4. S. 205–218.

19. Ryabova T.B. Vozrast vlasti? «Voobrazhaemye pokoleniya» i doverie k politikam v sotsial'nykh predstavleniyakh sovremennykh rossiyan. Kompleksnye issledovaniya detstva. 2021. T. 3. № 1. S. 59–68.

20. Sanzhieva T.E. Uchastie zhenshchin v politicheskoi zhizni respublika Buryatiya. Gendernye issledovaniya i gendernoe obrazovanie v vyssei shkole: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ivanovo, 25–26 iyunya 2002 g.) Ch. 1. Ivanovo: IvGU, 2002. S. 179–182.

21. Sokhranit' prekrasnyi pol. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sokhranit-prekrasnyj-pol> (data obrashcheniya 07.03.2022).

22. Khasbulatova O.A. Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2001. №3–4. S. 17–24.

23. Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. Ashwin S. (ed.). London: Routledge, 2000. 186 p.

24. Global Gender Gap Report 2021. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (data obrashcheniya 19.06.2022).

25. Kapoor N. Women in the Duma: why post-soviet Russia has low female representation? A view from India. Sravnitel'naya politika. 2016. №2(23). S. 59–72.

26. Moser R.G. The Effect of Electoral System on Women's Representation in Post-Communist States. Electoral Studies. 2001. V. 20. Pp. 353–369.

27. Norris P. Petroleum patriarchy? A response to Ross. Politics & Gender, 1999. Vol. 5(4). Pp. 553–560.

28. Wängnerud L. Women in parliaments: descriptive and substantive representation. Annual Review of Political Science, 2009. Vol. 12. Pp. 51–69.

**М.В. Петрова,
А.В. Шумилов,
О.В. Шумилова**

**M. Petrova,
A. Shumilov,
O. Shumilova**

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ПЕРЕОСВОЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ:
ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА
К ЭКСПАНСИИ**

**GEOPOLITICAL ASPECTS
OF THE REDEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN ARCTIC:
FROM COOPERATION
TOWARDS EXPANSION**

Аннотация

Статья посвящена анализу геополитических аспектов освоения арктического региона. По мнению авторов, в условиях новых тенденций изменения баланса сил в политической сфере международных отношений, феномен государства как основного актора геополитики не может изучаться изолированно, в контексте только экономико-центрического подхода, без учета идеологических, морально-нравственных факторов и иных аспектов. Статья посвящена анализу тенденций политического лидерства основных игроков за арктический регион, выявляются основные проблемы и тренды, а также социальные и политические риски, важной составляющей для современной России.

Концентрация внимания авторов на значимости данного вопроса для высшего руководства страны позволила констатировать приоритетность политико-управленческого ракурса, в котором инициатором и гарантом общественно-политических тенденций является государство, обеспечивающее векторы и стратегическое направление в освоении арктического региона. В статье выявлены существующие и потенциальные социально-политические тенденции, вызовы и риски в условиях современных реалий. Отмечено, что достижения сотрудничества между странами Европы и иными заинтересо-

Abstract

The article is devoted to the analysis of the geopolitical aspects of the development of the Arctic region. According to the authors, in the context of new trends in the balance of power in the political sphere of international relations, the phenomenon of the state as the main actor of geopolitics cannot be studied in isolation, in the context of only an economic-centric approach, without considering ideological, moral and moral factors and other aspects. The article analyzes the trends of political leadership of the main players for the Arctic region, identifies the main problems and trends, as well as social and political risks, an important component for modern Russia.

The authors' focus on the importance of this issue for the country's top leadership allowed us to state the priority of the political and managerial perspective, in which the initiator and guarantor of socio-political trends is the state, which provides vectors and strategic direction in the development of the Arctic region. The article identifies existing and potential socio-political trends, challenges, and risks in the conditions of modern realities. It was noted that the achievements of cooperation between European countries and other interested countries, in particular China, are implemented in different ways, but they have similar features and structures. The conclusion is made that the phenomenon of international coopera-

ванными играми, в частности Китаем реализуется по-разному, но они обладают схожими чертами и структурами. Сделан вывод о том, что феномен международного сотрудничества идет по форсированному пути, что обусловлено объективными обстоятельствами современного развития международной повестки. Сделан вывод, что прослеживаются тенденции к экспансии национальных интересов всеми заинтересованными акторами.

tion follows a forced path, which is due to the objective circumstances of the modern development of the international agenda. It is concluded that there are trends towards the expansion of national interests by all interested actors.

Ключевые слова:

геополитика, международные отношения, Северная Европа, Россия, Арктика.

Key words:

geopolitics, international relations, Northern Europe, Russia, Arctic.

С начала развала Советского союза развитию Арктики уделялось недостаточное внимание. Стоит отметить, важный аспект того, что здесь были свернуты почти все научные исследования, ледоколы стали приходить в неудовлетворительное состояние. Ко всему прочему населенные пункты стали значительно сокращаться. Но все же Арктика по-прежнему оставалась стратегически важным регионом.

В 1996 году был принят федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» [1]. В документе подчеркивалось о необходимости устойчивого развития региона, о поддержке местного населения, а также созданию условий для реального устойчивого развития производственной силы. В законе также говорилось о необходимости сохранения окружающей природной среды.

С приходом В.В. Путина, государственная политика Российской Федерации в отношении Арктического региона постепенно стала меняться.

В 2000 году в концепции национальной безопасности РФ была установлена задача необходимости в короткие сроки разработать условия для поддержания жизнедеятельности и развития особых районов Крайнего Севера [11].

Стоит учитывать и то, что нормативно-правовая база стратегического планирования развития Арктической зоны России (АЗ РФ) в начале 2000-х годов требовала значительного обновления, так как не существовало определенного документа по развитию Российской Арктики.

Только 18 сентября 2008 года был издан документ, касающийся стратегического развития и планирования Арктики в Российской Федерации: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [15].

Арктический регион вновь стал в центре государственных интересов, так как Основы стали первым, с конца 90-х гг. XX в., документом, касающейся развитию АЗ РФ. В данном документе были поставлены задачи, национальные интересы, стратегические приоритеты и определены механизмы реализации государственной политики РФ в Арктике. Был определен состав государственной территории АЗ РФ [17].

Позже, в 2013 была создана Стратегия. В феврале 2015 года была создана Государственная комиссия по вопросам развития Арктики.

В 2014 году Россия впервые в мире начала добычу нефти с шельфового месторождения в Арктике. Первая партия нефти была отгружена с платформы «Приразломная» [9].

Важным событием стало открытие первой очереди завода по производству сжиженного природного газа в рамках проекта «Ямал СПГ» 8 декабря 2017 года на полуострове Ямал.

Обновление стратегических документов началось в 2020 году, Основы и Стратеги по развитию Арктики запланированы до 2035 года [6].

Таким образом, можно сказать, что Арктика всегда входила в зону государственных интересов. Россия старается расширять зону влияния в этом регионе, и также продолжить развивать Северный морской путь.

Полноценное развитие Арктической зоны невозможно без комплексного сотрудничества государственного и частного сектора. Предпринимательская деятельность очень важна для регионов Арктики, так как с помощью ее можно решить некоторые социально-экономические проблемы. И поэтому возникает необходимость в том, чтобы государство обеспечивало поддержку предпринимательской деятельности. Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации (от 13.07.2020 г. №193-ФЗ)» это подтверждает. Целями закона выступают как экономическое развитие региона, так и стимулирование предпринимательской деятельности, и привлечение инвестиционного капитала [5].

Стоит отметить, что предпринимательская деятельность в Арктике в какой-то степени ограничена, так как присущие этому региону холодный климат и природные условия, не позволяют полностью осуществлять поставленных замыслов в связи с ресурсозатратностью данных проектов. Также число предпринимателей в регионе значительно сокращается. Однако крупные предприятия в Арктике набирают силу. Можно отметить, что политика Российской Федерации больше сосредоточена на развитие комплексов крупных инвестиционных и предпринимательских проектов.

Стоит понимать, что государственно-частное партнерство (ГЧП) это комплекс мер взаимодействия государственной политики и бизнеса для более успешной реализации поставленных целей и задач, в которой выигрывают оба участника проекта.

Цели государства и бизнеса во многом совпадают, однако все же предпринимательская деятельность, ставит своей целью получение прибыли. В то время как государство больше нацелено на удовлетворение потребностей практически всех сфер жизни общества. Как было указано ранее, Арктика является уникальным по своей природе регионом, и при взаимодействии государства и бизнеса, должным образом, будет возможно осуществление проблем, которые ей присуще в данном регионе, а также способствовать его будущему развитию в целом.

Как и государство получает выгоду от ГЧП, так и компании. Для частных инвесторов это привлекательно тем, что вследствие их участия в подобных проектах, идет повышение имиджа компании. Также укрепляются отношения государственного и частного сектора, вследствие чего бизнес может получить некоторые привилегии от государства. К тому же, при реализации каких-либо проектов идет коллективная ответственность обоих участников, если, например, проект был выполнен не вовремя, то обвинения ложатся сразу на двоих. Но здесь также возможно перекладывание ответственности на другого.

Арктическая концессия должна помочь развитию региона в этой области. Это один из проектов государственно-частного партнерства, который должен ускорить работу по строительству инфраструктурных объектов. Концессия по своей сути — это вид договора о строительстве или реконструкции недвижимого объекта, находящийся в государственной собственности, за счет привлечения инвесторов и в результате эксплуатировать данный объект по его завершению. Создание концессии в Арктике стало необходимым потому, что ГЧП не могло полностью удовлетворить потребности арктических регионов. Так как существовала острая нехватка субсидирования в проекты по развитию Арктики [9].

Особенно важным в арктическом государственно-частном партнерстве является большой объем социальных проектов, это строительство школ, детских садов, больничных комплексов, а также здравоохранительных центров.

Государственно-частное партнерство становится популярным в региональных и муниципальных округах, где государственное финансирование оказывается недостаточным для развития социальной сферы. Например, в сфере образования. В некоторых районах действительно не хватает детских садов и общеобразовательных школ. И в связи с этим, возникает необходимость в государственно-частном партнерстве. В результате чего идет процесс привлечения внимания частных компаний, и с поддержкой государства они могут реализовать необходимые мероприятия для решения возникших проблем. К тому же построенные детские сады и общеобразовательные учреждения совместно с бизнесом и государством могут быть намного лучше, чем обычные государственные учреждения.

Немаловажную роль государственно-частное партнерство играет в создании и обновлении инфраструктуры здравоохранения. Так, при условиях концессии государство и бизнес закупают необходимо важное дорогостоящее оборудование и открывают медицинские центры. Для привлечения инвесторов здесь необходимо создания в центрах платных медицинских услуг.

Таким образом, концессия может решить проблему недостатка финансирования и в результате ускорить процесс создания социальной и коммунальной инфраструктуры в Арктическом регионе.

Кроме того, в рамках программы «Дальневосточная и Арктическая концессия» будет запущен инвестиционный акселератор, то есть ускоритель. По заявлению А.О. Чекунова до 2025 года удастся «привлечь до 500 млрд рублей в приоритетные проекты по созданию инженерной, транспортной, социальной инфраструктуры». Инвестиционный акселератор это – такой механизм, при котором в режиме онлайн можно собирать заявки инициаторов, а также привлекать все больше количество партнеров для финансирования при поддержке региональных властей, банков, инвестиционных агентств и других [8]. В сущности, акселератор – это такой способ реализации механизмов государственно-частного партнерства в Арктике.

Если в социальной и коммунальной сфере государственно-частное партнерство развито довольно благополучно, то в сфере дорожного строительства дела обстоят иначе. Признанной проблемой является нехватка дорожной инфраструктуры. Затруднительное положение со строительством дорог связано с низкой интенсивностью движения, ограниченностью строительства из-за природно-климатических условий, а также с долгим периодом окупаемости проектов. К тому же, данной проблеме присуще недостаточное финансирование со стороны государства в эту область.

Казалось, что в этой проблеме могли помочь концессии. Однако с периода с 2018 по 2022 гг. в Арктической зоне Российской Федерации было реализовано только два объекта, в дорожной сфере, на условиях концессии - «мост через реку Пур в ЯНАО и участок автодороги из Сыктывкара в Нарьян-Мар».

В последнее время, можно сказать, что идет развитие государственно-частного партнерства, что задает тенденции устойчивого развития Арктики.

По данным Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики, за последний год резидентами Арктической зоны стали 310 компаний и ИП. Стоимость проектов, которые они реализуют, превышает 367 миллиардов рублей. Операционную деятельность начали 23 предприятия [1].

Таким образом, благодаря общему взаимодействию государства и бизнеса можно осуществить многие поставленные задачи в области социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Северный морской путь (СМП) важная составляющая российской Арктики. Перевозка грузов с запада на восток по северным побережьям России является неотъемлемым компонентом, благодаря которому развивается экономика страны в целом, а также он является связующим звеном между регионами Арктики и регионами Дальнего Востока. К тому же СМП способствует взаимодействию развития международного судоходства между странами Азиатского региона и стран Европы. Потому ему выделяется особое место в государственной политике России по развитию и освоению Арктического региона. Кроме того, стоит отметить, что Российская Федерация обладает самым большим количеством ледоколов, а также единственной страной в мире, имеющая атомный ледокольный флот.

Северный морской путь привлекателен тем, что он является самым коротким морским путем соединяющий Европу и Азию. Однако здесь не все так просто, хоть он и самый короткий, но не самый доступный морской путь. Условия поставки ограничиваются из-за ледового режима. Чем хуже условия, тем дороже и невыгодно будет происходить поставка грузов. Так как приходится учитывать рост издержек на ледокольное сопровождение. В связи с этим грузоперевозки по СМП возможны только с мая по декабрь. Однако в скором времени, возможно, что маршруты по СМП будут проводиться круглогодично. Так как происходит постепенное потепление климата и таяние вечной мерзлоты [4].

Так, например, к 2024 году объем грузоперевозок по акватории СМП должен увеличиться до 80 млн тонн, а всего по итогам 2020 года грузооборот по СМП вырос на 5% почти до 33 млн тонн [6]. Ко всему прочему по плану к 2030 году грузоперевозки по СМП должны увеличиться до 120 млн тонн. Однозначно, что развитие СМП даст возможность Российской Федерации выйти на новый уровень в международных отношениях. Можно предположить, что благодаря СМП Россия сможет добиться некой независимости от фактора внешних угроз.

Если сравнить северный морской путь с другими существующими морскими путями, то можно заметить, что расстояние от Лондона до японского морского порта Йокогамы через СМП составит около 14 тыс км, в то время, как через Суэцкий канал расстояние составит около 21 тыс км, а через панамский канал еще больше и составит около 23 тыс км. И таким образом можно сократить расстояние почти на 7 тыс км.

Полномочный представитель Президента в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трунев высказался, что СМП пока уступает по экономической выгоде перевозке грузов через Суэцкий канал, но все же

вскоре станет возможным, что станут на одном уровне по экономической выгоде [17].

Таким образом, если есть возможность значительно сэкономить время, то и затраты на оплату топлива и труд команды тоже сократятся, но как было сказано ранее нужно учитывать и тот факт, что к тому же увеличатся издержки на ледокольное сопровождение. Ввиду этих обстоятельств можно заключить, что Северный морской путь может конкурировать с другими морскими международными транспортными коридорами.

Здесь следует вспомнить случай, который произошел в марте 2021 года. Когда сверхбольшой контейнеровоз «Ever Given» заблокировал движение по Суэцкому каналу, которое продлилось около шести дней. Из-за данного инцидента возникла опасность подрыва мировой экономики. Новостные источники, эксперты, а также российские политические деятели обсуждали о возможности применения альтернативного морского транспортного коридора, которым мог бы стать СМП. Однако, для того чтобы СМП стать реальным конкурентом Суэцкому каналу, необходимо чтобы грузоперевозки по Северному морскому пути осуществлялись круглогодично и на безопасной основе.

Кроме того, новые политические факторы 2022 года подвергли опасности полноценному судоходству в связи с введением и ужесточением новых санкций, направленных на экономическое сдерживание России. Ко всему прочему западные компании отказались от некоторых нефтегазовых проектов, которые уже начинали реализовываться и в том числе отказались от дальнейшего инвестирования в них. Однако, в связи с этим уменьшение грузопотока по СМП не планируется [6].

Стоит понимать, что полноценное функционирование СМП невозможно без решения определенных задач. Так как транспортную систему в целом необходимо развивать комплексно. В связи с этим здесь требуется железнодорожное строительство, которое обеспечило бы связь транспортной системы в районах Арктики. Таким может стать Северный широтный ход, в задачу которого входит обеспечение сообщения между полуостровом «Ямал с Уралом и Северо-Западом России». Также необходимо снабжение СМП ледокольным флотом, его улучшением, а также строительством новых ледоколов.

В 2019 году был принят «План развития инфраструктуры Северного морского пути на период до 2035 года». К тому же в скором времени будет разработан план по развитию СМП. По плану развития инфраструктуры планируется увеличение числа атомных ледоколов проекта 22220. Уже к 2032 года предполагается введение в эксплуатацию шести новых атомных ледоколов. На сегодняшний день в России введены в эксплуатацию такие атомные ледоколы как: «Ямал», «50 лет Победы», «Таймыр»,

«Вайгач», атомный ледокол проекта 22220 «Арктика» и «Сибирь». А также эксплуатируется атомный контейнеровоз «Севморпуть» [15].

Кроме всего прочего необходимым считается и строительство портов на суши. Для обеспечения полного функционирования системы транспортировки грузов. Помимо того, для новых атомных ледоколов строительство современных портов и улучшение прежних является необходимым в силу того, что требуется качественное обслуживание ледоколов во время транспортировки грузов по СМП. Важным считается также перевозка грузов между портами, другими словами, каботажный флот. Однако в России он только начинает развиваться.

Стоит учитывать и то, что могут возникнуть чрезвычайно опасные ситуации и к которым необходимо заранее подготовиться. В этом могут помочь специальные спасательные суда, которые экстренно реагируют на возникшую проблему и угрозу. Так к концу 2024 года планируется ввести в эксплуатацию 16 аварийно-спасательных судов. Однако это только частично может решить проблему. Ведь их на самом деле требуется в два раза больше. Государству необходимо принять во внимание этот факт и увеличить в будущем количество аварийно-спасательных судов.

Стоит отметить, что международный судоходный режим в Арктике определяет «Конвенция ООН по морскому праву от 1982 года», в которой существует четкое определение того, что прибрежные государства могут «осуществлять недискриминационный контроль за судоходством в пределах исключительной экономической зоны в целях защиты окружающей среды», которым пользуются прибрежные страны. По сути, это единственный правовой документ, который обеспечивает эксклюзивное судоходство России по северным широтам.

В последнее время происходит пересмотр международного правового режима, вследствие чего Россия может лишиться этого эксклюзивного судоходства в акватории Северного морского пути. В связи с этим, Российская Федерация продолжает отстаивать свой контроль над СМП [20].

Как было сказано ранее, потепление климата благоприятно сказывается на актуализации Северного морского пути как альтернативы Суэцкому каналу. Но все же нужно учитывать, что таяние льдов оказывает нежелательное воздействие на Арктическую обстановку в целом. Создавая потенциальную угрозу, как и для местной флоры и фауны, так и для коренных малочисленных народов. Кроме того, может возникнуть и угроза для исследовательских объектов, расположенных на Арктической зоне Российской Федерации. В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что возникает двойственное мнение. С одной стороны, климатические изменения повышают значение СМП, а с другой они несут в себе экологическую опасность [2].

В результате изучения был получен материал, анализ которого позволил заключить, что актуальность Северного морского пути в последующие годы только начнет возрастать. Как было изложено ранее, это связано с климатическими изменениями и потребностями в развитии альтернативных маршрутов, из-за случая в марте 2021 года в Суэцком канале. В то же время для ускоренного развития инфраструктуры в северных районах может помочь государственно-частное партнерство.

Однако появление новых угроз на мировой арене, создают опасность для полноценного экономического развития региона. Международное взаимодействие арктических и неарктических стран с Россией будет рассмотрено в следующей главе.

Взаимоотношение России со странами, граничащими с Арктическим регионом

Арктика богата множеством природных ресурсов, что делает её привлекательной для большинства стран. Необходимо отметить, что в данном регионе расположены восемь государств – Россия, США, Канада, Норвегия, Дания, Швеция, Исландия и Финляндия. Необходимо иметь в виду, что непосредственно ведущую роль играют приарктические государства, такие как Россия, США, Дания, Норвегия и Канада. Все эти страны, кроме России, входят в блок НАТО. Ко всему прочему, в последнее время наблюдается особый интерес к Арктике у Китая.

В современном мире Арктика становится центром геополитических интересов многих стран, повышенное внимание к ней, связано с постепенными климатическими изменениями, так как потепление климата происходит в Арктике намного быстрее, чем в других районах. На сегодняшний день потепление климата является наиболее важной проблемой, для решения которой необходима кооперация всех стран.

Безусловно, биологическая среда Арктики намного чувствительнее к угрозам внешней среды. И необходимо сохранять Арктику как территорию мира. С намерением создать такое место, в котором не осуществлялись бы любые действия, носившие военный характер.

Здесь следует подчеркнуть, что 19 сентября 1996 года в Оттаве Данией, Норвегией, Канадой, Исландией, Российской Федерацией, Финляндией и Швецией была подписана «декларация о создании Арктического Совета» [15].

Арктический совет провозгласил своей целью защищать окружающую среду Арктики и содействовать устойчивому сотрудничеству в этой области, а также комплексному устойчивому развитию арктических регионов.

Российская Федерация должна была представлять в Арктическом совете в 2021- 2023 годах. Однако события 2022 года помешали

полноценному завершению подготовленных задач. Страны-участницы приостановили свою деятельность в совете, в знак своеобразного протеста, в связи с последними событиями.

Естественным образом данное действие можно обозначит как «нерациональным» со стороны данных государств. Так или иначе, здесь, безусловно, требуется восстановление участия стран в мероприятиях Арктического совета. Однозначно следует подчеркнуть, что российская сторона готова к возобновлению диалога по арктическому вопросу со странами-участницами. Ведь одной из приоритетных задач, которую поставила Россия по развитию Арктического региона это содействие международному сотрудничеству, а также сохранение Арктики как территории мира и стабильности.

В 1993 году был создан Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). Цель совета развитие региона в экономических, торговых областях, а также развитие сотрудничества между странами в экологических и научных сферах. В состав совета входит Россия, Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция и Комиссии Европейских сообществ.

Однако 9 марта 2022 года в связи с событиями на Украине СБЕР отказался от сотрудничества с Россией.

Стоит упомянуть о том, что в сентябре 2014 года был создан Арктический экономический совет (АЭС), для включения частного сектора в вопросы социально-экономического развития, а также охраны окружающей среды. В скором времени данный совет стал независимой экономической организации, в состав входили компании из разных арктических стран, в последнее время стали включаться страны, не примыкающие к Арктическому региону. Безусловно, для решения экономических проблем, требуется кооперация частного сектора. И создание данного совета может укрепить экономическую связь между государствами.

Вместе с тем усиление военных учений блока НАТО на приграничных территориях Арктики, влекут за собой рост военной напряженности в регионе [24].

В Арктике США стремятся оспорить законные права России, получить беспрепятственный доступ к ресурсам региона и к Северному морскому пути. Исходя из этого, за последние два года приняты арктические стратегии министерств обороны, армии, ВВС, ВМС [24]. Арктическая стратегия министерства обороны 2019 года сконцентрирована больше не на сотрудничестве, а на политику сдерживания. Основная ее форма проявляется в форме конкуренции, как это объясняется для поддержания баланса сил в Арктике [3].

Так же, достаточно стоит вспомнить, когда госсекретарь США Энтони Блинкен обвинил Россию в увеличении военного потенциала в Арктике. Американский телеканал CNN в апреле 2021 года выложил спутнико-

вые снимки, которые утверждают, что Россия укрепляет военные базы на побережье Арктики. В связи с этим, Энтони Блинкен сообщил о том, что необходим контроль над Россией в данном регионе. В мае 2021 года Блинкен на пресс-конференции сообщил, что США хотят, чтобы Арктика оставалась свободной от конфликтов зоной [25].

Глава российского МИД С.В. Лавров сообщает, что это территория России, и все, что делает Россия на этой территории абсолютно законно. С.В. Лавров в то же время обвинил НАТО в том, что они пытаются оправдать свое присутствие в Арктике, а Норвегия требует необходимости в том, чтобы НАТО находилось в Арктическом регионе [3].

Говоря об активности НАТО в регионе, стоит упомянуть, что в марте-апреле в Норвегии проходили «запланированные учения Cold Response 2022, в которых участвовали около 30 тыс. военнослужащих из 27 стран, включая партнеров НАТО Финляндию и Швецию, а также около 220 самолетов и более 50 судов». Учения Cold Response проходят 2 раза в год. Однако они не единственные. Для поддержания боеготовности войск они проходят на регулярной основе.

В апреле 2022 года стало возможно, и то, что Финляндия и Швеция в скором времени смогут вступить в блок НАТО. Однако предпосылки вхождение этих стран в блок НАТО наблюдались уже давно. Реальное вступление в военно-политический блок скрывается под поводом спецоперации России на Украине. Это создаст военно-политическую угрозу для России в целом, к тому же российско-финляндская граница находится около 200 километров от Санкт-Петербурга [3].

Проблемой остаются нерешенные территориальные споры в Арктике. Так Россия с 2001 года стремится признать арктическую шельфовую зону. Известно, что в 2015 году Российская Федерация подала заявку на то, чтобы признать свой суверенитет над 1,2 млн кв. км арктического шельфа. Здесь стоит понимать, что это территория от берега до шельфа может достигать около 650 км. В связи с этой ситуацией США категорически против признавать такую территорию в суверенность России.

И естественным образом происходят попытки пересмотра морских границ. Каждая страна стремится получить собственную выгоду от Арктики. Что в свою очередь способствует возникновению недоверительных отношений между государствами.

Суммируя вышесказанное, следует вывод, что Арктика в XXI веке становится местом столкновения интересов приарктических стран. Однозначно, что это можно назвать некой «битвой за ресурсы».

И, безусловно, отношения России с НАТО будут зависеть от российско-американский отношений в целом, в связи с постоянным столкновением интересов между государствами, а также от развития украинского вопроса и введение новых санкций против России.

Взаимоотношение России с неарктическими государствами

В последнее время наблюдается тенденция вовлечения стран, не примыкающих к арктическим территориям, в решении вопросов развития данного региона. В связи с тем, что от глобального потепления климата зависят все страны без исключения, неарктические страны пытаются в связи с этим воздействовать на приарктические страны. Зеленая повестка давно наблюдается в странах Европы. Вследствие того, что в современном мире идет борьба за ресурсы, и отношения России и европейских стран в мировой политике нельзя назвать однозначными.

Значительной мере свой интерес к Арктическому региону выражает Китай. Относительно недавно КНР стала привлекать Арктика. Стоит отметить, что Россия вначале оценивала интерес Китая к Арктике скептически. Однако вскоре России понадобились неевропейские страны для привлечения инвестиций в проекты по развитию Арктики, отношения между странами более чем наладились. И уже с 2013 года Китай имеет статус страны наблюдателя в Арктическом Совете [22].

В 2018 году правительство Китая опубликовало Белую Книгу, в которой были официально отражены цели и задачи Пекина в Арктическом регионе. Ко всему прочему, в данном документе Китай называет себя приарктическим государством. Участие Китая в освоении и развития Арктики подразумевает судоходство по морскому пути Арктики, привлечение инвестиций в проекты по развитию региона, а также научно-исследовательскими экспедициями. В частности, Китай выступает за рациональное освоение и использование арктических нефтяных, газовых, геотермальных и ветровых ресурсов для достижения низкоуглеродного развития [19].

В документе также обозначено строительство Ледового Шелкового пути, который в свою очередь пересекается с Северным морским путем. В 2017 году лидеры России и Китая заявили о возможности связать Северный морской путь с китайским проектом «Один пояс, один путь» [14].

Благодаря сближению России и Китая удалось осуществить ряд крупнейших арктических проектов, таких как «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ 2». Китайские компании стали крупнейшими акционерами в обоих проектах. Необходимо добавить, что при этом был построен некий баланс интересов России и Китая в Арктике. Китай получает новые месторождения газа и нефти и продажу своих технологий, а России получает дополнительные средства для проектов по развитию Арктики. Таким образом, и Китай и Россия получают выгоду от сотрудничества в Арктике [15].

Кроме газодобывающих проектов направление в сотрудничестве может стать судостроение. Фактом является и то, что Китай начал строить свой собственный ледокольный флот [19].

Сотрудничество Китайской Народной Республики и Российской Федерации также наблюдается в научно-исследовательских экспедициях в Арктическом регионе. Первая совместная экспедиция в Арктике прошла в 2016 году. Результаты исследования оказались плодотворными, и было принято решение о проведении последующих научных экспедиций в Арктике [10]. Здесь стоит отметить и то, что в 2019 году «Институт океанологии РАН им. П.П. Ширшова и Национальная лаборатория по морской науке и технике (г. Циндао) подписали соглашение о создании Российско-китайского арктического научно-исследовательского центра». В рамках данного соглашения планировалось проведение совместных исследований в области климатологии, биохимии и других областях. К тому же данное соглашение позволит укрепить взаимоотношения России и Китая в целом. Стоит отметить, что российская сторона не наблюдает угрозу со стороны Китая, и их сотрудничество в регионе в целом содействует устойчивому развитию Арктики.

Однако не только Китай инвестировал в российские проекты по добыче углеводородов в Арктике. Французская компания TotalEnergies тоже является акционером проекта «Ямал СПГ». Введение против России новых санкций в 2022 году создают угрозу последующему сотрудничеству этой компании с Россией. Однако глава компании TotalEnergies Патрик Пуянне рассказал, что «TotalEnergies намерена и дальше продолжать сотрудничать с «Новатэком» по проекту «Ямал СПГ» пока санкции позволяют это делать».

У Франции есть своя собственная арктическая стратегия, хотя она и не является даже страной-наблюдательницей в Арктическом совете. Однако Франция входит в Европейский союз. У ЕС тоже есть стратегия направления деятельности по освоению Арктического региона.

Следует отметить недавнее сообщение Евросоюза в отношении Арктики. Еврокомиссар Виргиниус Синкявичюс курирующий вопросы окружающей среды и океанов 13 октября 2021 года в Брюсселе для прессы об Арктической стратегии заявил, о том, чтобы нефть, газ и уголь должны оставаться в недрах под землей, в том числе и в Арктике, и Еврокомиссия будет добиваться международного соглашения о моратории.

И он также поясняет, что ЕС готов подавать пример в вопросах отношения к окружающей среде. В видении Евросоюза Арктика должна оставаться регионом низкой напряженности и мирного многостороннего сотрудничества.

В новой Арктической политике в основном затрагивался экологический вопрос, загрязнение окружающей среды и таяние льдов, и их последствия для мира. В любом случае арктическая политика ЕС и России в некоторой степени схожи. Они также выделяют приоритетным направлением в развитии Арктики – защиту и охрану окружающей среды [16].

Однако одной из скрытых задач стратегии может быть некий экономический аспект. Старший научный сотрудник арктических исследований Д.С. Тимошенко в своей статье отметила, что «обозначенный «экологический» пункт – катализатор запуска процессов по подавлению российской международной экономической активности» [20]. Безусловно, это может быть правдой. Так как Евросоюз в России видит лишь угрозу.

Кроме Китая статус страны наблюдателя в Арктическом совете с 2013 года имеет Индия. Индия находится еще дальше от Арктики, чем Китай. Её также и не должен в особенности привлекать Северный морской путь. Как было уже ранее сказано, климатические изменения касаются всего мира и поэтому, в решениях экологических проблем, Индия находит в процессе этом свою особую роль [22].

Арктическая стратегия Индии направлена на исследовательскую деятельность, таким образом, Индия предполагает использовать свой научный потенциал для достижения общей цели.

В 2020 году глава российского МИД С.В. Лавров обозначил позицию Индии в Арктике, а также отношение России к её присутствию в регионе. С.В. Лавром рассказал, что Россия налаживает отношения с Индией по поводу Арктического вопроса. К тому же он отметил, что «в частности, индийские компании участвуют в освоении нефтегазовых месторождений в рамках проекта «Сахалин-1», а также Ванкорского нефтегазоконденсатного месторождения. В свою очередь, «Роснефть» - акционер одного из крупнейших в регионе [индийского] НПЗ «Вадиар»».

Ко всему прочему, президент России Владимир Владимирович Путин в 2021 году на пленарной сессии Восточного экономического форума заявил о том, что приветствует интерес Индии в совместной работе по развитию и освоению Арктики.

Однако события 2022 года ухудшили взаимоотношения со многими странами, и Индия не является исключением. Здесь необходимо отметить, что индийская государственная корпорация планировала инвестировать в российский арктический проект «Арктик СПГ 2», однако вскоре отказалась от такой идеи.

Здесь необходимо отметить еще одного восточного экономического партнера – Японию. Японские компании, как и китайские инвестируют в крупные проекты по добыче углеводородов, например, в «Арктик СПГ 2». Япония при поддержке Российской Федерации стала страной наблюдательнице в Арктическом совете. Японию, как и Китай, привлекает Северный морской путь. Японские компании готовы вкладываться в российские арктические проекты. Однако новая геополитическая ситуация, сложившаяся в 2022 году, не позволяет с точностью конкретизировать с положительной стороны российско-японское сотрудничество в Арктике.

Таким образом, можно заметить, что многие страны видели Российскую Федерацию, как экономического партнера в арктических вопросах. Государства, не примыкающие к Арктическому региону, стремятся участвовать в его развитии, ввиду экологической проблематики. Однако возможно ли оценить перспективу будущего сотрудничества всех стран в Арктике?

Перспективы развития межгосударственного сотрудничества в Арктике

В результате анализа был получен материал, благодаря которому можно утверждать, что полноценное развитие Арктики возможно лишь при кооперации всех стран. Здесь необходимо учесть и тот факт, что любой стране необходимо привлечение иностранных инвесторов для достижения определенных задач в социально-экономической сфере, а также в строительстве транспортной инфраструктуры.

В частности, Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество в Арктике по разным направлениям. Особенно следует отметить экономическо-технологическое направление.

Это, прежде всего «разведка и разработка арктических углеводородных месторождений и минеральных ресурсов; транспортный потенциал Арктики и Северного Ледовитого океана; судостроение; осуществление проектов по развитию арктической инфраструктуры; добыча возобновляемых ресурсов (рыболовство, скотоводство); биоэкономика и биотехнологии; создание наукоемкого производства, развитие «умного» (интеллектуального) бизнеса (knowledge-based business), коммерциализация научных исследований Арктики; арктический туризм».

Но все же из всех сфер международного сотрудничества стоит отметить два ключевых направления: во-первых, это направление экологическое, связанное глобальными климатическими изменениями, во-вторых, это направление экономического развития региона в целом. Так, например, в Арктическом совете все шесть рабочих групп исследуют климатические изменения в Арктике [13].

Стоит отметить, что в рамках Арктического совета были приняты соглашения «связанным с поиском и спасанием на море (2011), загрязнением морей нефтью (2013) и научным арктическим сотрудничеством в Арктике (2017)» [13].

Естественным образом проблемами окружающей среды в Арктике занимается, не только Арктический совет, но и многие другие международные организации. К примеру, сюда можно отнести Всемирный фонд дикой природы (WWF). У данной организации есть собственная целевая программа по защите окружающей среды в Арктике. Например, это создание и развитие особо охраняемых природных территорий, сохранение

редких видов животных, повышение экологической ответственности на предприятиях и другие подобные задачи.

В экономическом направлении, как уже было сказано ранее, содействию мировому сотрудничеству осуществляет Арктический экономический совет, созданный в 2014 году. Данный совет способствует инвестиционной привлекательности региона и улучшению социально-экономическому положению Арктики.

Кроме этого, большой вклад в развитие экономического сотрудничества внесли торгово-промышленные палаты. Торгово-промышленные палаты России – это негосударственное объединение предпринимателей. Всего система Торгово-промышленной палаты Российской Федерации объединяет 180 территориальных торгово-промышленных палат и около 50 тыс. предприятий и организаций.

Стоит подчеркнуть, что в 2003 году была создана Норвежско-Российская торговая палата. «Деятельность Норвежско-Российской торговой палаты не зависит от секторов промышленности, что позволяет Палате оказывать помощь в различных сферах: торговля, транспорт, туризм, аквакультура, сектор нефти и газа, морской сектор, сектор услуг в целом, инвестиционный сектор».

Необходимо добавить и то, что в 2006 году была принята четырехсторонняя программа приграничного сотрудничества ЕИСП – «Коларктик 2007–2013». Данная программа была нацелена на социально-экономическое развитие периферийных северных регионов Финляндии, Норвегии, Швеции и России.

Благодаря, данной программе был задан курс хозяйственного освоения Арктики, и при котором важную составляющую играли приграничные государства.

Однако в новых геополитических реалиях Арктический регион становится более уязвимым. Здесь необходимо особо выделить и то, что страны, которые отказались от сотрудничества с Россией, будь то Арктического совета или Совет Баренцева/Евроарктического региона, подвергают угрозе международному сотрудничеству стран в Арктическом регионе. Своеобразный отказ от сотрудничества, в связи специальной военной операцией России на территории Украины, выразили и зарубежные компании, в виде приостановки инвестиционной деятельности в российские арктические проекты.

В связи с этим создается угроза устойчивому развитию Арктического региона. Действительно, можно утверждать, что прекращение международного сотрудничества стран приведет к торможению строительства социально-экономической инфраструктуры. Вследствие этого следует создать необходимую договоренность между странами для восстановления межгосударственного сотрудничества в регионе. В нынешней ситуации

из-за санкций Российская Федерация оказывается в ситуации ограничения в некоторых вопросах международного сотрудничества.

На этом основании существует необходимость создания условий, при котором экологические, научные и социальные аспекты выходили на первый уровень, а политические аспекты на второй.

Необходимо отметить мнение экспертов по поводу международного сотрудничества России в Арктическом регионе. Так, к примеру, экспертный офис развития Арктики (ПОРА), в своем издаваемом журнале «Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения» отметили такую тенденцию, что «Россия должна стать международным научным донором в области арктических исследований, а не реципиентом, когда отечественные ученые пользуются любой возможностью получить иностранный грант, чтобы иметь шанс продолжать исследования, или сохранить доступ к оборудованию».

Для того чтобы международные усилия России оказались эффективными, необходимо принять меры во внутренней политике по отношению к Арктике. В связи с этим России необходимо усилить финансирование в области научных арктических исследований, разработать меры по регулированию экологической обстановки и необходимо также внедрение новых оперативных и инновационных экологических решений.

И необходимо помнить, что климатические изменения носят в себе угрозы глобального характера. К тому же Арктика является очень чувствительным регионом, так как существуют риски при освоении месторождений. Поэтому этот регион требует немедленной эффективной международно-правовой защиты.

Ко всему прочему, экологическая безопасность региона может быть сохранена только объединением усилий между государственными органами власти арктических стран, а также стран, не примыкающих к арктическому региону. Это территория должна стать местом мирного существования всех государств. Об этом неоднократно заявляли политические представители Российской Федерации, а также неоднократно это и звучит в стратегических нормативно-правовых документах Российской Федерации по развитию Арктической зоны.

Проанализировав международное сотрудничество России по Арктическому вопросу, стоит заметить, что Российская Федерация большую перспективу совместной деятельности в Арктике имеет с неарктическими государствами. В частности, стоит отметить Китайскую Народную Республику, чья активная помощь способствует комплексному развитию Арктики.

В результате анализа выступлений политических деятелей России можно сделать вывод, что санкции, направленные против государства, не должны затормозить процесс экономического развития российской Арктики.

Возможно утверждать, что санкционные сдерживания могут укрепить Российскую Федерацию и сделать ее более независимой от иностранных компаний. Вследствие чего Россия может стать самостоятельным игроком в Арктике. Но пока в настоящее время этого не произошло, стоит подчеркнуть, что Российская Федерация обладает самой большой территорией Арктики, и без сотрудничества иностранных государств с Российской Федерацией невозможно полноценное развитие Арктического региона по важным направлениям.

Российская Федерация имеет большой комплекс геополитических интересов в Арктическом регионе. Это обусловлено ресурсными, военно-стратегическими, а также транспортными потенциалами региона. Но стоит и учитывать то, что не только Россия заинтересована в Арктике. Ввиду того, что происходят угрозы потепления климата, в последнее время наблюдается тенденция все большего включения стран, не примыкающих к Арктическому региону. А это может означать только то, что данная ситуация приведёт к столкновению интересов многих государств.

Климатическая обстановка ухудшается, ледники в Арктике постепенно тают. Что с одной стороны способствует изучению Арктики, в тех мест, которые раньше были недоступны, к тому же это способствует облегчению транспортировки грузов в акватории Северного морского пути, что является положительной тенденцией. И инцидент марта 2021 года в Суэцком канале, стал поводом обсуждения Северного морского пути как альтернативы Суэцкому. Ко всему прочему, Россия активно строит атомные ледоколы, что позволит увеличить грузоперевозки по акватории Северного морского пути. Российская Федерация обладает единственным в мире атомным ледокольным флотом, что делает её непреодолимой морской державой. Таким образом, Россия будет продолжать использовать Северный морской путь как основную трассу в добывающей индустрии. Поэтому великая морская трасса по-прежнему остается главным механизмом развития Арктической России. И в скором времени Северный морской путь станет способным конкурировать с другими морскими транспортными коридорами.

Но и стоит учитывать, что потепление климата носит в себе масштабные угрозы. В ходе проведенного анализа, можно утверждать, что Российская Федерация предпринимает многие попытки с целью сохранения экосистемы Арктики. Благодаря национальным проектам и государственно-частному партнерству создаются особо охраняемые природные территории и заповедники в Арктике, которые способствуют сохранению уникальной флоры и фауны региона. Также с поддержкой государства были проведены масштабные мероприятия по очистке Арктики от мусора и загрязнений. И подобные мероприятия будут проводиться и дальше с целью все большего очищения Арктики от мусора. Ко всему прочему в

законодательстве учитывается экологический аспект, в тех же стратегиях и основах. И законы, которые регулируют выбросы парниковых газов и их уменьшение, необходимы для Арктики, потому что именно они в большей степени влияют на неё. В итоге это означает, что государственная политика Российской Федерации старается предпринимать все необходимые меры для урегулирования экологической обстановки в Арктике.

Изучив исторические аспекты развития российской Арктики, можно говорить, о том, что это территория всегда входила в зону государственных интересов. И в последнее время Россия отстаивает свое историческое право на Север, поскольку контролируют здесь весьма обширные территории.

Анализ нормативно-правовой базы показывает, что главной задачей правительства РФ является сохранение национальных интересов в данном регионе. Такие как сохранение малочисленных народностей, проживающих в Арктике, улучшение их качества жизни, сохранение экосистемы, развитие инфраструктуры морских портов и морских судоходных путей. Перспективными направлениями считаются, развитие Северного морского пути, развитие инфраструктуры и добычи природных ископаемых с учетом экономической и экологической безопасности. Анализ реализации программных документов показал, что многие аспекты по развитию Арктики выполняются, однако есть и проблемы. Нет в открытом доступе информации о строительстве некоторых инфраструктурных объектов, в результате чего невозможно проследить действительно ли строительство завершается в нужный срок.

В результате анализа полученного материала, можно сказать, что нормативная база стратегического планирования развития Арктической Зоны Российской Федерации обладает тенденцией к формированию устойчивой платформой для будущего поддержания экономического, социального, экологического, военного потенциала региона. Но все же с точностью нельзя утверждать, что нормативная база по развитию Арктики идеальна, конечно, она требует доработок и дальнейшего совершенствования. Одной из важных проблем является недофинансирование в проекты по развитию Арктической зоны Российской Федерации, однако благодаря программе государственно-частного партнерства стало возможно реализовывать социально-экономические проекты по развитию российской Арктики.

Ко всему прочему в последнее время осуществляется активное развитие туризма в Арктических широтах. И с помощью поддержки государства туризм в Арктике стал более доступен для многих жителей страны. И вследствие этого происходит популяризация Арктики и увеличение бюджетных средств.

Констатировать необходимо и то, что Арктика должна оставаться территорией сотрудничества и мира. Однако в последнее время наблюдается другая тенденция, многие приарктические страны стремятся заполучить авторитет в этом регионе. При этом США и Российская Федерация стремятся, чтобы Арктика стала зоной свободной от конфликта, то есть территорией мира. Но на данный момент обе стороны только усиливают военные потенциалы в данном регионе, объясняя тем, что все это для сдерживания обоюдных стран.

С точностью можно утверждать, что в XXI веке идёт «борьба за ресурсы». Так как запасы нефти и газа постепенно истощаются, а страны нуждаются в энергетических ресурсах. А Арктика богата нефтегазовыми месторождениями и минерально-сырьевой базой.

Неарктические страны проявляют особый интерес к этому региону. Но все же вероятность сценария военных конфликтов в будущем весьма маловероятна. Здесь, прежде всего, сыграет свою роль экологический фактор и здравомыслие всех государств и мирового сообщества. И в связи с этим, Российская Федерация должным образом укрепляет свои позиции в Арктическом регионе.

Литература

1. Арктическая политика России: международные аспекты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2021 г. / С.А. Караганов, А.Б. Лихачева, И.А. Степанов, Д.В. Суслов и др. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 2021. 56 с.

2. Бахмутов В.Ю. Итоги комплексных морских научных исследований АО «ГНИНГИ» в Северном Ледовитом океане в 2019 году // Итоги экспедиционных исследований в 2019 году в Мировом океане, внутренних водах и на архипелаге Шпицберген. Севастополь: ФИЦ ИнБЮМ, 2020. С. 12–17.

3. В Арктике обострился конфликт России и США: Почему страны НАТО обвиняют Россию в агрессивном поведении. URL: <https://lenta.ru/brief/2021/05/20/arctic/> (дата обращения 02.06.2022).

4. Есина Е.А. Севморпуть: становление и развитие международно-правового регулирования // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. №6. С. 105–108.

5. Ефремова М.К. Основные подходы к развитию Арктической зоны республики Саха (Якутия) // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. №8. С. 4–11.

6. Журавель В.П. Проблема освоения Арктики в условиях санкционного давления на Россию // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 32–40.

7. Журавлёв П.С. Арктическая Стратегия России: оценки, вопросы и проблемы реализации // Вестник Северного (Арктического) федерального

университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №3. С. 154–160.

8. Калинкина М.А. Взаимодействие государства и бизнеса в реализации семейной политики в РФ // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. №8. С. 96–106.

9. Карпов В.П. Российская Арктика: вызовы и ответы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2013. №2. С. 121–128.

10. Ключникова Е.М. Развитие международных научных исследований в Арктике в контексте научной дипломатии // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. №6. С. 54–64.

11. Крутиков А.В. Стратегия развития российской Арктики. Итоги и перспективы // Арктика и Север. 2020. №40. С. 254–269.

12. Кучинская М.Е. Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2020. №1(58). С. 68–89.

13. Лихачева А.Б. Научное измерение Арктической политики России // АРКТИКА 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. №6. С. 9–20.

14. Лукин А.Л. Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества // Известия Восточного института. 2022. №1. С. 123–131.

15. Никулин М.А. Арктика во внешней политике РФ, США и КНР в контексте региональной безопасности: 1991–2021 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. Наук. Москва. 2022. 27 с.

16. Самохин А.А. Значение арктического региона в современных геополитических реалиях // Культура. Духовность. Общество. 2014. №14. С. 71–82.

17. Синчук Ю.В. Партнерские отношения России с зарубежными странами по вопросам Арктического региона РФ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. №2(800). С. 110–119.

18. Сморгцова В.И. Перспективы развития международного сотрудничества в Арктике: основные направления // Государственная служба. 2020. №5. С. 76–83.

19. Спивак В. Ледниковый период: энергетическое сотрудничество России и Китая в Арктике // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2021/12/27/ru-pub-86088> (дата обращения 27.04.2022).

20. Тимошенко Д.С. Арктическая стратегия Еврокомиссии: вызов для России или мера вынужденной интеграции? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2021. №32. С. 32–39.

21. Филиппова Л.В. Научный потенциал Китая в Арктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. №24. С. 279–295.

22. Цинь Дун Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №4(47). С. 158–167.

23. Чижков Ю.В. Северный морской путь в структуре арктической транспортной системы // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2017. №1(68). С. 27–32.

24. Exercise Cold Response 2022 – NATO and partner forces face the freeze in Norway. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm (дата обращения: 22.04.2022).

25. Lysenko M.N. Nuclear Safety and Security in the Arctic: Crafting an Effective Regional Governance System // Arctic Review on Law and Politics. 2022. Vol. 13. P. 191–212.

References

1. Arkticheskaya politika Rossii: mezhdunarodnye aspekty: dokl. k XXII Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 2021 g. / S.A. Karaganov, A.B. Likhacheva, I.A. Stepanov, D.V. Suslov i dr. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. 2021. 56 s.

2. Bakhmutov V.Yu. Itogi kompleksnykh morskikh nauchnykh issledovaniy AO «GNINGI» v Severnom Ledovitom okeane v 2019 godu. Itogi ekspeditsionnykh issledovaniy v 2019 godu v Mirovom okeane, vnutrennikh vodakh i na arkhipelage Shpitsbergen. Sevastopol': FITs InBYuM, 2020. S. 12–17.

3. V Arktike obostrilsya konflikt Rossii i SShA: Pochemu strany NATO obvinilyut Rossiyu v agressivnom povedenii. URL: <https://lenta.ru/brief/2021/05/20/arctic/> (data obrashcheniya 02.06.2022).

4. Esina E.A. Sevmorput': stanovlenie i razvitie mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya. ARKTIKA 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya. 2021. №6. S. 105–108.

5. Efremova M.K. Osnovnye podkhody k razvitiyu Arkticheskoi zony respublik Sakha (Yakutiya). Arktika 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya. 2021. №8. S. 4–11.

6. Zhuravel' V.P. Problema osvoeniya Arktiki v usloviyakh sanktsionnogo davleniya na Rossiyu. Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN. 2022. №2. S. 32–40.

7. Zhuravlev P.S. Arkticheskaya Strategiya Rossii: otsenki, voprosy i problemy realizatsii. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2013. №3. S. 154–160.

8. Kalinkina M.A. Vzaimodeistvie gosudarstva i biznesa v realizatsii semeinoi politiki v RF. ARKTIKA 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya. 2021. №8. S. 96–106.

9. Karpov, V.P. Rossiiskaya Arktika: vyzovy i otvety. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 2013. №2. S. 121–128.

10. Klyuchnikova E.M. Razvitie mezhdunarodnykh nauchnykh issledovaniy v Arktike v kontekste nauchnoi diplomatii. ARKTIKA 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya. 2021. №6. S. 54–64.

11. Krutikov A.V. Strategiya razvitiya rossiiskoi Arktiki. Itogi i perspektivy. Arktika i Sever. 2020. №40. S. 254–269.

12. Kuchinskaya M.E. Arktika v fokuse vnimaniya SShA i NATO i interesy bezopasnosti Rossii. Problemy natsional'noi strategii. 2020. №1(58). S. 68–89.

13. Likhacheva A.B. Nauchnoe izmerenie Arkticheskoi politiki Rossii. ARKTIKA 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya. 2021. №6. S. 9–20.

14. Lukin A.L. Rossiya i Kitai v Arktike: sostoyanie i perspektivy dvustoronnego sotrudnichestva. Izvestiya Vostochnogo instituta. 2022. №1. S. 123–131.

15. Nikulin M.A. Arktika vo vneshnei politike RF, SShA i KNR v kontekste regional'noi bezopasnosti: 1991–2021 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk. Moskva. 2022. 27 s.

16. Samokhin A.A. Znachenie arkticheskogo regiona v sovremennykh geopoliticheskikh realiyakh. Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo. 2014. №14. S. 71–82.

17. Sinchuk Yu.V. Partnerskie otnosheniya Rossii s zarubezhnyimi stranami po voprosam Arkticheskogo regiona RF. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2018. №2(800). S. 110–119.

18. Smorchkova V.I. Perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Arktike: osnovnye napravleniya. Gosudarstvennaya sluzhba. 2020. №5. S. 76–83.

19. Spivak V. Lednikovyi period: energeticheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v Arktike. Moskovskii tsentr Karnegi. URL:

<https://carnegie.ru/2021/12/27/ru-pub-86088> (data obrashcheniya 27.04.2022).

20. Timoshenko D.S. Arkticheskaya strategiya Evrokomissii: vyzov dlya Rossii ili mera vynuzhdennoi integratsii? Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN. 2021. №32. S. 32–39.

21. Filippova L.V. Nauchnyi potentsial Kitaya v Arktike. Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. 2019. №24. S. 279–295.

22. Tsин' Dun Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v Arktike i rossiiskii Dal'nii Vostok. Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. №4(47). S. 158–167.

23. Chizhkov Yu.V. Severnyi morskoi put' v strukture arkticheskoi transportnoi sistemy. Transport Rossiiskoi Federatsii. Zhurnal o nauke, praktike, ekonomike. 2017. №1(68). S. 27–32.

24. Exercise Cold Response 2022 – NATO and partner forces face the freeze in Norway. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm (data obrashcheniya: 22.04.2022).

25. Lysenko M.N. Nuclear Safety and Security in the Arctic: Crafting an Effective Regional Governance System. Arctic Review on Law and Politics. 2022. Vol. 13. P. 191–212.

В.И. Тимошенко

**ХАРАКТЕР И
СВОЕОБРАЗИЕ
ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация

В статье на основе диалектического и историко-сравнительного методов проведен анализ становления партийной системы в современной России. Раскрыты особенности в контексте интересов правящего политического класса, изменений в избирательном законодательстве. Выделены основные типы российских партий: политтехнологические партии (проекты); партии, создаваемые для удовлетворения лидерских амбиций; партии-спойлеры; проблемно-ориентированные партии; массовые партии; кадровые партии; правящие партии. Дана оценка дискуссиям в академических и научных сообществах, среди политиков и политтехнологов в отношении создания в Российской Федерации двухпартийной системы. Проанализирована современная российская мультипартийная система в контексте ее двухуровневого характера: первый уровень – парламентские партии в Госдуме РФ и в региональных парламентах; второй уровень – внепарламентские политические партии. При этом второй круг многообразен и у руководства общественно-политических организаций есть интерес выхода на уровень принятия стратегических решений посредством приобретения в среднесрочной и долгосрочной перспективах парламентского статуса. Современная российская мультипартийная система имеет доминирующую «президентскую» партию – «Единая Россия», которая на деле является лидирующей партийно-политической силой, обладающей ресурсами, реальной политической властью, имеет большинство в Федеральном парламенте и представительных органах власти абсолютного большин-

V. Tymoshenko

**THE NATURE AND
ORIGINALITY OF THE
PARTY SYSTEM OF
MODERN RUSSIA**

Abstract

The article on the basis of dialectical and historical-comparative methods, an analysis of the formation of the party system in modern Russia was carried out. Revealed features in the context of the interests of the ruling political class, changes in electoral legislation. The main types of Russian parties are highlighted: political technological parties (projects); parties created to meet leadership ambitions; spoiler batches; problem-oriented parties; mass parties; personnel parties; ruling parties. An assessment was given to discussions in academic and scientific communities, among politicians and political strategists regarding the creation of a bipartisan system in the Russian Federation. The modern Russian multi-party system was analyzed in the context of its two-level nature: the first level - parliamentary parties in the State Duma of the Russian Federation and in regional parliaments; the second level is extra-parliamentary political parties. At the same time, the second circle is diverse and the leadership of socio-political organizations has an interest in reaching the level of strategic decision-making through the acquisition of parliamentary status in the medium and long term. The modern Russian multi-party system has a dominant "presidential" party - "United Russia," which in fact is the leading party-political force with resources, real political power, has a majority in the Federal Parliament and representative authorities of the absolute majority of regional and local level.

ства регионального и местного уровня.

Ключевые слова:

Россия, гражданское общество, политические партии, партийная система, политическое развитие.

Key words:

Russia, civil society, political parties, party system, political development.

На мировом политическом ландшафте на данном этапе общественно-политического развития происходят столкновения между основными субъектами, обладающими ресурсным потенциалом по определению дальнейшего вектора развития человечества [5; 20; 21; 23]. Динамика политического развития в контексте внутренних и внешних вызовов оказывает влияние не только на органы государственной власти, но и многообразные институты гражданского общества и прежде всего политических партий [2; 6; 7]. Так как они являются одними из активных субъектов, связывающих гражданское общество с властью и при этом оказывают существенное влияние на поддержание политической системы в стране в условиях массовой цифровизации всех сфер жизнедеятельности [3; 11].

Политические партии являются предметом рассмотрения в российской политической мысли Е.М. Кокоткиной [17], Д.Н. Салыковым [18; 19], А.К. Сквоиковым [22], С.С. Степановой [15], А.С. Фалиной [14] и др. Институт политических партий имеет принципиальное социально-политическое значение в обеспечении общественного прогресса к ценностям демократического устройства. При этом всякая состоявшаяся демократия многопартийна.

Результаты процесса партийного строительства проявились также и в том, что в России в начале третьего тысячелетия сложилась партийная система. Отправное направление в понимании сущности партийных систем задал в своё время классик партологии М. Дюверже. Он считал, что любая состоявшаяся партийная система есть ничто иное, как «формы и способы сосуществования нескольких партий рассматриваемой страны» [8, с. 263]. Российские политологи В.П. Пугачёв и А.И. Соловьев констатируют, что партийная система – это устоявшиеся связи и отношения партий различного типа друг с другом, а также с государством и иными институтами власти [13, с. 218].

Важным моментом в понимании генезиса партийных систем является выяснение основных факторов, которые обуславливают переход простой многопартийности к многопартийной системе. Отправные ориентиры в понимании этой проблемы находим у М. Дюверже. По его мнению, сущность и своеобразие партийных систем определяется рядом «общих» и «специфических» (присущих отдельным странам и обществам) факторов. Если предельно компактно раскрыть позиции М. Дюверже, то к числу «общих» (по сути дела всеобщих) факторов он относит собственно многопартийный

фактор, имея в виду безусловную зрелость и демократизм действующих партий; характер и своеобразие избирательных режимов; наличие демократических «конституционных» форм государственного правления и, наконец, специфические факторы, присущие каждой стране или обществу (своеобразие истории, менталитета, культуры, религиозности, национального вопроса и др.) [8, с. 263-265; 278-288; 472-474].

В постсоветской России, после десятков лет «сжатия» общества коммунистической системой, на становление многопартийной системы работало одновременно ряд «общих» и «специфических» для России факторов. Причём мощнейшее воздействие на этот процесс стало оказывать и продолжает оказывать «специфический» фактор российского бытия. Большинство субъектов российского политического процесса, а также граждан страны до конца не осознавая, двигалась через взрывную многопартийность к формированию мультипартийной системы [16].

В самом деле, для современной России, с её кардинально меняющейся социальной структурой населения, с широкими и отчётливыми противоречиями в идейно-политическом спектре, с наличием различных типов политических культур, с историей, наполненной периодами жесточайшей политической борьбы, в которых сохраняется и время от времени вспыхивает общественная память, наконец, со стихийно возникшими тенденциями к многопартийности и т.д., приемлема только мультипартийная система. Дискуссии в академической и научной среде, среди представителей власти, экспертов привели к устоявшейся позиции, что предпосылок о создании двухпартийной системы в современной России просто нет. Позиции отдельных политиков, разделяющих целесообразность формирования двухпартийной системы не реализуемы.

На формирование и развитие мультипартийной системы России работали и работают «общие» политические, институциональные факторы. Это институт Президента Российской Федерации, практически с августа 1991 года по современный период; институт Конституции РФ от 12 декабря 1993 года и её новая редакция от 1 июля 2020 года; институт Федерального Собрания РФ; институт выборов, прежде всего Президента РФ, депутатского корпуса Государственной Думы РФ, глав субъектов РФ и состава региональных парламентов России и т.д.

Завершающим институциональным шагом к установлению ныне действующего формата мультипартийной системы России явилась также принятие 11 июля 2001 года Федерального Закона РФ «О политических партиях» [12].

За последние 20 лет партии и многопартийная система России продвинулись в своём становлении и развитии, что может охватываться общим понятием – «процесс партийного строительства».

Так, к примеру, стремясь преодолеть «заморозку» процесса партийного строительства, проявившегося за период 2004–2011 гг. Президент РФ

предложил упростить и демократизировать процедуру регистрации вновь возникающих политических партий. Данная инициатива нашла свою скорую реализацию в новой редакции Федерального Закона «О политических партиях» от 2 апреля 2012 года. Согласно ей была резко снижена необходимая минимальная численность российских политических партий и была упрощена процедура создания и регистрации партийных структур. Так, пункт «б» раздела 2 статьи 3 Закона гласил: «...в политической партии должно состоять не менее пятисот членов политической партии с учётом требований, которые предусмотрены пунктом б статьи 23 настоящего Федерального Закона. Уставом политической партии могут быть установлены требования к минимальной численности политической партии в её региональных отделениях» [12, с. 4].

Резкое, законодательно установленное сокращение численности членов каждой партии на момент её создания (с 40000 до 500 человек, т.е. в 80 раз), зафиксированное в новой редакции Закона «О политических партиях» от 2 апреля 2012 года, вызвало бурный рост числа новых политических партий. Так, по состоянию на июнь 2014 года в Минюсте России было зафиксировано 77 политических партий, причём 69 из них получили право участия в выборах.

Рост числа вновь создаваемых партий продолжался и в последующие годы. По имеющимся данным, активную политическую и организационную роль в активизации формирования новых партий России сыграли соответствующие структуры Администрации Президента РФ. Глава государства в своих посланиях Федеральному Собранию РФ за 2012 и 2013 гг., во-первых, считал позитивным признаком «политической модернизации» рост числа новых партий, а во-вторых, выражал уверенность в том, что многие новые партии составят на будущих парламентских выборах конкуренцию/российским политическим «долгожителям».

Однако с 2019 года началась, к сожалению, резкое сокращение числа партий, прежде всего возникших после 2 апреля 2012 года дело в том, что ст.37 п.2 Закона РФ «О политических партиях» гласит: политическая партия, не принимавшая в течение семи лет подряд участия в выборах в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, подлежит ликвидации согласно статье 41 настоящего Федерального Закона [12, с. 73].

Случаи же участия политической партии в выборах, определённые в пункте 1 статьи 37 названного Закона на 2012 год и последующие годы, были таковы:

- а) выдвинутый ею и зарегистрированный федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ;
- б) утратил силу;
- в) выдвинутого ею и зарегистрированного кандидата на должность Президента РФ;

г) утратил силу;

д) выдвинутых ею и зарегистрированных кандидатов (списки кандидатов) в депутаты законодательных (представительных) органов субъектов РФ не менее чем в 20% субъектов РФ;

е) выдвинутых ею и зарегистрированных кандидатов (списки кандидатов) на выборах в органы местного самоуправления более чем в половине субъектов РФ [12, с. 73].

В итоге, по данным министерства юстиции РФ, за период 2012-2021 гг. в России было ликвидировано 67 политических партий, причём 26 партий из них, т.е. более 1/3, были ликвидированы с формулировкой «на основании решения суда в связи с недостаточным участием в выборах в течение семи лет подряд», а пять партий из общего названного количества были ликвидированы ввиду того, что имели свои региональные отделения менее чем в половине субъектов РФ.

На данном этапе социально-политического развития российская модель мультипартийной системы есть объективная реальность. В соответствии с Федеральным Законом «О политических партиях» Министерством юстиции РФ по состоянию на 30 декабря 2021 года были зарегистрированы 32 политические партии. Кроме того, на данный период времени действовало ещё 30 организационных комитетов по созданию новых политических партий. Данный факт доказывает, что политическая элита в Российской Федерации неоднородна, интересы определенной ее части не представлены в представительных органах власти всех уровней: федеральном, региональном и местном. Можно с уверенностью спрогнозировать, что политическая власть предпримет все законодательные фильтры с целью минимизации регистрации новых политических партий.

Нынешний формат российской мультипартийной системы имеет и другие свои характеристики. В ней просматриваются не только несколько десятков партий, но и процесс стихийного формирования партийно-политических полюсов из ряда близких друг другу партий. Это «блок», или множество одновременно существующих партий, левого и левоцентристского характера; это «блок» ряда правоцентристских партий; это «блок» (множество) национал-патриотических партий; это «блок» (множество) либеральных и праволиберальных партий; наконец, это наличие отдельных праворадикальных партий. При этом будущего среди «женских партий» в среднесрочной перспективе в России нет, по сравнению с западноевропейскими странами [4].

Применительно к партиям-субъектам российской мультипартийной системы позволительно использование сложной научной типологии. Можно с полными основаниями вычленить и такие типы российских партий: политехнологические партии (проекты); партии, создаваемые для удовлетворения лидерских амбиций; партии-спойлеры; проблемно-

ориентированные партии; массовые партии; кадровые партии; правящие партии и др.

Современная российская мультипартийная система имеет доминирующую «президентскую» партию в лице «Единой России». На сегодняшний день она на деле является лидирующей партийно-политической силой, обладает реальной политической властью, имеет большинство в федеральном парламенте и представительных органах власти абсолютного большинства регионального и местного уровня, а также контролируя исполнительную власть почти во всех регионах страны.

Современная российская мультипартийная система имеет также двухуровневый характер: первый уровень – парламентские партии в Госдуме РФ и в региональных парламентах; второй уровень – внепарламентские политические партии, круг которых достаточно широк. Этот круг претендует на статус парламентских партий.

Современная российская мультипартийная система внутренне напряжена в виду перманентной политической борьбы и конкуренции, она также имеет круг оппозиционных политических партий.

Формат современной российской мультипартийной системы будет существовать и в обозримом политическом будущем России. Однако всё-таки есть основания к её возможной модернизации. Круг парламентских партий «застоялся», некоторые из них имеют уже пожилых руководителей. Для того, чтобы обновить круг парламентских партий, не ломая сложившегося формата партийной системы, можно законодательно принять решение о праве партии на создание предвыборных блоков и на понижение заградительного барьера от современных 5% к 3%, который применяется при распределении мест в федеральный орган законодательной власти, а точнее в ее нижнюю палату. От эффективности работы парламента зависит и рост благосостояния граждан, стабилизация политической системы страны: «Слабый или сильный, парламента остаётся социальным механизмом распределения и реализации власти, встроенным в политическую систему, играет в ней определённую роль, оказывает влияние на общественное развитие (даже своим устранением от принятия ключевых политических решений)» [9, с. 118].

Какие-либо радикальные реформационные меры к нынешней мультипартийной системе применять нецелесообразно. Она, как это не звучит пафосно, продолжает быть одним из фундаментов российской политической системы.

Институт политических партий — это один из институтов гражданского общества, ныне действующий во всех странах мира, вступивших на путь демократии, в их числе и современная Россия. Востребованность института партий – прежде всего в повседневной реализации более чем полутора десятков партийно-политических функций. В этом смысле сложив-

шийся институт политических партий — это второй по значимости политический институт после института государства, причём выдвинутый из глубин гражданского общества.

Литература

1. Авцинова Г.И. Государственная политика цифровизации в современной России: понятие, концепции, тренды развития // PolitBook. 2022. №2. С. 101-113.
2. Авцинова Г.И., Супряга И.А. Взаимодействие государства и гражданского общества в контексте обеспечения общественной безопасности России // PolitBook. 2016. № 1. С. 27-43.
3. Авцинова Г.И., Толочко А.В. Политическая стабильность в современном мире: динамизм, многомерность, специфика // PolitBook. 2022. №3. С. 181-194.
4. Арутюнов А.Г., Сковиков А.К. Политическое участие женщин на региональных выборах в Европе // PolitBook. 2022. №2. С. 89-100.
5. Баранов А.В. Общественные объединения и социальные сети: роль в политическом процессе Краснодарского края // PolitBook. 2012. №2. С. 51-61.
6. Бронников И.А. Метаморфозы гражданского общества // PolitBook. 2012. №2. С. 77-99.
7. Горелов А.А., Горелова Т.А. Предпосылки становления гражданского общества // PolitBook. 2012. №2. С. 34-50.
8. Дюверже М. Политические партии. Москва: Академический проект, 2000. 560 с.
9. Жаворонков С.Ф., Очкина А.В. Парламент как социальный механизм представительства интересов граждан // PolitBook. 2022. №2. С. 114-127.
10. Златанов Б.Г. Политическая элита: теоретическое измерение // PolitBook. 2022. №3. С. 159-168.
11. Крымова К.М. Влияние цифровых платформ на политический процесс // PolitBook. 2022. №2. С. 35-53.
12. О политических партиях: Федеральный закон. Москва: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2012. 96 с.
13. Пугачёв В.П., Соловьёв А.И. Введение в политологию. Москва: Аспект Пресс, 1995. 320 с.

14. Сквоиков А.К., Скутина С.Г., Фалина А.С. Политические партии и российская молодежь: диалог на современном этапе // PolitBook. 2018. №4. С. 64–73.

15. Степанова С.С. Политические инновации как фактор изменений института парламентских партий в современной России // PolitBook. 2022. №2. С. 182–194.

16. Тимошенко В.И. Предвыборные программы политических партий как предмет политологического анализа // PolitBook. 2021. №4. С. 104–124.

17. Тимошенко В.И., Кокоткина Е.М. Возможные перспективы развития партийной системы в контексте либерализации партийного законодательства // PolitBook. 2015. №3. С. 179–191.

18. Тимошенко В.И., Салыков Д.Н. Протопартии и малые партии в эпоху европейского средневековья в контексте книги Макиавелли «История Флоренции» // PolitBook. 2020. №2. С. 146–158.

19. Тимошенко В.И., Салыков Д.Н. К теории партий и партийных систем // PolitBook. 2016. №2. С. 52–72.

20. Donaj L. Chosen problems of forecasting social phenomena: forecasting, backcasting, and foresight // PolitBook. 2012. №2. С. 165–175.

21. Nikiporets-Takigawa G. «Sociopolitical insider» system: promises and limitations for the political analysis and prognosis // PolitBook. 2018. №1. С. 6–20.

22. Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests // Youth World Politic. 2013. №1. С. 4–10.

23. Volodenkov S. Features and application of internet propaganda technologies in the political management // PolitBook. 2016. №4. С. 15–30.

References

1. Avtsinova G.I. Gosudarstvennaya politika tsifrovizatsii v sovremennoi Rossii: ponyatie, kontseptsii, trendy razvitiya. PolitBook. 2022. №2. S. 101-113.
2. Avtsinova G.I., Supryaga I.A. Vzaimodeistvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v kontekste obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti Rossii. PolitBook. 2016. № 1. S. 27–43.
3. Avtsinova G.I., A.V. Tolochko A.V. Politicheskaya stabil'nost' v sovremennom mire: dinamizm, mnogomernost', spetsifika. PolitBook. 2022. №3. S. 181-194.
4. Arutyunov A.G., Skovikov A.K. Politicheskoe uchastie zhenshchin na regional'nykh vyborah v Evrope. PolitBook. 2022. №2. S. 89-100.
5. Baranov A.V. Obshchestvennye ob"edineniya i sotsial'nye seti: rol' v politicheskom protsesse Krasnodarskogo kraja. PolitBook. 2012. №2. S. 51–61.
6. Bronnikov I.A. Metamorfozy grazhdanskogo obshchestva. PolitBook. 2012. №2. S. 77–99.
7. Gorelov A.A., Gorelova T.A. Predposylki stanovleniya grazhdanskogo obshchestva. PolitBook. 2012. №2. S. 34–50.
8. Dyuverzhe M. Politicheskie partii. Moskva: Akademicheskii proekt, 2000. 560 s.
9. Zhavoronkov S.F., Ochkina A.V. Parlament kak sotsial'nyi mekhanizm predstavitel'stva interesov grazhdan. PolitBook. 2022. №2. S. 114-127.
10. Zlatanov B.G. Politicheskaya elita: teoreticheskoe izmerenie. PolitBook. 2022. №3. S. 159-168.
11. Krymova K.M. Vliyanie tsifrovyykh platform na politicheskii protsess. PolitBook. 2022. №2. S. 35-53.
12. O politicheskikh partiakh: Federal'nyi zakon. Moskva: Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Rossiiskoi Federatsii, 2012. 96 s.
13. Pugachev V.P., Solov'ev A.I. Vvedenie v politologiyu. Moskva: Aspekt Press, 1995. 320 s.
14. Skovikov A.K., Skutina S.G., Falina A.S. Politicheskie partii i rossiskaya molodezh': dialog na sovremennom etape. PolitBook. 2018. №4. S. 64–73.
15. Stepanova S.S. Politicheskie innovatsii kak faktor izmenenii instituta parlamentskikh partii v sovremennoi Rossii. PolitBook. 2022. №2. S. 182-194.
16. Timoshenko V.I. Predvybornye programmy politicheskikh partii kak predmet politologicheskogo analiza. PolitBook. 2021. №4. S. 104–124.

17. Timoshenko V.I., Kokotkina E.M. Vozmozhnye perspektivy razvitiya partiinoi sistemy v kontekste liberalizatsii partiinogo zakonodatel'stva. PolitBook. 2015. №3. S. 179–191.

18. Timoshenko V.I., Salykov D.N. Protopartii i malye partii v epokhu evropeiskogo srednevekov'ya v kontekste knigi Makiavelli «Istoriya Flo-rentsii». PolitBook. 2020. №2. S. 146–158.

19. Timoshenko V.I., Salykov D.N. K teorii partii i partiinykh sistem. PolitBook. 2016. №2. S. 52–72.

20. Donaj L. Chosen problems of forecasting social phenomena: forecasting, backcasting, and foresight. PolitBook. 2012. №2. S. 165–175.

21. Nikiporets-Takigawa G. «Sociopolitical insider»system: promises and limitations for the political analysis and prognosis. PolitBook. 2018. №1. S. 6–20.

22. Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests. Youth World Politic. 2013. №1. S. 4–10.

23. Volodenkov S. Features and application of internet propaganda technologies in the political management. PolitBook. 2016. №4. S. 15–30.

СТАТЬИ

Н.В. Алексеев

N. Alekseev

ЦЕРКОВЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ИСТОРИКО- ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС)

CHURCH IN THE INFORMATION SPACE (HISTORICAL AND POLITICAL SCIENCE EXCURSION)

Аннотация

На любом этапе общественно-политического развития распространение и контроль источников информации имел ключевое значение для правящего класса, в том числе и для представителей религиозных конфессий. Со времён Средневековья христианские деятели наряду с представителями светской власти интересовались вопросами создания собственных каналов передачи информации для формирования общественного мнения, ретуширования настроения политизированных и недовольных жителей. С тех пор главным источником информации стало религиозное учение, что привело к появлению церковных догматов и проповедей, которые определили характер развития сфер общественной жизни. Церковь, пользуясь своим авторитетом, сумела добиться от светских правителей права на самостоятельное просвещение общества, в том числе и воспитание подрастающего поколения. Долгие годы церковь занимала монопольное положение в распространении информации в европейских странах и в России. Представители разных поколений с самого раннего возраста получали знания, обращаясь к церкви как к основному источнику информации. Так они познавали основы скорее христианской веры, нежели светского учения. Сама идея светскости в информационном и образовательном пространстве подпадала под непосредственный контроль служителей церкви, которые старались регламентировать ее оговоренными рамками (светскость в

Abstract

At any stage of socio-political development, the spread and control of sources of information was of key importance for the ruling class, including representatives of religious denominations. Since the Middle Ages, Christian figures, along with representatives of secular authorities, have been interested in creating their own channels for transmitting information to form public opinion, as well as for retouching the mood of politicized and dissatisfied residents. Since then, religious teaching has become the main source of information, which led to the emergence of church dogmas and sermons, which determined the nature of the development of spheres of public life. The Church, using its authority, managed to obtain from secular rulers the right to independently educate society, including the upbringing of the younger generation. For many years, the church held a monopoly position in the dissemination of information in European countries and in Russia. Representatives of different generations received knowledge from a very early age, turning to the church as the main source of information. Thus, they learned the foundations of the Christian faith rather than secular teaching. The very idea of secularism in the information and educational space fell under the direct control of church ministers, who tried to regulate it within the agreed framework (secularism within the framework of religiosity). These trends have not bypassed the Russian state, where for a long time any information was correlated

рамках религиозности). Эти тенденции не обошли стороной и российское государство, где долгое время любая информация коррелировалась с православным учением. С появлением книгопечатания любые сведения, которые публиковались в книгах, проходили цензуру на соответствие церковным интересам. Если в Средние века образование и доступ к информации были прерогативой привилегированных сословий, то сегодня доступ к ней открыт для всех. Это породило информационные вызовы для правящего класса и представителей конфессий, поскольку любая информация содержит в себе амбивалентный потенциал.

with Orthodox teaching. With the advent of printing, any information that was published in books was censored for compliance with church interests. In the Middle Ages education and access to information were the prerogative of privileged classes, yet today the access to it is open to everyone. This gave a rise to information challenges for the ruling class and the representatives of confessions, since any information contains an ambivalent potential.

Ключевые слова:

миграционная политика, государственная политика, миграция, миграционные процессы, трудовые мигранты, адаптация и интеграция, политическое управление.

Key words:

state, church, information, education, state-church relations, ruling class, religious figures.

Английский банкир Н. Ротшильд однажды сказал: «Тот, кто владеет информацией, – тот владеет миром». Из поколения в поколение контроль над знаниями и средствами передачи информации служил неотъемлемым инструментом генерирования провластных настроений, а также транслирования среди общественности тех ценностей, которые были желательны для лиц, находящихся на уровне принятия политических решений. Во времена Средневековья одним из таких каналов, позволявших влиять на общественное мнение, считалось народное образование. Доступ к нему был лишь у привилегированных сословий, среди которых была Римско-католическая церковь (РКЦ). Христианизация считалась определяющей чертой «европеизации» и повлияла на концептуализацию социальных изменений в средневековый период [20, с. 300]. Общество, будучи религиозным, было не против, чтобы народным просвещением занимались лишь представители церкви, которые фактически монополизировали образовательную сферу [4]. Да и сама церковь была только за то, чтобы народное образование проходило в её стенах, а не за пределами, потому обучение молодого поколения начиналось с изучения азов религиозного мировоззрения [4]. Церковные догматы играли ключевую роль в жизни каждого человека независимо от социального происхождения, церковь

трактовала их согласно основам того времени. Со сменой формаций изменятся и подходы в трактовании основ мироустройства, но сама идея божественного провидения останется прежней. Церковные и светские деятели, в отличие от народного большинства, имея доступ к образованию и источникам распространения информации, опасались всеобщего народного просвещения, поскольку это могло бы нарушить устойчивое развитие тех общественно-политических порядков, которые логично вписывались в основы христианско-церковного учения того времени.

На протяжении многих лет отношения государства и церкви в общественно-политической жизни имели разный характер взаимодействия (от сотрудничества до противоборства) [2; 3; 5; 6]. В периоды, когда взаимодействие государства и церкви складывалось в рамках сотрудничества, а не противоборства (тогда в противовес церковным правилам актуализировались светские и научные начала), представители церкви и светской власти совместно принимали участие, если таковое требовалось, в религиозном просвещении народа. Знание католических и прочих религиозных ценностей считалось залогом успешной социализации жителей. Или же, как подчёркивает М.В. Кузьмина: «Для средневековой культуры определяющим фактором являлось христианское учение... было определяющим учением, чьи этические нормы являлись не только высоким идеалом, но и руководством в повседневной жизни» [17, с. 24-25]. Любое полученное знание проходило проверку на «истинность» и соответствие церковным догматам, что уместно вписывалось в средневековое мировоззрение. А многие научные дисциплины, такие как философия и другие, превращались в верных «служанок богословия», где последняя считалась «наивысшей» практикой любого социального опыта. Как однажды заметил российский медиевист А.Я. Гуревич: «Богословская, телеологическая интерпретация истории была в то время неизбежной стадией рационального освоения исторического процесса» [11, с. 114]. На любом уровне образования от учащихся требовалось знать и уметь трактовать все социально-политические процессы в контексте катехизиса.

Феодальная структура чётко определяла сословное положение и диктовала правила поведения людей в средневековом мире. Те правители и деятели, которые хотели реформировать феодальные порядки и желали повысить качество жизни населения, старались придерживаться реальной, а не фиктивной политики народного просвещения, исходили из того,

что не следует в эту область допускать элементы, которые тормозят распространение научно-технических достижений, тогда как тираны и деспоты, напротив, устанавливали ограничительные рамки в области народного просвещения (образование разрешалось только для привилегированных сословий, да и само просвещение трактовалось с позиций религиозных установок). По этой причине в Средние века прерогатива народного просвещения с разрешения светских правителей была передана в руки религиозных мыслителей, от которых требовалось, чтобы в процессе обучения мировоззрение учащихся выстраивалось в рамках поддержки курса по сохранению и восхвалению существующих феодально-реакционных порядков, такая политика стесняла распространение знаний из-за наличия всевозможных барьеров. Как пишет Ю.Л. Менцин: «В начале XIII века Католическая церковь, задолго до Фрэнсиса Бэкона, осознала, что знание – это сила, которая может стать мощным средством укрепления ее власти, и начала серьезно заниматься развитием в Европе высшего образования» [18]. При этом университеты, будучи подконтрольными РКЦ, зависели от воли последней, и по этой причине большинство преподавателей были религиозными людьми, отчего долгие годы среди учащихся наблюдался низкий уровень качества знаний в области светскости, при этом сама профессиональная подготовка преподавательских кадров в учебных заведениях также оставляла желать лучшего, поскольку последние, кроме основ религиозно-христианского учения, ничему новому (имеется в виду научно-светскому) не могли обучить, что вполне соответствовало канонам феодальной системы. Тем не менее, даже в таких аморфных рамках народное просвещение медленно, но верно прогрессировало, потому что любые научные открытия, полученные знания и пропагандируемые морально-этические правила поведения реформировали общественное мировоззрение. Как было, например, с рыцарской честью и моралью, по верному выражению историка К.А. Иванова, которое «как учреждение уже умерло, оказав человечеству величайшие услуги, пробудив лучшие струны его сердца, зато рыцарство как совокупность благороднейших свойств человеческого духа – бессмертно» [14, с. 111]. То же самое происходило и с научными открытиями (гелиоцентризм, естественное право и т.д.), которые хоть и не вписывались в религиозное мироустройство, противоречили феодально-церковным порядкам, но всё равно выстояли под натиском реакции.

Из-за того, что церковные догматы в Средневековье приобрели доминирующий характер во всех сферах общественной жизни, они диктовали строгие правила христианского миропорядка, а любые научные знания и изобретения попадали под их гласный контроль. Так было с появлением книгопечатания, доступ к которому имел лишь узкий круг лиц, потому что на протяжении долгого времени, как отмечает А.Я. Гуревич: «средневековая книга (рукописная, а потому редкая и дорогая, обычно – произведение искусства) оставалась достоянием кучки образованных, сакральным предметом, совершенно недоступным массе населения» [10, с. 501]. Правящие сословия следили за тем, чтобы в книгах печаталась лишь та информация и те знания, которые не подрывали основ существующих порядков, отчего большинство произведений носило религиозно-богословский и феодальный характер и пропагандировало ценности, которые не противоречили канонам Римско-католической церкви и основам христианского мироустройства.

Феодальная иерархия строго ограничивала возможности любого источника информации, отчего долгое время главным инструментом воздействия на массы оставалось «устное слово». Из-за слабо развитой социальной мобильности новая информация не могла охватить широкий круг людей, и поэтому приезд каких-либо путешественников в селения простых обывателей мог сопровождаться аншлагом, становился значимым событием. Церковные проповеди тогда считались наиболее приемлемой формой распространения информации. Проповеди, как пишет российский медиевист А.Я. Гуревич, превращались в «мощное средство идеологического воздействия на умы и чувства верующих. Поэтому темы, обсуждаемые на проповеди, были актуальными и животрепещущими. Проповедь – в высшей степени важный источник для изучения народной ментальности в Средние века» [11, с. 180]. И когда жители городов и близлежащих деревень узнавали, что скоро к ним прибудет очередной монах-проповедник, множество людей стекалось к нему на проповедь, чтобы послушать речи о насущных проблемах. Однако сами проповеди могли вызвать неоднозначные реакции со стороны необразованной толпы. РКЦ с помощью инквизиции следила за тем, чтобы не распространялись ложные слухи и неправильные религиозные установки. Так, русский историк К.А. Иванов приводит интересные факты, что «кроме страшных эпидемических болезней, уносивших в Средние века бесчисленное количество

жертв, много страдало население тогдашних городов и деревень от своеобразных вспышек религиозного экстаза... иногда охватывало народные массы, по-видимому, без всякой причины» [14, с. 178].

Инквизиция проводила соответствующие мероприятия против инакомыслящих, проповеди которых сопровождалась «религиозным экстазом». Но вместе с тем руководство РКЦ возлагало на них и другую, не менее важную задачу, связанную с раскрытием ведовских дел и процессов, которые к концу Средневековья массово охватили Европу. Низкий уровень знаний и всеобщее невежество привели к тому, что, по точному высказыванию русского историка Н.В. Сперанского, немецкие суды, когда рассматривали ведовские дела, исходили из принципа: «Кто говорит, что ведьм не существует, того нельзя не заподозрить самого в принадлежности к их сообществу» [19, с. 9]. Вследствие чего В.Б. Антонович указывал на общераспространённые последствия таких процессов: «Костры запылали во всей Западной Европе, усердно раздуваемые фанатизмом инквизиторов и суеверною публикой, и пламя их, несколько лишь ослабевшее под влиянием реформации, потухло только в исходе XVIII столетия, под давлением широко развившегося на новых началах положительной критики европейского просвещения» [7, с. 5].

Но пройдёт ещё буквально несколько десятилетий, и проповеди утратят былую силу, доступ к книгопечатанию получают прогрессивно настроенные слои. Влияние научных изысканий на массы ускорится, а идеи мыслителей просвещения, которые боролись с реакционными устоями и церковными порядками, примут всеобщее признание, и Римско-католической церкви придётся прибегнуть к таким методам ограничения человеческого саморазвития, как выпуск «Индекса запрещённых книг». Так, французский энциклопедист П.А. Гольбах, чьи произведения были внесены в «Индекс» из-за яркой антифеодальной и антирелигиозной позиции, недоумевал, по какой причине это произошло: «Повсюду народное образование отдано на попечение служителей церкви, гораздо больше занятых ослеплением умов людей притчами, чудесами, тайнами религии и её обрядами» [9, с. 247]. Он считал, что прерогативу народного просвещения всецело следует доверить лишь тем светским властям, которые действительно отделены от религиозных таинств и которые всецело поддерживают идеи просвещения, заботятся о качестве жизни простого люда. Французский материалист воочию наблюдал, как многие правители,

взяв курс на политику просвещения, фактически занимались не светским и научным, а религиозным просвещением, поскольку консервативно-реакционные порядки сдерживали народные волнения и позволяли власти имущим классам придерживаться былого образа жизни. П.А. Гольбах был недоволен такой политикой и негодовал: «Повсюду народ набожен и религиозен, но не имеет представления об истинных добродетелях... Повсюду боятся, чтобы он не стал образованным, и мешают ему просвещать свой разум» [9, с. 247].

Для средневекового общества, а в последующем и для Нового времени господство и усвоение основ единой веры считалось важнейшим фундаментом укрепления главенствующих порядков, а именно воспитание консервативных начал – прерогатива всякого знания и распространяемой информации. В общественном сознании укреплялась вера в неизблемость существующего строя во имя социально-политической стабильности. Любые процессы, направленные на христианизацию и религиозное просвещение, способствовали катехизации и абсолютизации христианских ценностей среди общественности. РКЦ добилась того, чтобы церковное право в ряде вопросов получило главенствующее положение по отношению к другим отраслям права. Однако «роль и значение церковного права» непосредственно связывались с отношениями, которые складывались между обществом, государством и церковью [15, с. 41]. И главенствующие, и противоборствующие конфессии в общественно-политическом процессе имели свой интерес во время проведения светских мероприятий, старались заручиться поддержкой светских властей, чтобы усилить влияние на социум: такая процедура укрепляла авторитет церковно-христианских порядков не только среди общественности, но и для государства.

В периоды политико-религиозных столкновений и нарастания кризисных тенденций в отношениях между государством и церковью наличие доступа к информационным каналам служило источником суггестирования нужных настроений среди общественности, а также среди образованных людей в информационном пространстве (книгопечатание и т.д.). Пропагандируемые идеи оказывали эффективные и негативные последствия на общественно-политическую жизнь и политико-религиозные отношения. Поэтому медиевист А.Я. Гуревич констатирует, что «культура масс и культура церковной и светской элиты далеко между собой разо-

шлись, в XVI-XVII вв. у них, по сути дела, уже не оставалось общей почвы... господствующие церкви (и католическая, и протестантские разных толков) видели свою задачу в том, чтобы духовно подчинить себе население [10, с. 515]. Христианская церковь так же, как и государственная власть, стремилась укрепить за собой доминирующее положение в общественно-государственной жизни через контроль источников информации. По этой причине в периоды доминирования церкви над светской властью церковная юрисдикция выходила за рамки духовной сферы и регламентировала все сферы общественной жизни.

Если в Средние века религиозная информация позволяла сдерживать недовольство жителей, то к настоящему времени ситуация немного изменилась. Из-за обширного массива информации религиозные знания не всегда способны оказывать то же влияние, что и в Средние века. Поэтому сегодня, чтобы ограничить влияние той информации, которая стабилизирует устойчивое положение социальных порядков, правящим классом используются государственные каналы связи, с помощью которых «ненужные» сведения покрываются множеством других, менее значимых. Но значение церковной информации продолжает иметь весомое значение для религиозных граждан. Если в эпоху Средневековья низкий уровень знаний и слабо развитая система передачи информации позволяла государственным и церковным деятелям отслеживать формирование настроений среди масс, то в современную эпоху из-за наличия огромных баз знаний и широкого распространения информации ситуация видоизменяется, и поэтому государственные деятели также заинтересованы в реанимации прежних механизмов, позволяющих сдерживать народное недовольство. Усиливается контроль над всеми средствами передачи информации, в том числе и религиозной. Большинство стран проводят активную политику против различных религиозных сект и тех конфессий, которые подрывают основы государственности.

На современном этапе создаётся множество каналов для коммуникации граждан с представителями власти, а также с лицами, причастными к религиозным таинствам. Церковный подсектор за последние десятилетия медленно, но верно растёт, что сигнализирует о возрождении церквей и других конфессий как ключевых составляющих общественной и политической жизни [20, с. 89]. Под воздействием информационных технологий конструируются новые площадки, на базе которых интересующиеся

напрямую получают всю необходимую информацию, в том числе церковную; открывается больше возможностей в дистанционных наставлениях со стороны духовенства, что теснее знакомит граждан с таинствами церковной жизни. Любая информация, распространяемая через сети Интернет, также отражается на деятельности Русской православной церкви (РПЦ) и других конфессий, потому что информационные технологии несут в себе амбивалентный потенциал. Любые скандалы, в которых задействованы священнослужители, отражаются на имидже религиозной конфессии, как было с РКЦ в 2018 году [24, с. 6]. Религиозные институты заинтересованы в коммуникации не только с конфессиональными представителями, но и со светскими средствами массовой информации. Для этого РКЦ движется в направлении большей прозрачности и сотрудничества с журналистами [22, с. 9]. А в условиях пандемии любые действия духовенства, связанные с упоминанием коронавирусной инфекции, находили либо одобрение, либо несогласие со стороны власти и общества [23, с. 180].

Если за годы существования Советской власти количество каналов коммуникации религиозных конфессий с советскими гражданами и православными прихожанами постоянно сокращалось, то сегодня наблюдается обратная тенденция, когда перед представителями церкви открывается больше возможностей в доступе не только к частным, но и государственным информационным каналам связи. Количество православных изданий и информационных площадок, а также средств передачи информации приобретает нарастающий характер. Всё это приводит к тому, что текущее положение дел заставляет руководство РПЦ задумываться не только о количестве, но и о качестве подобных каналов связи, как утверждает Патриарх Кирилл: «...информационное пространство Церкви существенным образом расширилось, в лучшую сторону изменилось и качество подаваемых материалов... и радуюсь тому, как действительно развивается наша информационная работа» [8, с. 20]. Прилагаются значительные усилия по созданию приемлемых условий для религиозных путешественников, желающих посетить ту или иную церковную обитель. Удовлетворение духовных потребностей путешественников является сегодня важной частью ответственности церкви в ее пастырской заботе о туристах. Это особенно заметно, когда церковь различными способами передает веру путешественникам через использование сакрального искусства и архитектуры в качестве возможностей для катехизации [25, с. 284].

Несмотря на то, что представители церкви подвергают амбивалентной критике существующие проекты в области информационной коммуникации, многие из них заинтересованы в их освоении, так как последние служат дополнительным средством коммуникации с гражданами. Руководство РПЦ через светские и собственные каналы коммуникации налаживает контакты с православной паствой, а также с теми гражданами, которые пытаются приобщиться к таинствам церковной жизни. У конфессий существуют свои методы общения с населением [21, с. 175]. По этой причине Патриарх Кирилл констатировал: «Важно помнить, что любые технологии только тогда могут приносить пользу, когда они подконтрольны человеку, а не когда человеческая жизнь ставится в зависимость от обезличенной технологии» [12, с. 27]. Процентное соотношение представителей конфессий в сети Интернет по сравнению с прошлыми десятилетиями выглядит в разы больше. Так, РПЦ заботится о том, чтобы православное учение и ценности христианства распространялись не только в лоне церкви, в результате личных контактов со священнослужителями, но и через новые средства коммуникации, активно создаваемые и продвигаемые глобализационными процессами. Появляются православные СМИ, православные журналы, такие как «Журнал Московской Патриархии», он издаётся не только в печатном, но и в электронном виде. Оцифровываются прежние издания, что позволяет верующим гражданам без посещения специальных заведений напрямую знакомиться с их материалами [13].

Руководство РПЦ сделало огромный шаг вперёд в освоении сети Интернет-пространства [1; 16]. Появились дополнительные каналы распространения церковной информации - создан официальный сайт РПЦ, официальные Интернет-ресурсы большинства епархий и митрополий. Их наличие должно служить примером гласности и открытости, что позволяет гражданам напрямую отслеживать работу православных пастырей. Немаловажной тенденцией становится генерирование религиозной информации, появление церковно-православных приложений в сети Интернет. По запросу в мобильных магазинах таких понятий, как «церковь, религия, православие, русская православная церковь и т.д.», любой желающий может скачать соответствующее приложение. Примечательно то, что через указанные приложения активно распространяется православно-религиозный контент, который шире формирует мировоззрение не только действующей, но и подрастающей религиозной паствы.

Таким образом, начиная со времён Средневековья в большинстве случаев государство было заинтересовано в укреплении доверительных и тесных контактов с представителями конфессий, к запросам которых светские властители старались прислушиваться. Если в эпоху Средневековья правящим классом целенаправленно ограничивалось распространение информации с целью не допустить широкие слои общества к информационным и образовательным каналам связи, то в последующие эпохи из-за ускоренного развития идей просвещения лицам, находящимся у власти, пришлось прибегнуть к иным методам, ограничивающим влияние информации на народные массы с целью поддержания существующих порядков. Наличие огромного массива информации породило ряд новых вызовов для церкви и государства, среди которых угроза дестабилизации общественных порядков. Правящему классу приходится учитывать потребности общества в получении качественной информации, распространяемой негосударственными структурами.

Литература

1. Авцинова Г.И. Государственная политика цифровизации в современной России: понятие, концепции, тренды развития // PolitBook. 2022. №2. С. 101-113.
2. Авцинова Г.И., Толочко А.В. Политическая стабильность в современном мире: динамизм, многомерность, специфика // PolitBook. 2022. №3. С. 181-194.
3. Алексеев С.В., Златанов Б.Г., Шумилов А.В. Институциональные особенности православной церкви как субъекта гражданского общества // PolitBook. 2018. №4. С. 74-84.
4. Алексеев С.В. Светское и церковное образование в России // Ученый совет. 2022. №10. С. 664-669.
5. Алексеев С.В., Сковиков А.К., Шумилов А.В. Государственно-церковные отношения в России: от традиции к глобальной информатизации // PolitBook. 2019. №2. С. 97-108.
6. Алексеев С.В., Сковиков А.К., Шумилов А.В. Дискурс глобализации в РПЦ // PolitBook. 2021. №3. С. 58-68.
7. Антонович В.Б. Колдовство: Документы. Процессы. Исследование. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 150 с.

8. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла перед делегатами IX Международного фестиваля «Вера и слово». «Церковь в меняющемся мире: вызовы и уроки цифровизации» // Журнал Московской Патриархии. 2021. №21. С. 18-20.
9. Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. Под общ. ред. Х.Н. Момджяна. Пер. с фр. Москва: Соцэкгиз, 1963. 563 с.
10. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 560 с.
11. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. Москва: Искусство, 1990. 396 с.
12. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании города Москвы 22 декабря 2021 года // Журнал Московской Патриархии. 2022. №2. С. 24-37.
13. Златанов Б.Г. Политическая элита: теоретический аспект // PolitBook. 2022 №3. С. 159-168.
14. Иванов К.А. Повседневный быт Средневековья. Москва: Вече, 2019. 320 с.
15. Крафл П. Статус церкви и церковного права на чешских землях в Средние века // Средние века. 2021. Т. 82. №4. С. 28-46.
16. Крымова К.М. Влияние цифровых платформ на политический процесс // PolitBook. 2022. №2. С. 35-53.
17. Кузьмина М.В. Человек и общество: формы реализации личности в Средние века (по материалам Франции XIV века) // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2018. Т. 4. №4 (16). С. 22-31.
18. Менцин Ю.Л. Как монастыри, университеты и печатные книги спасли Европу. URL: https://www.ng.ru/science/2021-04-27/9_8139_future.html (дата обращения 04.10.2022).
19. Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. Москва: Вече, 2019. 288 с.
20. Davey R. Financialised Welfare and Its Vulnerabilities: Advice, Consumer Credit, and Church-Based Charity in the UK // Ethnos. 2022. Vol. 87. №1. P. 78-96.
21. Gonzalez Gaitano N. Public opinion in the Church. A communicative and ecclesiological reflection // Church, Communication and Culture. 2016. Vol. 1. Issue 1. P. 173-205.

22. John L. Allen Jr., Maria San Martin I. Church communications highlights 2016 // Church, Communication and Culture. 2017. Vol. 2. №1. P. 8-24.

23. Lesniczak R. News coverage of Christian churches and other religious bodies dealing with the Covid-19 pandemic: An analysis of newspapers in German and English // Church, Communication and Culture. 2022. Vol. 7. Issue 1. P. 175-195.

24. Maria-Paz L. Church communication highlights 2018 // Church, Communication and Culture. 2019. Vol. 4. Issue 1. P. 5-24.

25. Tan J. Religious tourism and the new evangelization: theory and best practice in the pastoral promotion of the Church`s cultural heritage // Church, Communication and Culture. 2018. Vol. 3. Issue 3. P. 283-309.

References

1. Avtsinova G.I. Gosudarstvennaya politika tsifrovizatsii v sovremennoi Rossii: ponyatie, kontseptsii, trendy razvitiya. PolitBook. 2022. №2. S. 101-113.

2. Avtsinova G.I., Tolochko A.V. Politicheskaya stabil'nost' v sovremennom mire: dinamizm, mnogomernost', spetsifika. PolitBook. 2022. №3. S. 181-194.

3. Alekseev S.V., Zlatanov B.G., Shumilov A.V. Institutsional'nye osobennosti pravoslavnoi tserkvi kak sub"ekta grazhdanskogo obshchestva. PolitBook. 2018. №4. S. 74-84.

4. Alekseev S.V. Svetskoe i tserkovnoe obrazovanie v Rossii. Uchenyi sovet. 2022. №10. S. 664-669.

5. Alekseev S.V., Skovikov A.K., Shumilov A.V. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii: ot traditsii k global'noi informatizatsii. PolitBook. 2019. №2. S. 97-108.

6. Alekseev S.V., Skovikov A.K., Shumilov A.V. Diskurs globalizatsii v RPTs. PolitBook. 2021. №3. S. 58-68.

7. Antonovich V.B. Koldovstvo: Dokumenty. Protsessy. Issledovanie. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2014. 150 s.

8. Vystuplenie Svyateishego Patriarkha Kirilla pered delegatami IX Mezhdunarodnogo festivalya «Vera i slovo». «Tserkov' v menyayushchemsya mire: vyzovy i uroki tsifrovizatsii». Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii. 2021. №21. S. 18-20.

9. Gol'bakh P.A. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. T. 2. Pod obshch. red. Kh.N. Momdzhlyana. Per. s fr. Moskva: Sotsekgiz, 1963. 563 s.

10. Gurevich A.Ya. Izbrannye trudy. Srednevekovyi mir. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 560 s.

11. Gurevich A.Ya. Srednevekovi mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva. Moskva: Iskusstvo, 1990. 396 s.

12. Doklad Svyateishogo Patriarkha Kirilla na Eparkhial'nom sobranii goroda Moskvy 22 dekabrya 2021 goda. Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii. 2022. №2. S. 24-37.

13. Zlatanov B.G. Politicheskaya elita: teoreticheskii aspekt. PolitBook. 2022 №3. S. 159-168.

14. Ivanov K.A. Povsednevnyi byt Srednevekov'ya. Moskva: Veche, 2019. 320 s.

15. Krafl P. Status tserkvi i tserkovnogo prava na cheshskikh zemlyakh v Srednie veka. Srednie veka. 2021. T. 82. №4. S. 28-46.

16. Krymova K.M. Vliyanie tsifrovyykh platform na politicheskii pro-tsess. PolitBook. 2022. №2. S. 35-53.

17. Kuz'mina M.V. Chelovek i obshchestvo: formy realizatsii lichnosti v Srednie veka (po materialam Frantsii XIV veka). Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki. 2018. T. 4. №4 (16). S. 22-31.

18. Mentsin Yu.L. Kak monastyri, universitety i pechatnye knigi spasli Evropu. URL: https://www.ng.ru/science/2021-04-27/9_8139_future.html (data obrashcheniya 04.10.2022).

19. Speranskii N.V. Ved'my i vedovstvo. Moskva: Veche, 2019. 288 s.

20. Davey R. Financialised Welfare and Its Vulnerabilities: Advice, Consumer Credit, and Church-Based Charity in the UK. Ethnos. 2022. Vol. 87. №1. P. 78-96.

21. Gonzalez Gaitano N. Public opinion in the Church. A communicative and ecclesiological reflection. Church, Communication and Culture. 2016. Vol. 1. Issue 1. P. 173-205.

22. John L. Allen Jr., Maria San Martin I. Church communications highlights 2016. Church, Communication and Culture. 2017. Vol. 2. №1. P. 8-24.

23. Lesniczak R. News coverage of Christian churches and other religious bodies dealing with the Covid-19 pandemic: An analysis of newspapers in German and English. Church, Communication and Culture. 2022. Vol. 7. Issue 1. P. 175-195.

24. Maria-Paz L. Church communication highlights 2018. Church, Communication and Culture. 2019. Vol. 4. Issue 1. P. 5-24.

25. Tan J. Religious tourism and the new evangelization: theory and best practice in the pastoral promotion of the Church`s cultural heritage. Church, Communication and Culture. 2018. Vol. 3. Issue 3. P. 283-309.

Е.С. Сухобоченков

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СУВЕРЕНИТЕТ В
КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИЙ
СЛАВЯНОФИЛЬСТВА
И ЗАПАДНИЧЕСТВА**

Аннотация

В статье проанализированы основные идеи представителей двух философско-политических течений в контексте общественно-политического развития, интересов власти и общества. Диалектический и историко-сравнительный методы позволили рассмотреть эволюцию воззрений мыслителей, представителей интеллигенции на государственный суверенитет России. Получила дальнейшую аргументацию позиция согласно которой, идеология западничества подразумевала под собой полное или же частичное ограничение суверенитета российского государства со стороны правящей политической элиты Запада в обмен на экономические и технологические выгоды, которые приносили дивиденды ограниченной части граждан страны. Идеология славянофильства была консервативной и основывалась на концепции собственного пути развития России, как абсолютно суверенной державы, что коррелировалось с позицией патриотично настроенной интеллигенции, определенной части представителей государственного бюрократического аппарата. Акцентируется внимание, что по мере развития российского общества идеи западников и славянофилов в отношении позиции к государственному суверенитету трансформировались и получили развитие в рамках современных идеологий атлантизма и евразийства. Среди российских ученых есть разные позиции в отношении сохранения и защиты государственного суверенитета страны. Сторонники атлантизма обосновывают достоинства и преимущества гражданам страны в условиях ограниченного государственного суверенитета

E. Sukhobochenkova

**STATE SOVEREIGNTY
IN THE CONTEXT OF
THE CONCEPTS OF
SLAVOPHILISM AND
WESTERNISM**

Abstract

The article there were analyzed the main ideas of representatives of two philosophical and political flows in the context of socio-political development, interests of the government and society. Dialectical and historical-comparative methods allowed us to consider the evolution of the views of thinkers, representatives of the intelligentsia on the state sovereignty of Russia. The further argumentation received the position according to which the ideology of westernism implied a complete or partial restriction of the sovereignty of the Russian state by the ruling political elite of the west world in exchange for economic and technological benefits that brought dividends to a limited part of the country's citizens. The ideology of slavophilism was conservative and was based on the concept of Russia's own path of development as an absolutely sovereign power, which correlated with the position of the patriotic intelligentsia, a certain part of the representatives of the state bureaucratic apparatus. It is emphasized that with the development of Russian society, the ideas of westerners and slavophiles in relation to the position of state sovereignty were transformed and developed within the framework of modern ideologies of atlantism and eurAsianism. There are different positions among Russian's scientists regarding to the preservation and protection of the state sovereignty of the country. Supporters of atlantism justify the advantages and advantages of limited state sovereignty by various international institutions to. While the supporters of eurAsianism stand for state sovereignty, identity. It is proved that at the present stage of development, among a significant part

та разнообразными международными институтами. В то время, как сторонники евразийства выступают за государственный суверенитет, самобытность. Доказано, что на современном этапе развития среди значительной части россиян доминирует позиция о целесообразности защиты национального суверенитета в контексте идей, заложенных представителями славянофильства и их последователями.

of Russians, the position on the expediency of protecting national sovereignty in the context of ideas laid down by representatives of slavophilism and their followers dominates.

Ключевые слова:

Россия, государство, атлантизм, евразийство, западничество, политический процесс, политическое развитие, славянофильство.

Key words:

Russia, the state, Atlanticism, Eurasianism, Westernism, political process, political development, Slavophilism.

В третьем десятилетии XXI века мировой политической процесс развивается противоречиво. Политические субъекты, находящиеся в мировом политическом пространстве, в результате своих действий/бездействий, несут потенциальные риски как отдельно взятым регионам, так и человечеству в целом. Правящие элиты как отдельно взятого государства, так и наднациональные, используют весь арсенал средств и технологий в манипулировании политическим сознанием граждан на основе достижений в области информатизации. Российские ученые Б.Г. Златанов, А.П. Кочетков, О.В. Леонтьева и др. в своих работах справедливо определили основные потенциальные риски, которые несет политическая элита на современном этапе общественного развития [12; 16; 22; 28]. Политическая стабильность в обществе возможна только на основе формирования и развития эффективной государственной политики по защите государственного суверенитета с учетом потенциальных рисков со стороны как внутренних, так и внешних субъектов [1; 5; 13].

Обобщая идеи, сформулированные М.Г. Абрамовой, Г.Г. Гитолендия, А.А. Попановой, Р.Ф. Хабирова, О.Ф. Шаброва [7; 19; 21; 25] можно констатировать, что государственный суверенитет – это сложный, многоуровневый государственный институт, который регулирует право власти, осуществлять свои полномочия на территории государства без какого бы то ни было вмешательства извне. Государственный суверенитет – это независимость государства и всех его институтов. Его можно рассматривать как состояние полновластия органов государственной власти на своей территории над населением страны. Это коррелируется с английской политической

школой, в которой суверенитет рассматривают, как высшую власть государства над обществом. Интерес представляет немного отличная немецкая политическая школа, в которой государственный суверенитет не является сущностью государственной власти, а всего лишь одним из ее свойств.

В отечественной науке дореволюционного периода государственный суверенитет рассматривался как неотъемлемая часть государства. Это в полной степени соответствовало национальным традициям, обычаям, так как основной акцент российские ученые делали на целостности страны и незыблемости устоявшегося политического устройства.

Политические процессы начала XIX века, а особенно Отечественная война 1812 года дали мощный импульс для переосмысления политического развития страны, разработке эффективных механизмов по защите национальной безопасности, а, следовательно, и государственного суверенитета. В России появляются два основных направления общественно-политической мысли – славянофилы и западники. Фактически мы можем рассматривать славянофилов, как консерваторов, а западников, как либералов. Такое деление будет справедливо отражать их базовые идеи и ценности. Их представители разрабатывали различные пути социально-политического и духовного развития России [11; 27].

К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин Ф.В. Чижов – яркие представители славянофильства. Разделяя позицию ученых С.А. Айвазян, А.В. Биряева, А.В. Матюхина, Г.М. Никитина [2; 15; 17; 26; 29] можно выделить характерные черты славянофилов – независимость России от Европы посредством формирования и развития славянского государства; Россия представляет самобытную культурную и должна развиваться по собственному, отличительному от западноевропейских стран общественно-политическому пути. Ее представители И.В. Киреевский и А.С. Хомяков аргументировали свою позицию в отношении того, что стимулы просвещения на Западе окончательно исчерпали себя, что неизбежно приведет к угасанию духовной жизни среди большинства населения. В отличие от Запада в России есть огромный потенциал в развитии на основе православных ценностей, коллективизма [14; 23]. Благодаря активизации деятельности представителей славянофильства среди российского общества произошли изменения в политическом сознании значительной части граждан страны на основе национального самосознания и православия.

В рамках своей философии славянофилы формулируют постулат об особой миссии русского народа, обусловленной принадлежностью нации к истинной вере – православию. На этой основе формируется соборность общества. Выдвинутая идея об особой роли России в мире, стала основой для развития теории о единстве всего славянского народа и неизбежности его противостояния Западу. Фактически именно на этой основе и формируется теоретизация суверенитета России – государство, как независимый от Европы, абсолютной самостоятельный субъект международной жизни [15].

И.В. Киреевский констатировал, что между европейскими странами и русским государством нет существенных глобальных различий, а есть лишь частные относительно уникальные черты. Процесс просвещения в России коренным образом отличается от европейского опыта трансляции его в массы в силу разных темпов социально-экономического развития и культуры.

Таким образом, уже в XIX веке русские мыслители смогли определить коренные культурные и цивилизационные различия между Европой и Россией, а также утвердить подход к суверенитету, как одному из фундаментальных основ русского государства. Не отчуждаемость государственного суверенитета и независимость власти, выраженной на тот момент абсолютным монархом, могли быть обеспечены только при условии отказа российской элитой от переноса западной модели развития на российское государство, о чем в дореволюционный период велось множество споров среди государственных бюрократических чиновников и дискуссии в среде российской интеллигенции [20].

Славянофилы в своих представлениях о государстве и его институтах (в том числе и суверенитете) исходили из органичности общественного и государственного строя, развитой системы нравственности русского общества и православных ценностей государственной власти (конечно же речь идет о монархической системе управления); принципа невмешательства государства в жизнь социума, единства государства, свободы общественного мнения, мысли, слова, совести, печати, общинного и земского обустройства. Сторонники славянофилов считали, что земщина есть выражение народной воли, их проблем и предложений, адресованным к власти, из чего следует, что власть должна руководствоваться мнением земщины, как мнением населения [26].

Общественная и государственная жизнь должна вестись по неписанным законам православия и сложившихся национальных традиций, кото-

рые неподвластны влиянию государственных мужей. Отсюда следует следующий принцип: русское общество не вмешивается в дела государства (так как является законопослушным), а государство, в свою очередь, не вмешивается в дела общества. Таким образом, славянофилы разработали модель авторитарного управления государством по системе «песочных часов», сутью которых является как раз вышеуказанный принцип о взаимодействии народа и власти. Тем самым они признавали, что при наличии в России института государственного суверенитета, также должен функционировать и институт народного суверенитета [8].

Если суверен (государь) все же вмешивается в дела общества, то последнее будет в полном праве провозгласить такого правителя тираном, так называемым «незаконным государем». Идеи славянофилов пересекаются с идеями европейских политических философов – Дж. Локка и Ж.Ж. Руссо, которые отстаивали право народа на восстание и первыми разработали концепцию народного суверенитета.

К.С. Аксаков акцентировал внимание, что Европа развила принудительную государственность на основе завоевания. Россия базируется на принципах свободы и мира, а формирование и развитие государства проходило на основе согласия между славянами. Он считал, что государство – это страж внешнего порядка, тогда как общество, выраженное в проживании на земле (отсылка к традиционным ценностям и традициям), является стражем духовных начал и норм жизни [3].

В вопросах, касающихся внешней политики, славянофилы указывали на необходимость формирования трансрегионального государственного объединения, которое можно назвать «славянским союзом». Р.А. Фадеев (представитель панславизма) сформулировал идею о создании общеславянского союза, как проекта в рамках великой восточной семьи, где все славянские народы будут выступать единым государством в международных и военных делах. Разделяя позицию Е.В. Громова и И.И. Евлампиева, можем утверждать, что славянофилы разработали геостратегическую концепцию для России, которая была призвана обеспечить ее безопасность от внешних угроз, а также укрепить ее суверенитет и влияние в регионе Евразии [27].

Основываясь на анализе концепции славянофильства, можно констатировать, что суверенитет представителями этого направления социально-политической мысли, рассматривался как неотъемлемая часть государства и народа. Россия для них была суверенной и независимой страной, которая

ни в коем случае не должна быть подвержена влиянию, даже культурному, со стороны Европы и других стран.

Очевидно, это было обусловлено тем, что, рассматривая государство и общество, славянофилы частично действовали в понятийном и концептуальном поле института суверенитета, как государственного и общественно-го явления. Таким образом, разделяя понятия народного и государственного суверенитетов, указывая, что в России должны существовать оба данных явления. При этом, с точки зрения славянофилов, государственный суверенитет должен проявляться больше в политике внешней, тогда как народный суверенитет действует в политике внутренней.

С точки зрения общих принципов института суверенитета, славянофилы настаивали на полной самостоятельности России во внутренней и внешней политике. Отказе от каких-либо взаимоотношений с Европой, которые могли бы ограничить Россию в свободе ее действий во внешней и внутренней политике. Отдельно был сделан акцент на полном неприятии западных культурных традиций, их губительном влиянии на государственность общественную стабильность российского государства. Полагаю, что славянофилы настаивали на полном, абсолютном суверенитете России, не ограниченном никакими обязательствами с другими странами [4].

Сформулированные идеи славянофилами, в том числе и в отношении суверенитета являются объектом дальнейшего научного осмысления по мере развития социально-политической мысли.

В частности, Н.Я. Данилевский (почвенник) провел масштабное исследование по культурно-исторической типологизации народов Запада и Востока, на основе которой он обосновал необходимость объединения всех славянских народов и укрепление государственности России [9]. Его идеи перекликаются с более поздней концепцией С. Хантингтона о цивилизационном делении мира и серьезных различиях между народами западной и славянской (православной, как он ее называл) цивилизаций.

Так же в рамках движения последователей славянофильства выдвигались и более смелые идеи о том, что Российская империя должна расширить свои границы и присоединить к себе все славянские государства, вплоть до возвращения Константинополя, так как он являлся центром православия до завоевания турками. Славянофилы настаивали на укреплении суверенитета российского государства за счет расширения его границ. В современной истории России славянофильство плавно перетекло в

евразийство, которое сохранило большое количество идей славянофильства, пусть и в измененной форме, выступало за паназиатское развитие русского государства, настаивало на существовании особенного пути развития России, а также ратовало за отход от идей интеграции с Западом.

В современной России движение славянофильства было переформатировано в идеологию евразийства, которая сегодня является основополагающей концепцией российских властей в ведении внешней политики. В общем смысле, евразийство предполагает отказ от европеизации, говорит об особенном пути развития России, восточный вектор политики выделяет как основополагающий. Соответственно, в ней идет речь о России, как суверенном, независимом от прочих стран государстве, которое должно занять руководящую роль в региональной политической системе Евразии [10]. В этой связи, интересным представляется рассмотреть видение данного вопроса в рамках противоположного славянофилам течения философско-общественной мысли – западников.

В.П. Боткин, А.И. Герцен, Т.М. Грановский, Н.Г. Чернышевский, П.Я. Чаадаев – представители западничества. Они выступали за развитие России в рамках западной цивилизации, а также планомерную интеграцию России в европейскую культуру. Единственный возможный путь развития для России западники видели именно в ее тесной связке с «просвещенной Европой» [18]. Западники считали, что прогресса можно достичь благодаря так называемой «пересадке» европейского опыта развития, его цивилизационной матрицы на Россию. По их мнению, это должно было помочь России достичь уровня развития передовых держав Европы, и стать ближе к западному миру. Представители данного течения осуждали социально-экономическую реальность, основные принципы общественного и религиозного уклада страны. Они были уверены, что Россия должна пройти исторический путь государств Западной Европы.

В работах П.Я. Чаадаева под вопрос ставилась культурная идентичность россиян [24], а, следовательно, это не способствовало формированию государственного суверенитета.

А.И. Герцен в своих работах развил критику славянофильства, доведя ее до логического и исторического завершения, давшей основу для продолжения развития западничества в XX веке, который был переформатирован в идеологию атлантизма.

Мыслитель критиковал полное отторжение западного пути России в рядах славянофилов, закоренелость традиционного уклада жизни и следования традициям, а также считал опасным «помешательство» славянофилов на изоляционизме России от Запада [6].

Идеи о верховной роли монарха и полном подчинении власти ведут к закоренелости власти и формированию безынициативного чиновничьего аппарата, который никак не сможет способствовать полноценному развитию Российской империи.

Позицию А.И. Герцена продолжал развивать и обосновывать на основе приведения своих аргументов и другой западник Г.В. Фроловский, где он выносит приговор евразийству, указывая на то, что концепция евразийства провальная, она зашла в тупик и более не имеет потенциала для развития.

Основные положения о политическом развитии России, ее национальных интересах и суверенитете, которые ранее были рассмотрены славянофилами и западниками, получили осмысление и среди мыслителей последующих поколений.

Идеи западничества активно развивались в современной России на рубеже второго и третьего тысячелетия. Сегодняшняя концепция сторонников этого движения выражена в либерально-демократическом течении общественной мысли, которое берет за основу геополитику и международные теории экономики.

Современные западники проводят исследования в области взаимоотношений Запада и России, анализируют проблемы модернизации и применения европейского опыта на российском общественно-политическом ландшафте. С конца XX века начинают активно действовать западные НКО и НПО, различные фонды, которые официально ставят целью способствовать скорейшему переходу России к рыночной экономике и познакомить ее население с западной культурой. На практике же оказывается, что данные организации занимаются деятельностью, не связанной с уставными целями организаций, порой лоббируют интересы западноевропейских элит и действуют в их интересах. Такая деятельность не способствовала поддержанию в относительном равновесии сложившуюся политическую систему, и не направлена была на защиту национального суверенитета России.

Политическая действительность третьего десятилетия XXI века такова, что представители политической элиты стран Западной Европы, как правило, не принимали во внимание в полной мере национальные интере-

сы граждан России и не всегда просчитывали политические действия, которые могут предпринять представители правящего политического класса, руководства страны.

Основная проблема здесь в том, что западники не учитывали политические факторы, потенциальные риски в вопросах сотрудничества между Россией и Западом. Последняя никогда не считала Россию частью своего мира, но стремилась захватить ее территории из-за большой сырьевой базы. Именно на политическом необходимо сделать акцент при рассмотрении, как теории славянофилов, так и западников.

В данном случае западники выступали апологетами ограничения суверенитета России для, как считали они, ее лучшего будущего. Именно так выглядит их учение в не снятом виде, а с учетом политики, геополитики и общей конъюнктуры международных отношений, как в XIX веке, так и на данном этапе общественно-политического развития на основе противоречий в мировом политическом процессе.

Проведя анализ идеологии славянофильства, можно утверждать, что суверенитет рассматривался ими, как неотъемлемая часть государства и народа. В их концепциях четко прослеживается тезис о том, что Россия должна обладать всей полнотой государственного суверенитета.

Для достижения этой цели славянофилы предлагают проводить политику изоляционизма, что позволит избежать негативного влияния со стороны стран Европы. В то же время славянофилы указывали на необходимость соблюдения суверенитета народа, когда говорили о правах и свободах граждан, праве на свободу слова и т.д.

Это показывает прогрессивность их взглядов несмотря на серьезный консерватизм славянофильской идеологии. Суверенитет России, по их мнению, должен обеспечиваться властью, которую представляет император (монарх), но он не обладает абсолютной полнотой власти, а должен руководствоваться мнением земств, которые являются выражением воли народа. Также отметим и тот факт, что славянофилы ратовали за некое условное разделение суверенитета России по политическим контурам: внешняя политика – это прерогатива государственного суверенитета, а внутренняя политика относится к суверенитету народному.

Давая обобщенную оценку концепциям государственного суверенитета России западников и славянофилов необходимо отметить упущение, которое допустили представители обоих направлений. Они практически не

учитывали фактор политики в государственном управлении, причем, как внутренней, так и внешней. В снятом виде, так называемых «стерильных» экспериментальных условиях обе идеологии выглядят достаточно стройно и имеют рациональное зерно.

Если совместить их с реалиями международных отношений и внешней политики, то сразу же обнаружится большое количество неучтенных факторов в рамках этих теорий. Полагаю, что наиболее актуальной для современной российской государственности является концепция современного славянофильства – евразийство. Оно наиболее точно отражает геополитическое положение страны, а также позволяет объединить рациональный консерватизм и международное сотрудничество.

Патриотично настроенная политическая элита современной России интегрируя позитивные идеи сформулированные в отечественной социально-политической мысли в основном разделяет именно евразийскую концепцию, как во внешней, так и во внутренней политике, что, в частности, будет способствовать укреплению государственного суверенитета.

Литература

1. Авцинова Г.И., Толочко А.В. Политическая стабильность в современном мире: динамизм, многомерность, специфика // PolitBook. 2022 №3. С. 181-194.
2. Айвазян С.А. Дискуссия славянофилов и западников в рамках политико-правовой науки // Вопросы российской юстиции. 2022. №21. С. 19-25.
3. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России. Спб.: Издательство «Лань», 2013. 17 с.
4. Багаева К.А., Жапова Н.А. Славянофилы и западники: двести лет спустя // Евразийство и мир. 2020. №1. С. 16-21.
5. Гаджиев Х.А., Семченков А.С. Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах // PolitBook. 2020 №1. С. 161-194.
6. Герцен А.И. Былое и думы. М.: АСТ, 2022. 352 с.
7. Гитолендия Г.Г. Государственный суверенитет и национальные интересы на новом этапе глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2021. №3. С. 272-279.
8. Грановский В.В., Квон Д.А. Русский взгляд на славянофильство: идейные и экономические ориентации // Московский экономический журнал. №5. 2021. С. 519-527.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 453 с.

10. Джанибеков Б.Т. Евразийство - новая идеология XXI века? // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. №3(25). С. 5-12.
11. Заложных Ю.С. К вопросу об идейно-теоретических источниках раннего славянофильства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. №2 (30). С. 63-69.
12. Златанов Б.Г. Политическая элита: теоретическое измерение // PolitBook. 2022. №3. С. 159-168.
13. Золотарев Н.А., Матвеев Ю.И. Инструменты государственной политики России по управлению политическими рисками на современном этапе // PolitBook. 2020 №2. С. 114-122.
14. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. М.: Общество Памяти Игуменьи Таисии, 2015. 111 с.
15. Коробков А.Б., Никитин Г.М. Русская философия XIX в. славянофилы и западники // Advanced Science: сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 175-176.
16. Кочетков А.П. Трансформационные элиты и Россия // PolitBook. 2018. №2. С. 47-57.
17. Матюхин А.В., Ишутин А.А., Моржеедов В.Г. Проевропейские и антиевропейские взгляды в российской общественной мысли XIX - первой половины XX вв. // Социально-гуманитарные знания. 2019. №6. С. 28-45.
18. Павловский А.И. Образ запада в представлениях русских западников // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. №8(442). С. 104-112.
19. Попанова А.А. Национальные интересы как основание государственного суверенитета // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2020. Т. 38. №2. С. 172-177.
20. Попов П.Л., Черенев А.А., Сараев В.Г. О концепции цивилизационной обособленности России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. №33. С. 17-24.
21. Селезнева А.В., Абрамова М.Г. От безопасности человека к безопасности человечества (К вопросу о конструировании нового мирового миропорядка) // PolitBook. 2018 №3. С. 112-130.
22. Сковиков А.К., Леонтьева О.В. Взаимодействие политической элиты и гражданского общества: основные цели, механизмы и принципы // PolitBook. 2020. №1. С. 38-64.
23. Хомяков А.С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. 461 с.
24. Чаадаев П.Я. Философские письма. М.: АСТ, 2022. 256 с.
25. Шабров О.Ф. Культурная политика и национально-государственный суверенитет // Власть. 2020. Т. 28. №6. С. 295-299.

26. Швецова Ю.А., Биряева А.В. Государственно-правовые взгляды западников и славянофилов: исторические аспекты // Инновационная наука. 2018. №3. С. 69-73.

27. Евлампиев И.И., Громова Е.В. Славянофильство и западничество как формы русского национального самосознания: анатомия конфликта и его результаты // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 3. С. 130-141.

28. Шумилов В.К. Власть и модернизация Российской империи // Социология власти. 2009. №7. С. 69-76.

29. Шумилов В.К. Русский, "особый" или универсальный? Размышления переходного периода // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №18(156). С. 83-89.

References

1. Avtsinova G.I., Tolochko A.V. Politicheskaya stabil'nost' v sovremennom mire: dinamizm, mnogomernost', spetsifika. PolitBook. 2022 №3. S. 181-194.

2. Aivazyan S.A. Diskussiya slavyanofilov i zapadnikov v ramkakh politiko-pravovoi nauki. Voprosy rossiiskoi yustitsii. 2022. №21. S. 19-25.

3. Aksakov K.S. O vnutrennem sostoyanii Rossii. Spb.: Izdatel'stvo «Lan'», 2013. 17 s.

4. Bagaeva K.A., Zhapova N.A. Slavyanofily i zapadniki: dvesti let spustya. Evraziistvo i mir. 2020. №1. S. 16-21.

5. Gadzhiev Kh.A., Semchenkov A.S. Indeks ustoichivosti politicheskoi sistemy: opyt izmerenii v trekh stranakh. PolitBook. 2020 №1. S. 161-194.

6. Gertsen A.I. Byloe i dумы. M.: AST, 2022. 352 s.

7. Gitolendiya G.G. Gosudarstvennyi suverenitet i natsional'nye interesy na novom etape globalizatsii. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2021. №3. S. 272-279.

8. Granovskii V.V., Kvon D.A. Russkii vzglyad na slavyanofil'stvo: ideinye i ekonomicheskie orientatsii. Moskovskii ekonomicheskii zhurnal. №5. 2021. S. 519-527.

9. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa. M.: Izd-vo Yurait, 2019. 453 s.

10. Dzhanibekov B.T. Evraziistvo - novaya ideologiya XXI veka? Uchenye zapiski (Altaiskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv). 2020. №3(25). S. 5-12.

11. Zalozhnykh Yu.S. K voprosu ob ideino-teoreticheskikh istochnikakh rannego slavyanofil'stva. Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2021. №2 (30). S. 63-69.

12. Zlatanov B.G. Politicheskaya elita: teoreticheskoe izmerenie. PolitBook. 2022. №3. S. 159-168.

13. Zolotarev N.A., Matveenko Yu.I. Instrumenty gosudarstvennoi politiki Rossii po upravleniyu politicheskimi riskami na sovremennom etape. PolitBook. 2020 №2. S. 114-122.

14. Kireevskii I.V. O kharaktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii. M.: Obshchestvo Pamyati Igumen'i Taisii, 2015. 111 s.

15. Korobkov A.B., Nikitin G.M. Russkaya filosofiya XIX v. slavyanofily i zapadniki. Advanced Science: sbornik statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2 ch. Ch. 2. Penza: MTsNS «Nauka i Prosveshchenie», 2018. S. 175-176.

16. Kochetkov A.P. Transformatsionnye elity i Rossiya. PolitBook. 2018. №2. S. 47-57.

17. Matyukhin A.V., Ishutin A.A., Morzheedov V.G. Proevropeiskie i antievropeiskie vzglyady v rossiiskoi obshchestvennoi mysli XIX - pervoi po-lovinyy XX vv. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2019. №6. S. 28-45.

18. Pavlovskii A.I. Obraz zapada v predstavleniyakh russkikh zapadnikov. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. №8(442). S. 104-112.

19. Popanova A.A. Natsional'nye interesy kak osnovanie gosudarstvennogo suvereniteta. Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2020. T. 38. №2. S. 172-177.

20. Popov P.L., Cherenev A.A., Saraev V.G. O kontseptsii tsivilizatsionnoi obosoblennosti Rossii. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2020. №33. S. 17-24.

21. Selezneva A.V., Abramova M.G. Ot bezopasnosti cheloveka k bezopasnosti chelovechestva (K voprosu o konstruirovanii novogo mirovogo miroporyadka). PolitBook. 2018 №3. S. 112-130.

22. Skovikov A.K., Leont'eva O.V. Vzaimodeistvie politicheskoi elity i grazhdanskogo obshchestva: osnovnye tseli, mekhanizmy i printsipy. PolitBook. 2020. №1. S. 38-64.

23. Khomyakov A.S. O starom i novom. M.: Sovremennik, 1988. 461 s.

24. Chaadaev P.Ya. Filosofskie pis'ma. M.: AST, 2022. 256 s.

25. Shabrov O.F. Kul'turnaya politika i natsional'no-gosudarstvennyi suverenitet. Vlast'. 2020. T. 28. №6. S. 295-299.

26. Shvetsova Yu.A., Biryayeva A.V. Gosudarstvenno-pravovyye vzglyady zapadnikov i slavyanofilov: istoricheskie aspekty. Innovatsionnaya nauka. 2018. №3. S. 69-73.

27. Evlampiev I.I., Gromova E.V. Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo kak formy russkogo natsional'nogo samosoznaniya: anatomiya konflikta i ego rezul'taty. Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2019. T. 20. № 3. S. 130-141.

28. Shumilov V.K. Vlast' i modernizatsiya Rossiiskoi imperii. Sotsiologiya vlasti. 2009. №7. S. 69-76.

29. Shumilov V.K. Russkii, "osobyi" ili universal'nyi? Razmyshleniya perekhodnogo perioda. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo uni-versiteta. 2009. №18(156). S. 83-89.

М.А. Епремян

**ЛЕГИТИМНОСТЬ
И ЛЕГИТИМАЦИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ**

Аннотация

В статье на основе диалектического и историко-сравнительного методов проанализированы основные теоретические модели легитимности и легитимации политической власти в контексте политического развития, интересов правящего класса, общества. Акцентированно внимание на современных технических средствах, используемых как представителями органов власти, так и рядовыми гражданами в распространении и получении информации о деятельности государственных структур, лиц, находящихся на уровне принятия решений при определении дальнейшего стратегического вектора социально-экономического, политического и духовного развития общества. Доказано, что вместе с изменениями в политической коммуникации между ключевыми субъектами изменяется и содержание политической легитимации, становящееся всё более опосредованным и символическим. Анализируя процесс трансформации, удалось выявить, что легитимность становится всё более и более виртуальной, и «ускользающей», что делает сам процесс её приобретения таким же неопределённым и лишённым чётких критериев измерения её эффективности. Особое внимание уделено обоснованию цифровой легитимации на современном этапе развития общества. Политика виртуализируется, что в свою очередь задаёт новые параметры для легитимации политической власти. Власть в интересах собственной легитимации использует цифровые технологии, что расширяет технологический арсенал манипулирования политическим сознанием граждан.

M. Epremyan

**LEGITIMACY AND
LEGITIMATION:
THEORETICAL
FOUNDATIONS**

Abstract

The article analyzes the main theoretical models of legitimacy and legitimation of political power in the context of political development, interests of the ruling class, society on the basis of dialectical and historical-comparative methods. The attention is focused on modern technical means used by both government officials and ordinary citizens in the dissemination and receipt of information about the activities of state structures, persons at the decision-making level in determining the further strategic vector of socio-economic, political and spiritual development of society. It is proved that along with changes in political communication between key actors, the content of political legitimation also changes, becoming more and more indirect and symbolic. Analyzing the process of transformation, it was possible to show that legitimacy is becoming more and more virtual and "elusive", which makes the process of acquiring it just as uncertain and devoid of clear criteria for measuring its effectiveness. Special attention is paid to the substantiation of digital legitimation at the present stage of society development. Politics is being virtualized, which in turn sets new parameters for legitimizing political power. The government uses digital technologies in the interests of its own legitimization, which expands the technological arsenal of manipulating the political consciousness of citizens.

Ключевые слова:

акторы, легитимность, легитимация, политическая власть, политический процесс, модели легитимации.

Key words:

actors, legitimacy, legitimation, political power, political process, models of legitimation.

Мировой политический ландшафт представлен активными процессами взаимодействия/противодействия между основными субъектами политики. Результативность зависит не только от интересов правящих элит, как отдельно взятой страны, так и межгосударственных объединений, но и от ресурсных возможностей политической власти. Разделяя позицию исследователей феномена политической власти В.И. Буренко, О.М. Ледяевой, В.Г. Ледяева, А.В. Скиперских, А.Е. Чириковой [3; 8; 16; 17; 18; 22; 23] можно с уверенностью констатировать, что удержание власти правящим политическим классом процесс достаточно трудоемкий и технологизированный. К тому же, удержание политической власти, распоряжение ею, может происходить только при достижении консенсуса с одним из важнейших источников власти, которым представляется народ (общество). В современном мире общественная терпимость к действиям власти оказывается настолько краткосрочной, что власти приходится постоянно изобретать новые формы диалога с обществом.

Общественное мнение зачастую меняется по отношению к власти, вследствие, переоценки конкретных действий/бездействий к представителям в первую очередь федерального уровня. Общество всякий раз по-новому способно оценивать проводимую политику правящим политическим классом [9; 20].

Общественный консенсус в отношении власти всегда необходим самой власти, потому как создаёт для неё необходимый запас доверия от определенной части общества.

Разделяя позицию В.И. Буренко, В.Г. Ледяева, А.В. Скиперских в отношении того, что процесс формирования доверия к власти и признание её прав на контроль над политическим пространством в политическом лексиконе называется легитимацией [4; 7; 19]. Легитимация связана с легитимностью, завершённым процессом. Легитимность представляет собой результат легитимации, итоговое состояние приобретения политического доверия и признания.

Теоретические модели легитимации показывают нам, что содержание легитимации и её форма тесным образом связаны с непосредствен-

ным историческим временем и культурным слоем. Имеет значение и тип общества, поэтому представления о том, как происходит легитимация, понимающаяся «в смысловом поле концепта легитимности» [25], зависят от непосредственного контекста эпохи и общественных представлений о допустимых инструментах принуждения.

Размышления о различных аспектах легитимации политической власти, то есть о «секретах», заставляющих, с точки зрения французского политолога Ж.-Л. Шабо производить ситуации, когда «миллионы людей подчиняются нескольким» можно увидеть ещё у философов эпохи Античности. Наверное, власть существует столько, сколько существует её легитимность, ведь власти всякий раз нужно думать о собственном утверждении, об упрочнении собственной позиции, о дыхании конкурентов у себя за спиной, ведь политика полна интриг и противостояний.

Рассуждая о происхождении государства, ещё Платон справедливо констатировал, что его истоки лежат в стремлении людей объединяться и сообща решать сложные общественно-политические вопросы. Возвышается над этим власть, структурирующаяся в сословия, и управляющая обществом с помощью законов. При этом легитимность власти имеет большое значение. С позиции мыслителя, если «государство поставит непригодную власть над хорошо установленными законами, то законы эти не принесут никакой пользы...<...>... это приведёт к большому ущербу для государства и его гибели» [14].

Подчинение законам большинством граждан следует добровольно, что создаёт консенсус между правителем и обществом. Любое сомнение в справедливости такого консенсуса может оказаться губительным для государства. Доверие выступает скрепляющим составом между политической властью и обществом. При этом оно не наследуется правителями раз и навсегда, его нужно постоянно развивать, переосмыслять. Замечание Платона относительно необходимости добровольного принятия законов по-разному актуализируется в различные периоды социально-политического развития общества.

Если в теории Платона государственное строение представляется в завершённом виде, то у его последователя – Аристотеля, государственная власть, равно, как и политические процессы, приобретают гораздо большую динамику. В «Политике» Аристотель моделирует конфликты между властью и подчинёнными, которые могут иметь место и в современном

мире. Классический текст «Политики» Аристотеля не устаревает и сегодня. То, что отмечалось им в качестве причин распрей в периоды ранних политических, а именно «прибыль, почести, наглость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное возвышение, происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров» [1], – всё это в полной мере создает серьезные риски легитимности власти и на данном этапе общественного развития.

Легитимация как процесс может превратиться в процесс обратный, асимметричный – делегитимацию.

Традиции античного дискурса о достоинствах политиков, равно, как и вредных и необходимых им качествах, чувствуются в философской мысли Возрождения. Казалось бы, политика должна быть подчинена красоте, чувству меры, будучи обращённой к человеку как центру мира.

Заметим, что Н. Макиавелли обращал внимание на тот факт, что народом могут почитаться вполне конкретные качества политика. Им была выведена зависимость между отношением власти и аппаратом насилия, в отдельных случаях, способного обернуться против государя: «большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь и имущество» [11]. В политической работе «Государь» итальянский мыслитель аргументирует тезис по поводу того, как в качестве инструмента легитимации может выступать и религия. Власть способна вместить в себя всё, поэтому любые способы достижения власти могут быть рациональны.

Форма и содержание легитимации напрямую связаны с историческим временем и текущей политической конъюнктурой. Проблемы политической легитимации находились в фокусе внимания политических философов периода Нового Времени. Легитимность власти заключается в том, что суверенитет государства, выражающийся в фигуре суверена, реализуется максимально свободно и является неделимым. Это и является условием легитимности самого правителя. Ж. Боден разъясняет, что «к высшей власти относится постановлять и отменять законы, объявлять и прекращать войну, обладать правом утверждения приговора в последней инстанции и, наконец, правом даровать жизнь и награждать» [2].

В интересах длительного удержания власти правитель должен воздерживаться от реализации политики, которые могут расслабить общество. Европейские общества всегда чутко реагировали на слабости государства, решавшегося на либерализацию. Т. Гоббс увидел эту опасность

при выстраивании взаимоотношений между властью и обществом, в частности, «немощи государства», угрожающей легитимности власти. К числу «немощей» он относит некоторые излишние вольности – популярность отдельных лиц в государстве, претензии на вдохновение, свободу высказываний о верховной власти, частые рассуждения общества о добре и зле [5]. Провоцирование в подданных таких вольностей легко ведёт к утрате легитимности.

В этот период формулируются и утопические теории об идеальном государстве и общественном устройстве. Наиболее удобными для жизни государства, судя по «Утопии» Т. Мора, «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона и «Городу-солнцу» Т. Кампанеллы оказывались те политии, которые являлись либо островными, либо не имели невыгодного соседства с другими государствами. В утопиях присутствует много рассуждений о качествах власти, процессе выборов должностных лиц, равно, как и последствий злоупотребления властью. Сословный характер социальной стратификации обществ Нового времени накладывает отпечаток на представления об идеальном устройстве. Нам кажется показательным, что Т. Мор видел «должность князя не сменяемой в течение всей его жизни, если этому не помешает стремление к тирании» [12]. Другой английский политический философ Ф. Бэкон в «Новой Атлантиде» утверждал, что общественной целью «является познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда всё не станет для него возможным» [12].

Значительное внимание проблемам концептуализации легитимации связывается с событиями Великой Французской революции и попыткой восстановления в правах династии Бурбонов. Легитимация приобретает правовой оттенок, так как право на престол оспаривается представителями различных ветвей династии. Политические события рассматриваются через призму законности существующей власти. Принцип «легитимизма» ставит вопрос о том, насколько справедлив может быть существующий порядок, выстроенный на началах легитимности [21]. Неслучайно, что «дефиниция легитимации испытывает огромное влияние событий Великой Французской революции» [15], задающей в будущем траектории её понимания и концептуализации.

Легитимность, до определённого момента времени понимавшаяся в контексте внутренней политики, в скором времени выходит на внешний

контур, выступая внешнеполитической целью государства и власти. Элита может требовать признания со стороны других государств, что устремляет большое количество сил и средств на внешнеполитическую арену.

Ш. Талейран, участвуя в Венском конгрессе в 1815 г. обозначает важные контуры легитимности в качестве результата устремлений внешней политики государств. Французский дипломат пытался рассмотреть собственный кейс через схожие проблемы взаимоотношений Саксонии и Пруссии, а также России и Польши [18].

Нужно отметить, что акценты в восприятии легитимности и легитимации применительно к международной политике являются актуальными вплоть до настоящего времени. Некоторые важные для нас моменты международной легитимации можно увидеть у Ф. Фукуямы в тексте «Сильного государства» [24]. Таким образом, государство, рано или поздно, будет тяготеть к расширению собственных границ влияния и экстраполировать его на соседние государства. Такая политика приносит свои плоды и политическому классу, набирающему легитимность за счёт подобной экспансии и упрочнения имиджа собственного государства, как государства сильного. Сегодня мы можем с достаточной долей уверенности утверждать, что легитимация не является процессом исключительно для внутреннего потребления. Легитимация предполагает свои эффекты и на внешнем контуре, ради производства благоприятного впечатления, ради образов эффективной политики.

Вне зависимости от направления политики задачей власти является максимальная рационализация политического дискурса. Именно от этого зависит выбор инструментов контроля над общественной массой.

С помощью определенных механизмов происходит воздействие на общество (социум), ведь совершенно очевидно, что без общественной поддержки государственная власть не сможет сохранить и укрепить позиции. Благодаря механизмам воздействия общество постепенно принимает те условия, которые выгодны той или иной власти, не протестуя. Впоследствии растёт уровень доверия, власть получает общественное признание.

В интересах политической легитимации власть может использовать уже готовые работающие схемы, ориентироваться на закон, а также использовать персональный фактор. Легитимность сочетается с самой формой господства, что можно увидеть в авторитетной типологии М. Вебера.

В основе типологии лежит вера индивида в те или иные механизмы функционирования власти.

Выделенные М. Вебером рационально-легальный, традиционный и харизматический типы легитимного господства надолго зафиксировали представления политических и социальных мыслителей о природе власти.

Меняющийся мир породил новую реальность, в которой классификация М. Вебера стала постепенно терять свою актуальность. Развитие социалистических государств вытесняло религию на периферию общественной жизни. Способствовали этому и распады монархий. Харизматический тип легитимности становится маской, используемой политиками, играющими настроениями масс. Появление новых форм коммуникации (радио, телевидение) подхватилось властью и стало использоваться ею в практиках легитимации. Новые, искусственные формы производства харизмы компенсировали презентацию иррациональной власти – «благодарности и стигмата одновременно» и «символического плацебо» [13].

Новые типологии легитимности, во многом, повторявшие пути рассуждения М. Вебера, пытались полемизировать с немецким учёным.

Одной из таких попыток в дискурсе политической науки стала типология легитимности американского исследователя Д. Истона – одного из ярких представителей системного анализа. Легитимность у Д. Истона выступает одним из свойств политической системы, приобретающей доверие и поддержку в результате взаимодействия общества с самой политической системой.

В классическом тексте Д. Истона применительно к особенностям функционирования политической системы, мы можем увидеть три типа легитимности: идеологическую, структурную и персональную. Именно они отчасти позволяют понять, что творится в «black box» политической системы.

Типология Д. Истона возникла в новых политических условиях, когда восприятие политической системы стало в большей степени функциональным. Формирование биполярного мира, становление и развитие политических систем, балансирующих друг друга в качестве противовеса, могло провоцировать исследователей на поиск сходств и различий в их институциональной начинке. Частые смены власти, постоянное совершенствование институционального дизайна, в рамках которого функциониру-

ет власть в западных полициях, развитие электоральной культуры постепенно выдвигали новые требования к власти.

Новая типология обязательно должна была учесть требования политического, экономического и социального модерна.

Об этом, в частности, писал американский исследователь Т. Парсонс, считая, что «ресурсами являются не земля, рабочая сила, капитал и организация, а оценка эффективности, контроль производительности, структурированные требования и формирование структуры легитимации. «Потребности» предназначены не для потребления в экономическом смысле, а для решения «насуточных» проблем в системе».

Совершенно неслучайно, у Т. Парсонса легитимация означает развитие «новых форм организации процесса управления». Меняются только способы, при помощи которых власть себя проявляет. Возможно, смена тактики воздействия на объект власти может приводить к новым результатам и показывать новое качество и эффективность. Н. Луман рассматривая особенности процесса легитимации, акцентировал внимание на генерализации влияния, а также средствах, оптимизирующих мотивацию с учетом вектора направления власти с субъекта на объект [10].

В период появления теории политической системы Д. Истона, получает распространение взгляд на легитимность как на специфическую рефлексии общества на те или иные особенности функционирования политической системы. Если система работает нормально, тогда она будет обладать определённым запасом легитимности, а её институты будут являться наилучшими, оптимальными для подобного функционирования. Сам факт появления подобных оценок мог рассматриваться и в контексте концептуализации «политической культуры», с которой связывалась коммуникация общества и политической системы. Соответственно, легитимацию следует понимать, как процесс создания и поддержания убеждения общества в том, что существующие политические институты являются оптимальными, а легитимность – результатом подобного процесса.

Конечно, это ни в коем случае не отменяет того факта, что функционирование политической системы может восприниматься критически. Политический курс может вызывать вопросы, политическая система может восприниматься обществом, как не оптимальная и репрессивная. Но все эти аргументы могут быть нейтрализованы в случае, если политический класс способен обеспечивать определённое качество жизни населе-

ния. Такая политика будет иметь значительную поддержку. Справедливость такой взаимосвязи подтверждается французским исследователем М. Доганом, по мнению которого даже «большое количество недовольных лиц» политическим режимом, не может поставить под сомнение сами процедуры, в рамках которых происходит функционирование власти [6].

Для демократических режимов проблемы легитимности актуализируются по мере наступления каждого нового политического цикла. Способна ли действующая власть с уже известным составом политиков вновь удовлетворить общественные ожидания, решается на демократических выборах. Избиратель решает, пролонгировать ли такое право для правящей элиты, либо поменять её на других политиков. В современных государствах выбирают и те, и другие варианты. Процесс легитимации власти в демократической реальности выглядит наиболее подвижно, динамично и непредсказуемо. Поэтому, легитимность и легитимация оцениваются обществом с точки зрения их соотносённости с существующими институтами и политической культурой.

В последнем десятилетии XX века в дискурсе политической науке появилась типология французского политолога Ж.-Л. Шабо. Он разделяет легитимность, связанную с политическими акторами, и легитимность, зависящую от рамок политического действия [26]. В свою очередь, легитимация политического актора может происходить на основании демократических или технократических оснований. Что касается легитимности, связанной с политическим действием, то она базируется на идеологическом и онтологическом фундаменте.

Несмотря на изменяющиеся условия функционирования политических институтов, роль персонального фактора остаётся достаточно высокой. И харизматическая легитимация М. Вебера, и персональная легитимация Д. Истона, и демократическая и технократическая легитимация, концептуализированная Ж.-Л. Шабо, подчёркивают это.

Политика всегда производится конкретными людьми. Поэтому, А. Скиперских справедливо отмечает необходимость процесса «признания политической власти с её непосредственным носителем», выделяя персонифицированную легитимацию [19]. В политике много борьбы, столкновений, кризисов, политика всегда представляет собой конфликтное поле. Рано или поздно это приводит к профессионализации политической деятельности.

Новые вызовы социальной и культурной реальности в XXI веке могут изменять основания легитимации. Мир становится другим. Традиция превращается в уязвимое и слабое место. Политический модерн создаёт новую повестку. Могут появляться некоторые алгоритмы, которые для предыдущих эпох могли бы показаться маловероятными, экзотическими и даже абсурдными.

Практически везде есть спрос на зрелище, что заставляет некоторых политиков экспериментировать с карнавальными стратегиями легитимации. Политик должен всё больше эпатировать общественность, скандалить, носить кричащую одежду, создавать странные и комичные ситуации, иронично выходя из них.

Современные политические процессы уже не могут осмысливаться вне цифровых технологий. Влияние Интернет-реальности с каждым разом вырастает. Политика виртуализируется и становится неуловимой, что задаёт новые параметры для легитимации политической власти. Власть в интересах собственной легитимации всё чаще использует цифровые технологии. Информационные войны, политизированные фейки, интернетизация политики, рост влияния сетевых сообществ – это объективная реальность современного общества.

Рассмотренные вышеуказанные концепции легитимации демонстрируют, насколько сложно понимать её определённно. Точка отсчёта для измерения эффективности легитимации постоянно ускользает. Исходя из проанализированных выше теорий легитимации, являющихся как классическими, так и отражающими современное состояние общества и уровень его цивилизационного развития, стоит отметить, что процесс легитимации имеет три измерения.

Процесс легитимации может быть свойством самой политической системы, доказательством её функциональности, подтверждением стремления к бесперебойной и максимально эффективной работе.

Легитимация инициируется и «снизу» активными представителями современного общества, сообществом граждан, публичной сферой в случае, если оно наделяет властью конкретную политическую силу. Сегодня доказательством общественной силы может выступать электоральная поддержка, адресованная тому или иному кандидату.

Наконец, процесс легитимации является инициативой конкретного правителя или политической силы, нуждающейся в поддержке. Наряду с

реальным содержанием проводимой политики заметна роль и манипулятивных эффектов. Ради удержания власти могут использоваться практически любые способы насилия, аппарат лояльных медиа и «черные» технологии.

Таким образом, анализ теоретических оснований легитимности и легитимации политической власти – от классических теорий – до современных моделей – демонстрирует, что легитимация политической власти не может восприниматься сколько-нибудь определенно. В то же время, от нас не может ускользнуть одна и та же сущность легитимации, связанной с фундаментальной природой власти. Различные измерения легитимации как процесса выдают присутствие за ним субъектной инициативы целого ряда акторов.

Литература

1. Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. 830 с.
2. Боден Ж. Метод легкого чтения историй: в 3 т. Т. II. Об устройстве государств. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 560 с.
3. Буренко В.И., Шумилов А.В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. 2012. №4. С. 9-18.
4. Буренко В.И. Социальное регулирование политической власти: история идей и современные подходы. Москва: Национальный институт бизнеса, 2001. 195 с.
5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государственного, церковного и гражданского. СПб.: Азбука, 2020. 704 с.
6. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. №6. С. 146-155.
7. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. Москва: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001. 384 с.
8. Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Концептуальный анализ власти и «лингвистические аргументы» // PolitBook. 2016. №2. С. 29-39.
9. Леонтьева О.В. Критерии качества и эффективности политической элиты // Евразийский юридический журнал. 2015. №9(88). С. 298-300.
10. Луман Н. Власть. Москва: Праксис, 2001. 256 с.
11. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Москва: АСТ, 2010. 509 с.

12. Мор Т., Кампанелла Т., Бэкон Ф. Утопия. Город Солнца. Новая Атлантида. СПб.: Азбука, 2018. 320 с.
13. Московичи С. Психология харизматического вождя // Психология и психоанализ власти. Том 2. Самара: Бахрах, 1999. 576 с.
14. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 2. Москва: Мысль, 1972. 678 с.
15. Скиперских А.В. Дискурс легитимации власти: герменевтика, теоретические модели, механизмы функционирования. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. 186 с.
16. Скиперских А.В. Инновационный дискурс российской политики // PolitBook. 2014. №1. С. 166-171.
17. Скиперских А.В. «Выгодное прошлое»: Приключения памяти в российской провинции // PolitBook. 2022. №1. С. 6-23.
18. Скиперских А.В. Левое VS правое в политическом пространстве: искушения авторской деконструкции // PolitBook. 2021. №1. С. 6-24.
19. Скиперских А.В. Персонифицированная легитимность // Свободная мысль. 2005. №8. С. 191-203.
20. Сквоиков А.К., Леонтьева О.В. Взаимодействие политической элиты и гражданского общества: основные цели, механизмы и принципы // PolitBook. 2020. №1. С. 38-64.
21. Талейран Ш.-М. Мемуары. Москва: Издательство института международных отношений, 1959. 440 с.
22. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в моногороде: векторы перемен // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14. №2. С. 111-127.
23. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Лидерство в локальных сообществах: в ком сегодня нуждается муниципальная власть в России // Полис. Политические исследования. 2021. №2. С. 157-170.
24. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Москва: Праксис, 2002. 384 с.
25. Фукуяма Ф. Сильное государство. Москва: АСТ, 2006. 220 с.
26. Шабо Ж.-Л. Основные типы легитимности // Полис. Политические исследования. 1993. №5. С. 137-143.

References

1. Aristotel'. Soch.: v 4-kh t. T. 4. Moskva: Mysl', 1983. 830 s.
2. Boden Zh. Metod legkogo chteniya istorii: v 3 t. T. II. Ob ustroistve gosudarstv. Moskva: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2021. 560 s.
3. Burenko V.I., Shumilov A.V. Politicheskii klass sovremennoi Rossii v kontekste instrumental'nogo podkhoda. PolitBook. 2012. №4. S. 9-18.
4. Burenko V.I. Sotsial'noe regulirovanie politicheskoi vlasti: istoriya idei i sovremennye podkhody. Moskva: Natsional'nyi institut biznesa, 2001. 195 s.
5. Gobbs T. Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstvennogo, tserkovnogo i grazhdanskogo. SPb.: Azbuka, 2020. 704 s.
6. Dogan M. Legitimnost' rezhimov i krizis doveriya. Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. №6. S. 146-155.
7. Ledyayev V.G. Vlast': kontseptual'nyi analiz. Moskva: "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 2001. 384 s.
8. Ledyayev V.G., Ledyayeva O.M. Kontseptual'nyi analiz vlasti i «lingvisticheskie argumenty». PolitBook. 2016. №2. S. 29-39.
9. Leont'eva O.V. Kriterii kachestva i effektivnosti politicheskoi elity. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №9(88). S. 298-300.
10. Luman N. Vlast'. Moskva: Praxis, 2001. 256 s.
11. Makiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoi dekadke Tita Li-viya. Moskva: AST, 2010. 509 s.
12. Mor T., Campanella T., Bekon F. Utopiya. Gorod Solntsa. Novaya Atlantida. SPb.: Azbuka, 2018. 320 s.
13. Moskovichi S. Psikhologiya kharizmaticheskogo vozhdya. Psikhologiya i psikhoanaliz vlasti. Tom 2. Samara: Bakhrakh, 1999. 576 s.
14. Platon. Sochineniya: v 3 t. T. 3. Ch. 2. Moskva: Mysl', 1972. 678 s.
15. Skiperskikh A.V. Diskurs legitimatsii vlasti: germenevtika, teoreticheskie modeli, mekhanizmy funktsionirovaniya. Elets: EGU im. I.A. Bunina, 2008. 186 s.
16. Skiperskikh A.V. Innovatsionnyi diskurs rossiiskoi politiki. PolitBook. 2014. №1. S. 166-171.
17. Skiperskikh A.V. «Vygodnoe proshloe»: Priklyucheniya pamyati v rossiiskoi provintsii. PolitBook. 2022. №1. S. 6-23.
18. Skiperskikh A.V. Levoe VS pravoe v politicheskom prostranstve: iskusheniya avtorskoj dekonstruktsii. PolitBook. 2021. №1. S. 6-24.
19. Skiperskikh A.V. Personifitsirovannaya legitimnost'. Svobodnaya mysl'. 2005. №8. S. 191-203.

20. Skovikov A.K., Leont'eva O.V. Vzaimodeistvie politicheskoi elity i grazhdanskogo obshchestva: osnovnyye tseli, mekhanizmy i printsipy. PolitBook. 2020. №1. S. 38-64.

21. Taleiran Sh.-M. Memuary. Moskva: Izdatel'stvo instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, 1959. 440 s.

22. Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Vlast' v monogorode: vektory peremen. Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2020. T. 14. №2. S. 111-127.

23. Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Liderstvo v lokal'nykh soobshchestvakh: v kom segodnya nuzhdaetsya munitsipal'naya vlast' v Rossii. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2021. №2. S. 157-170.

24. Fuko M. Intellektualy i vlast'. Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Moskva: Praxis, 2002. 384 s.

25. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo. Moskva: AST, 2006. 220 s.

26. Shabo Zh.-L. Osnovnyye tipy legitimnosti. Polis. Politicheskie issledovaniya. 1993. №5. S. 137-143.

**В.Б. Плавинский,
М.А. Верниченко**

**V. Plavinskii,
M. Vernichenko**

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ
ВЛАСТИ В НЕЗАПАДНЫХ
ПОЛИТИКО-
КУЛЬТУРНЫХ И
СТРАНОВЫХ УСЛОВИЯХ**

**THEORETICAL
ASPECTS OF POWER
LEGITIMATION IN NON-
WESTERN POLITICAL AND
CULTURAL COUNTRY
CONDITIONS**

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты легитимации власти в различных социокультурных условиях, проводится сравнение между ее западными и незападными типами. Подчеркивается, что практики и технологии легитимации власти являются актуальной проблемой вне зависимости от исторических и социокультурных условий, поскольку всегда существуют риски социальных кризисов, может происходить обострение отношений власти и народа. Обосновывается тезис о том, что незападные практики легитимации власти и иные явления, связанные с процессами легитимации, совпадая по форме с западными, в содержательном плане существенно различаются, поскольку в процессе легитимации власти в них могут проявляться новые аспекты взаимодействия власти и народа, соотношения права и традиции, легального и легитимного. В рамках такого подхода выделяются легитимационные особенности власти, характерные для незападного типа культуры, а именно сформировавшиеся в странах Востока и в значительной степени имеющие общие фундаментальные традиционалистские начала. Показано своеобразие способа легитимации власти, исторически сложившегося в России, акцентируется специфика, связанная с легитимацией власти в новых политиях, в частности в Приднестровской Молдавской Республике, которая выступает как неотъемлемая часть русского мира. Изучение данного вопроса приводит к выводу о том, что использованные

Abstract

The article focuses on aspects of power legitimation in various country conditions, a comparison between Western and non-Western types is effected. It is emphasized that the practices and technologies of power legitimation is an urgent problem, regardless of historical and sociocultural conditions, since there are always the risks of social crises, an aggravation of relations between power and the people. The conclusion is made that non-Western practices of power legitimation and other related phenomena, coinciding in form with the Western ones, are significantly different in the content plan, since in the process of power legitimation new aspects may manifest themselves in the interaction of power and the people, the ratio of law and traditions, of the legal and the legitimate. Based on this assumption the legitimation features of power characteristic for the non-Western type of culture, namely that formed in the Eastern countries sharing fundamental traditionalistic principles are analyzed. The originality of the method of power legitimation historically established in Russia, as well as that associated with new polities, particularly with the Transnistrian Moldavian Republic, which acts as an integral part of the Russian world, is considered. The study of this issue leads to the conclusion that the used approaches and updated definitions meet the tasks of studying legitimational processes related to non-Western political cultures. Their understanding rests on the acknowl-

подходы и уточненные определения, отвечают задачам изучения легитимационных процессов, относящихся к незападным политическим культурам. Их понимание строится с учетом базисных различий между западными и незападными обществами, которые очевидно не могут быть преодолены в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

edgement of the basic differences between Western and non-Western societies, which obviously cannot be overcome in the short and medium term.

Ключевые слова:

незападные общества, легитимация, социально-культурные условия, институционализация, государственная состоятельность, непризнанные государства, новые политии.

Key words:

non-Western societies, legitimation, social and cultural conditions, institutionalization, state viability, unrecognized states, new polities.

Незападные общества традиционно связывают со странами Востока, изучение которых имеет существенное значение – по причине их постоянно растущего влияния на мировую экономику и политику. Они, как правило, противопоставляются западным обществам с их политическими и социально-культурными практиками. Однако к незападным обществам правомерно относить и страны Восточной Европы, куда входят, в частности, Белоруссия, Болгария, Молдавия, Россия, населенные преимущественно славянами. В политико-культурном смысле они несут в себе специфические черты, свои особенности легитимации власти. Поэтому сравнительные характеристики различных типов легитимности представляют несомненный интерес.

Исследования отечественных ученых (М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, А.Ю. Мельвиль, А.В. Скиперских, Н.И. Харитонов, С.М. Маркедонов, О.Ф. Шабров) внесли значительный вклад в изучаемую проблематику. Их работы затрагивают актуальные вопросы, относящиеся к состоянию легитимности власти, технологиям ее легитимации в постсоветских государствах. В этих публикациях большое внимание уделяется всестороннему анализу и ситуациям, сложившимся в непризнанных государственных образованиях [6; 15; 19; 10; 23].

В западной литературе на данную тему также существуют различные точки зрения относительно теоретических моделей и практик легитимации власти в государствах постсоветского пространства [24; 25; 26; 27; 28].

Определенная новизна рассматриваемого вопроса может выражаться в том, что, во-первых, делается попытка изучения легитимационных

процессов через призму их сравнительного анализа в разных историко-культурных условиях, поскольку через сравнение точнее выявляются их специфические черты. Во-вторых, при таком подходе формируется понимание, что характеристики легитимации, сложившиеся в западной политологии, которые по-прежнему преобладают в научном обороте, как и само понятие демократии, не могут быть эталонными, что они проявляют себя сообразно своей исторической и культурной среде [21]. В этой связи становится очевидным значение изучения указанных процессов в незападных социокультурных условиях

В качестве основного методологического подхода используется сравнительный метод. Его значимость в подобного рода исследованиях состоит в функциональном назначении: он позволяет через сравнение и сопоставление выявлять природу различных объектов, их сравнительно-исторические типологии, раскрывать сходство и различие явлений, не связанных по своему генезису. В то же время следует учитывать, что сравнительная методология не предполагает возможности «управления» так называемыми независимыми переменными, которые могут оказывать существенное влияние на показатели исследуемого объекта. Неонституциональный метод, применяемый в анализе проблемы легитимации власти, позволил сосредоточить внимание на социальных институтах, посредством которых политические акторы обозначают свои цели и взаимодействия с другими группами. Он предполагает включение в исследование идеологических установок и факторов политического поведения, поскольку строительство институтов власти, особенно находящихся в процессе становления, не может базироваться только на нормативно-правовых принципах, оно учитывает политические и корпоративные интересы отдельных социальных групп.

Следует отметить, что появление понятие легитимности и его научное объяснение непосредственно связаны с реалиями западной политической науки и политико-правовой практики. Ключевым моментом в этом смысле является то, что в основе политической власти, сформировавшейся на Западе, лежит договорная теория, обусловившая её функционирование и восприятие. Теоретическую основу для понимания современных политических процессов составили классические теоретико-методологические концепции. Так, предложенная Максом Вебером теория легитимности власти, включающая такие её типы, как традиционный, харизматический, легаль-

ный, стала методологической основой для анализа разнообразных социально-политических процессов и явлений, свойственных как устоявшимся, так и новым государственным образованиям [3].

Однако понимание легитимности и методов ее достижения со временем претерпевали изменения. Новое состояло в том, что легитимность власти перестала сводиться только к простой оценке общественного доверия к власти и подтверждению согласия общества на её существование. Если в центре исследовательских интересов Вебера был анализ легитимности, носящей объективный характер, то в современном дискурсе существенным становится исследование условий и факторов получения легитимной власти. Теперь существенным становится её институциональное воплощение, которое приобретает форму политической системы, с необходимыми структурными компонентами. Сложилось понимание того, что легитимация в большой степени является целенаправленной деятельностью самой власти по самосохранению посредством применения различных эффективных технологий. Понятие легитимности связывается со способностью самой системы вызывать и подкреплять веру народа в целесообразность и полезность существующих политических институтов для удовлетворения насущных интересов общества, Ю. Хабермас акцентирует внимание на механизме воспроизводства легитимности через демократизацию общества, что предполагает существование развитой многопартийной системы и демократических процедур прямого волеизъявления, социальной поддержки, реформ [17]. Именно в западных СМИ появились новые технологии политической легитимации посредством интернета. Как показала практика данные технологии позволили изучать механизмы легитимации власти. Так, через различные аналитические программы, ток-шоу с выступлениями политиков, рекламные проспекты, происходит не только политическая социализация, но и развиваются политические технологии, в том числе затрагивающие практики легитимации властных структур.

Для западной политической системы характерен легальный тип легитимности власти, где определяющим является формально-правовое начало. Это означает, что в этой системе подчинение законам носит универсальный характер, а подчинение какой-либо личности или группе лиц, как правило, исключается. Законам формально обязаны подчиняться не только люди, которыми управляют, но также правящая элита и обслужи-

вающий её интересы бюрократический аппарат. Западная модель государства выражает специфику именно западного общества, однако, как полагают западные идеологи, она является приемлемой для остального мира.

Незападный тип легитимности власти

Вопрос о том, носит ли западная демократия универсальный характер остается на уровне концептуальных дискуссий. Вместе с тем в политологии все более влиятельным становится направление, рассматривающее политические процессы с точки зрения национальной специфики и региональных общественных отношений.

В незападных, традиционалистских восточных социальных системах, легитимация власти как процесс, и сама легитимность, имеют свои существенные особенности, которые отличают их от западного типа легитимности. Э. Хейвуд, американский политолог, исследуя восточный тип общества, указывает на то, что социальное устройство в государствах Востока ориентировано в большей степени на экономические цели и задачи, нежели политико-правовые, здесь главная задача политических режимов состоит в том, чтобы способствовать экономическому росту, благосостоянию народа, а не заниматься индивидуальными правами и свободами, которые свойственны западному обществу [20, с. 45].

В этом же смысле высказывается известный исследователь незападных систем В. Пай. Как он отмечает, в таких обществах политическая сфера фактически неотделима от общественных и личных отношений, что ведёт к тому, что политический спектр не выделяется в особую сферу деятельности, он прежде всего ориентирован на отстаивание каких-либо аспектов политики, завязанных на общинные интересы [12].

То есть, политические процессы на Востоке в сравнении с западными отличаются большей специфичностью, они более традиционны по своему характеру, потому им присущи иные ценностные нормы, что сказывается на характере отношений власти и общества. Если исходить из применяемой в политологии характеристики политических режимов, то по отношению к восточным режимам принято использовать термин «автократия». Соответственно в таких условиях по-особому происходит смена власти и ее легитимация, реализуется принцип разделения властей, по-иному развивается гражданское общество. Другая особенность состоит в

том, что в восточных режимах характер государственной власти во многом зависит от личности политического лидера. Для традиций Востока характерны такие элементы как почитание власти и повиновение начальству, которые ведут к росту престижа и влияния правителей и в целом правящих структур в обществе. В этой традиции уже, по существу, заложена легитимность власти.

Восточный мир при общности многих черт в отдельных регионах может отличаться своеобразием. Например, события «Арабской весны» стимулировали появление дискуссии об условиях, которые обеспечили стабильное положение арабских монархий, а также об источниках их легитимности. Монархия, будучи традиционной, свойственной исламской цивилизации формой правления, показала, что именно социокультурные ценности арабов являются источником формулы ее монархической легитимности.

Подчеркивая различия политических режимов Запада и Востока и особенности их политической легитимации, следует отметить такую черту последних, как коллективизм, то есть в отличие от стран Запада, индивидуальные свободы и права всегда подчинены коллективным правам и свободам. В основных законодательных актах они нередко представлены в виде моральных и нравственных принципов, которые формировались и впитывались общественным организмом на протяжении веков. Это обстоятельство во многом определяет восприятие политики в современных условиях. Одни и те же явления в регионах Востока и Запада могут оцениваться по-разному. Поэтому в восточных цивилизациях западные политические технологии легитимации власти не находят применения, а используются принятые на Востоке традиционные практики.

Особенности исторического типа легитимности российской власти

Изучение незападного опыта легитимации власти выявляет важный аспект темы, а именно то, что этот процесс, имея общие черты с западными практиками, прежде всего такими как избирательные процедуры, в то же время в содержательном плане может существенно отличаться от принятых на Западе отношений, например, между властными структурами и обществом, правовыми установлениями и волеизъявлением народа, ролью и значением традиций.

Россия, так же, как и восточные страны, представляет собой незападный тип общества. Однако российское общество по многим параметрам, сохраняющее традиционные черты, нередко демонстрировало в своей истории способность к глубокой модернизации. В силу особенностей своего исторического развития российское общество отличается как от западного, так и от восточного. По мнению президента РФ В.В. Путина, между Россией и странами Запада имеются «фундаментальные, культурологические противоречия», и у них «немного разные философии жизни», вследствие чего «понять друг друга довольно сложно» [14].

Еще в дореволюционное время отечественными учеными были разработаны методологические ориентиры понимания национальных особенностей российского общества и политики, сохранившие свою методологическую ценность и актуальность. Вопросы, отражающие проблемы легитимации государственной власти в России освещались в работах И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, М.Н. Коркунова, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева. Российские ученые рассматривали легитимационные процессы в контексте российских цивилизационных особенностей. Например, И.А. Ильин так определяет «демократическую силу истинной государственности»: она состоит в единении, взаимодействии и духовном взаимном обогащении власти и народа, которым эта власть управляет. Общее дело должно быть поставлено во главу угла. Само понятие «демократия» означает «народовластие». Государство может быть подлинно демократичным, если оно опирается на народные силы и привлекает сам народ к государственному строительству. При этом только народ должен определять способ наиболее целесообразный в данном случае, поскольку простое заимствование организации власти может иметь самые губительные последствия для государства [7, с. 42].

Представители евразийской школы в России также подчеркивали пагубность переноса западных принципов системы государственной власти. Они утверждали, что для России и народов, принадлежащих к русскому миру, первостепенное значение имеет нахождение своего пути, наработанного веками в создании форм государственной жизни. При этом необходимо использовать способы институализации и легитимации власти, опирающиеся на народные, демократические формы организации публично-правовой сферы, соответствующие цивилизационным особенностями российского общества.

По мнению П.И. Новгородцева, вопреки анархической мысли, которая утверждает, что подлинная свобода может утвердиться только после слома государственных устоев, демократическая теория строится на посыле, что принципиальное значение имеет самоуправление народа, который должен сам выработать присущие ему формы организации власти [11].

Политико-философские взгляды русских мыслителей позволяют утверждать, что уже в начале 20 века российской политической мыслью были созданы основные характеристики политико-властных отношений, которые впоследствии нашли отражение в теории легитимности власти. При этом русские ученые отмечали относительно невысокую роль формального права, поскольку в качестве главных принципов организации власти выдвигались не только формально-правовые основания, но и культурно-психологические нормы поведения и социальной организации общества. Тип легитимности власти с приведенными признаками особенно характерен для наследственных форм правления, однако некоторые черты традиции сохранялись в России как в советский, так и постсоветский периоды.

Можно сделать следующее наблюдение: историческая привычка к той или иной форме государственной власти, которая складывается веками, уже сама по себе может создавать ощущение ее справедливости и законности, то есть легитимности. Несмотря на то, что легитимность этого типа рассматривалась, например, М. Вебером, как нечто не свойственное современной культуре, следует отметить, что и в современных политических системах, в интересах обеспечения их большей устойчивости, власти опираются на культурно-исторические традиции.

Приднестровский опыт легитимации власти

Приднестровская республика в цивилизационном плане имеет многие сходные черты с Россией и другими восточно-европейскими регионами. Определяющим своеобразием Приднестровья и связанных с ним политических процессов является то обстоятельство, что это новое государство со времени его образования находится в состоянии международно-правовой непризнанности. Поэтому в этом регионе политические процессы, связанные с легитимацией власти, отличаются своей особой проблематикой. Это обстоятельство и определяет в значительной мере научный

интерес к происходящим там процессам. Именно посредством легитимной власти могут осуществляться необходимые преобразования в области государственного строительства и социально-экономической сфере.

Изучение Приднестровья выявляет еще один аспект темы, а именно то, что формально легитимация здесь, имея общие черты с универсальными практиками – такими, как избирательные процедуры, характерные для демократического порядка, в то же время в содержательном плане может иметь свои существенные особенности, проявляющиеся, как и в российских условиях, в характере деятельности властных структур, волеизъявлениях народа, традициях. В этом же смысле следует рассматривать международные аспекты легитимации власти в непризнанных государствах.

Сравнительный анализ легитимационных процессов в ПМР показывает, что исторической особенностью постсоветских территорий являются не только формально-правовые условия формирования власти, а и то, что политико-государственная власть там фактически изначально складывалась как авторитетная сила, которая опиралась на консолидированную общественную поддержку, на общность интересов элит и народа. То есть с точки зрения формального права исследования внутриполитических процессов в новых политиях едва ли могут дать объективные результаты.

Следует также подчеркнуть, что рационально-правовые, электро-ральные процедуры, как показал опыт, не всегда могут соответствовать культурным и историческим традициям, сложившимся в некоторых постсоветских обществах. В западном обществе, которое в данном случае представляет Приднестровье, политический курс правящих элит во многом опирается на традиционные ценности, и потому свободные выборы здесь являются лишь одним из условий легитимности власти.

В этом можно согласиться с мнением В.Е. Чиркина о том, что легитимация нередко вовсе не имеет отношения к закону, а иногда противоречит ему. Это процесс, посредством которого государственная власть приобретает свойство легитимности, то есть состояние выражающее правильность, оправданность, целесообразность, законность и другие стороны соответствия конкретной государственной власти установкам, ожиданиям личности, социальных и иных коллективов, общества в целом [22].

Приднестровские власти, заинтересованные в обеспечения стабильности политической системы, решают общенациональные задачи с учетом

социокультурных традиций. Их опыт в данной области показывает, что сочетание принципов, строящихся на учете национально- культурных потребностей и необходимости правовых регуляций, приводит к положительным результатам.

Формирование и функционирование власти в Приднестровской республике имеет ряд черт, которые, собственно, и характеризуют ее как новое государственное образование. Изучение этого опыта на примере ПМР, а затем ДНР и ЛНР, показывает, что легитимация власти, являясь необходимым условием жизни нового государства, не может быть обеспечена без соответствующей институциональной инфраструктуры. То есть создание государственных и общественных институтов в новых политиях, или серьезное их переформатирование, выступает как объективный фактор, обеспечивающий легитимацию власти и в целом функционирование всей системы.

Как показал опыт, в этих государственных образованиях легитимационные процессы и создание институциональных структур как необходимой базы политической системы, оказываются взаимосвязанными процессами, совпадающими во временном континууме. Значимость политической институционализации по С. Хантингтону состоит в том, что она рассматривается как «процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [18, с. 32].

Из этого следует, что легитимация, будучи сложным явлением, имеет множество различных связанных с ней факторов. Процесс легитимации влияет на процессы институализации и может как стимулировать, так и при неблагоприятных обстоятельствах тормозить его. Заметный вклад в понимание этих процессов внесли немецкие социологи П. Лукман и Т. Бергер. Их разработки могут быть своего рода методологическим ориентиром для анализа этих процессов применительно к Приднестровью. Немецкие ученые определяют институализацию и легитимацию как единый динамический процесс, который обуславливает возникновение, утверждение, трансформацию и передачу социального порядка.

В ходе анализа этого процесса они выделяют:

- собственно институализацию как процесс создания институтов власти, который они также определяют как типизацию социальных структур;
- легитимацию.

Различие, которое имеется между этими двумя процессами, определяется их содержательным наполнением. По мысли П. Лукмана и Т. Бергера, именно в рамках этапов институционализации и легитимации происходит формирование знания об обществе, где и само общество при оптимальных условиях может формировать социальную реальность, обеспечивать ее непрерывное развитие. Именно легитимация создает условия для понимания социальной реальности, сам же процесс ее конструирования контролируется и определяется институциональными социальными ролями [1].

Этот процесс, считают ученые, связан со способами институционализации, с вопросом формирования новых институтов государственной власти. Он предполагает два пути: естественный и искусственный. Для первого пути характерно создание условий для политического взаимодействия, постепенная формализация властных институтов, нормативное закрепление предусмотренных ролей. Второй путь, так называемый искусственный, который предполагает не постепенный путь преобразований, а активную роль государства в создании нормативной базы и правил функционирования институтов.

Анализируя приднестровские политические процессы, можно предположить, что характер легитимации здесь зависит от форм и временных параметров, в которых осуществляются институциональные процессы. В таких политиях как ПМР, в силу региональных особенностей, эти два вида формирования государственности чаще всего совпадают во времени. Конечно, нужно иметь в виду, что каждый конкретный случай может вносить коррективы, поскольку многое зависит от различных обстоятельств и условий, в которых формируются институты государственной власти. Синтезирующей различные аспекты институционализации и легитимации, выступает такая комплексная категория как государственная состоятельность, которая может характеризоваться по крайней мере четырьмя группами показателей: экономическими, социальными, политико-правовыми, показателями безопасности, призванными обеспечивать политическую стабильность. Эти необходимые условия обеспечения государственной состоятельности, как показал опыт, были выстроены в Приднестровье.

Легитимность, государственная состоятельность и эффективность политической власти – взаимосвязанные понятия. Целенаправленная деятельность власти, которая проявилась в Приднестровье, использующая релевантные методы и технологии для реализации групповых и обще-

ственных интересов, может быть охарактеризована как управляемая легитимация [4]. Рассмотренные выше аспекты легитимации носят явно внутренний характер, в её основе в той или иной форме находится фактор признания гражданами существующей политической власти. Поэтому и исследовательский интерес концентрируется главным образом на изучении ее внутренних характеристик, так как внутренний аспект легитимации власти является определяющим в защите существующего политического режима.

Однако политологи правомерно отмечают, что необходимым условием обеспечения полного суверенитета государства является достижение легитимации внешней, то есть признание государства международными акторами, так как политической власти, ее законности дают оценку не только в собственной стране, но и за ее пределами. Заслуживающей внимания представляется мысль А.Г. Большакова о непризнанности как одном из параметров несостоятельности государства, которая оказывается серьёзным препятствием во внешней деятельности государства, тормозит внутренние преобразования и развитие [2, с. 83].

Это подтверждают многие проблемы, с которыми столкнулись государства постсоветского пространства, не получившие международного признания, и эти проблемы могут выступать серьёзным делегитимирующим фактором. Исследование, проведенное В. Колосовым и М. Зотовой, в частности в отношении Приднестровья, показало её отставание по основным показателям экономического развития от соседних регионов. От долгой непризнанности и сопряженных с этим обстоятельством разного рода трудностей, в обществе сформировались признаки усталости [8, с. 6].

Отмечая юридические аспекты признания, В.Л. Толстых пишет, что специфика проблемы признания непризнанных государств состоит в том, что простое, определенное и конкретное действие оказывается предметом изощренных спекуляций, которые ведутся на протяжении десятков лет, но так и не привели к формированию ясного и целостного отношения к этой проблеме [16]. Еще прежде американский политолог В. Ворст пришёл к выводу о том, что неопределенность в вопросе признания является намеренной и позволяет субъекту права адаптироваться к ситуации; признание призвано обеспечить не просто стабильность, но стабильность, работающую в пользу определенных акторов [29]. В литературе также отмечается проблема возрастания значения непризнанных государств с

позиции международной безопасности, а именно дестабилизирующая роль непризнанных государств, которые выступают не только в качестве объекта, но и субъекта международной политики [19].

Как показал многолетний опыт существования непризнанных государств, эта проблема лежит не столько в правовой плоскости, сколько в политической, зависит от позиции главных игроков, принимающих ключевые решения по международной повестке.

Анализируя процессы легитимации власти и связанной с ней институализации, подчеркнём существование двух уровней данного явления в новых государственных образованиях, а именно: внутреннего и внешнего. Первый уровень предусматривает становление внутренней организации новой государственности, процесс формирования властных и общественных институтов, их укоренение и развитие. Естественно, что создание организационно - правовой структуры возможно при легитимной власти, то есть при общественной поддержке. Американский политолог Б. Питерс, в этой связи говорит о необходимости соответствия властных институтов системе социальных отношений, совпадения ценностей, которые исповедуют правящие элиты и основная масса населения, что только в этом случае новые государства будут эффективны [28]. Такое состояние поддержки обществом характерно для развивающейся государственности Приднестровья.

Второй уровень относится к внешней легитимации политической власти, то есть процессу международно-правового признания государства. Основываясь на этих двух аспектах легитимации, то есть внутренней и внешней, В. Красинский анализирует ее четыре модели, точнее их комбинации: так, власть может быть легитимна как внутренне, так и внешне, или, напротив, в двух случаях нелегитимна, либо внешне легитимна, а внутренне не легитимна, либо наоборот, внутренне легитимна, а внешне не легитимна [9]. Характерно, что все эти комбинации отражают реальное состояние легитимности власти в различных государственных образованиях, но главным образом, непризнанных. В данном случае последнее сочетание легитимности сформировалась в ПМР. При этом политическая система, в которой избранные органы власти обладают внутренней и внешней легитимностью, по понятным причинам оказывается наиболее устойчивой. Решение проблемы внешней легитимации Придне-

стровья, как показала ее многолетняя борьба за международное признание, находится в длительном процессе с неясным исходом.

Опыт Приднестровья во многих отношениях является заслуживающим внимания, поскольку он высветил аспекты, нуждающиеся в дальнейшем изучении. Он показал своеобразие легитимации власти в данном регионе, которая не относится ни к западному, ни к классическому восточному типу. Легитимация, как и в целом демократия, здесь имеет свои устоявшиеся характеристики, несет в себе особые черты, сопряжена с дополнительными трудностями разного порядка, что в перспективе может ставить под вопрос само существование государства как суверенной территории.

1. Тип легитимности политической власти, который сложился в незападных обществах, варьируется от традиционалистского в странах Востока до рассмотренных выше типов легитимности в России и ПМР, особенность которых состоит в том, что здесь сформировались рационально-демократические черты власти с сохраняющимися и нередко культивируемыми элементами традиционной культуры. Власть их воспроизводит и на них же опирается, поскольку социокультурные идеалы и демократические ценности народа являются ключевыми составляющими легитимации власти и национальной идеологии;

2. В постсоветских восточно-европейских странах сформировался в основном гибридный характер властных отношений: с одной стороны, существование определенного конформизма, базирующегося на традиции, с другой – расширяющимися правовыми методами регуляции социальных процессов. Свообразие проблемы легитимации власти усиливается в связи существующими новыми государствами, которые не имеют международно-правового признания, что порождает особую исследовательскую проблематику;

3. Современный понятийный аппарат политологии сформировался преимущественно на основе анализа социально-политических процессов, протекавших в Западной Европе и Северной Америке. Вопрос состоит, разумеется, не в его отрицании, а необходимости расширения методологической базы с использованием методологии региональных подходов, поскольку даже при многих общих чертах культуры разные регионы могут иметь свои существенные особенности.

4. Основные понятия, связанные с теорией и практикой легитимации власти, нуждаются в уточнении, более релевантных подходах к изучению политических процессов в западном цивилизационном пространстве. Их понимание должно строиться с учетом базисных различий между западными и незападными обществами, которые очевидно не могут быть преодолены в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум. 1995. 323 с.
2. Большаков А.Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. 2007. Т. 5. №3(15). С. 83-88.
3. Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс. 1990. 808 с.
4. Верниченко М.А. Легитимация власти: теоретические и практические аспекты вопроса // Обозреватель. 2019. №9(356). С. 93-101.
5. Деркачев Г.И. Сущность и механизмы легитимации власти в современном обществе // Власть. 2010. №11. С. 75-77.
6. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Политические исследования. 2010. №3. С. 26-39.
7. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. Москва: Воениздат. 1993. 368 с.
8. Колосов В., Зотова М. Экономическое развитие и внутренний суверенитет Приднестровья и Абхазии / 30 лет фактической независимости // Международные процессы. 2022. Том 20. №2(69). С. 6-22.
9. Красинский В. Теоретико-правовые аспекты легитимации избирательного процесса в интересах защиты конституционного строя // Современное право. 2010. №3. С. 9-13.
10. Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. №1(11). С. 24-40.
11. Новгородцев П.И. Демократия на распутье / Об общественном идеале. Москва, 1991. 448 с.
12. Пай Л. Незападный политический процес // Политическая наука. 2003. №2. С. 66-86.

13. Плавинский В.Б. Вопросы международного признания государственного суверенитета Приднестровской Молдавской Республики // *Мировая политика*. Москва: Нота-Бене. 2016. №4. С. 52-61.

14. Путин В.В. Выступление на XIX Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/xix-ezhegodnoe-zasedanie-kluba-valday/> (дата обращения 20.10.2022).

15. Скиперских А.В. Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве: дисс. ... д. полит. наук. Москва. 2007. 379 с.

16. Толстых В.Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // *Российский юридический журнал*. 2020. №5. С. 135–151.

17. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / перевод с немецкого Л. В. Воропай. М. 2010. 264 с.

18. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. Москва: Прогресс-Традиция. 2004. 480 с.

19. Харитонов Н.И. Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию: дисс. ... докт. полит. наук. Москва. 2019.

20. Хейвуд Э. Политология. Москва: ЮНИТИ-ДАНА. 2005. 544 с.

21. Худайкулова А. В. Объясняя безопасность глобального Юга: западные и незападные подходы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 394–417.

22. Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // *Государство и право*. 1995. №8. С. 65-73.

23. Шабров О.Ф. Политическая власть, ее эффективность и легитимность / *Политология*. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 122-136.

24. Comai G. Conceptualising Post-Soviet De Facto States as Small Dependent Jurisdictions. *Ethnopolitics*, 2018. №17(2) P. 181–200.

25. Griffiths R.D. Secessionist Strategy and Tactical Variation in the Pursuit of Independence // *Journal of Global Security Studies*. 2021. №6(1). P. 1–19.

26. Ker-Lindsay J. De Facto States in the 21st Oxford Research Encyclopedia of International Studies. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-635> (дата обращения 20.10.2022).

27. Kosienkowski M. Four Problems of De Facto State Studies: A Central European Perspective. URL: <https://czasopisma.marszalek.com.pl/10->

15804/ppsyp/1134-ppsyp-vol-51/ppsyp-51-all/9524-ppsyp202244 (дата обращения 20.10.2022).

28. Peters B.G. Institutional Theory: Problems and Prospects. Vienna: Institute for Advanced Studies. 2000. 195 p.

29. Worste W.T. Law, Politics, and the Conception of the State in State Recognition Theory // Boston University International Law Journal. 2009. Vol. 27. P. 115–171.

References

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya / Per. E.D. Rutkevich. M.: Medium. 1995. 323 s.

2. Bol'shakov A.G. Nepriznannyye gosudarstva evropeiskoi periferii i pogranich'ya. Mezhdunarodnyye protsessy. 2007. T. 5. №3(15). S. 83-88.

3. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. Moskva: Progress. 1990. 808 s.

4. Vernichenko M.A. Legitimatsiya vlasti: teoreticheskie i prakticheskie aspekty voprosa. Obozrevatel'. 2019. №9(356). S. 93-101.

5. Derkachev G.I. Sushchnost' i mekhanizmy legitimatsii vlasti v sovremennom obshchestve. Vlast'. 2010. №11. S. 75–77.

6. Il'in M.V., Meleshkina E.Yu., Mel'vil' A.Yu. Formirovaniye novykh gosudarstv: vneshnie i vnutrennie faktory konsolidatsii. Politicheskie issledovaniya. 2010. №3. S. 26-39.

7. Il'in I.A. O gryadushchei Rossii: Izbrannyye stat'i / Pod red. N.P. Poltoratskogo. Moskva: Voenizdat. 1993. 368 s.

8. Kolosov V., Zotova M. Ekonomicheskoye razvitiye i vnutrenniy suverenitet Pridnestrov'ya i Abkhazii / 30 let fakticheskoy nezavisimosti. Mezhdunarodnyye protsessy. 2022. Tom 20. №2(69). С. 6-22.

9. Krasinskii V. Teoretiko-pravovyye aspekty legitimatsii izbiratel'nogo protsessa v interesakh zashchity konstitutsionnogo stroya. Sovremennoye pravo. 2010. №3. S. 9-13.

10. Markedonov S.M. De-fakto gosudarstva: politicheskii fenomen postsovetetskogo prostranstva. Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye». 2018. №1(11). S. 24-40.

11. Novgorodtsev P.I. Demokratiya na rasput'e / Ob obshchestvennom ideale. M. 1991. 448 s.

12. Pai L. Nezapadnyi politicheskii protses. Politicheskaya nauka. 2003. №2. S. 66–86.

13. Plavinskii V.B. Voprosy mezhdunarodnogo priznaniya gosudarstvennogo suvereniteta Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki. Miro-vaya politika. Moskva: Nota-Bene. 2016. №4. S. 52-61.

14. Putin V.V. Vystuplenie na XIX Ezhegodnom zasedanii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/xix-ezhegodnoe-zasedanie-kluba-valday/> (data obrashcheniya 20.10.2022).
15. Skiperskikh A.V. Mekhanizmy legitimatsii politicheskoi vlasti na postsovetском prostranstve: diss. ... d. polit. nauk. Moskva. 2007. 379 c.
16. Tolstykh V.L. Priznanie i nepriznannye gosudarstva v nachale XXI v. Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2020. №5. S. 135–151.
17. Khabermas Yu. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma. perevod s nemetskogo L. V. Voropai. M. 2010. 264 s.
18. Khantington S. Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh. Moskva: Progress-Traditsiya. 2004. 480 s.
19. Kharitonova N.I. Mezhdunarodno-politicheskoe izmerenie pridnestrovskogo konflikta: strategicheskie podkhody k uregulirovaniyu: diss. ... d. polit. nauk. Moskva. 2019.
20. Kheivud E. Politologiya. Moskva: YuNITI-DANA. 2005. 544 s.
21. Khudaikulova A.V. Ob"yasnyaya bezopasnost' global'nogo Yuga: zapadnye i nezapadnye podkhody. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 13. Vyp. 3. S. 394–417.
22. Chirkin V.E. Legalizatsiya i legitimatsiya gosudarstvennoi vlasti. Gosudarstvo i pravo. 1995. №8. S. 65-73.
23. Shabrov O.F. Politicheskaya vlast', ee effektivnost' i legitimnost' / Politologiya. M.: Izd-vo RAGS, 2002. S. 122-136.
24. Comai G. Conceptualising Post-Soviet De Facto States as Small Dependent Jurisdictions. *Ethnopolitics*, 2018. №17(2) P. 181–200.
25. Griffiths R.D. Secessionist Strategy and Tactical Variation in the Pursuit of Independence. *Journal of Global Security Studies*. 2021. №6(1). P. 1–19.
26. Ker-Lindsay J. De Facto States in the 21st Oxford Research Encyclopedia of International Studies. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-635> (data obrashcheniya 20.10.2022).
27. Kosienkowski M. Four Problems of De Facto State Studies: A Central European Perspective. URL: <https://czasopisma.marszalek.com.pl/10-15804/ppsy/1134-ppsy-vol-51/ppsy-51-all/9524-ppsy202244> (data obrashcheniya 20.10.2022).
28. Peters B.G. *Institutional Theory: Problems and Prospects*. Vienna: Institute for Advanced Studies. 2000. 195 p.
29. Worste W.T. Law, Politics, and the Conception of the State in State Recognition Theory. *Boston University International Law Journal*. 2009. Vol. 27. P. 115–171.

**Д.В. Лукиянова,
А.В. Шумилов**

**D. Lukiyanova,
A. Shumilov**

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
РОССИИ И КИТАЯ:
В НОВЫХ
ПОСТПАНДЕМИЙНЫХ
РЕАЛИЯХ**

**GEOPOLITICAL
INTERACTION BETWEEN
RUSSIA AND CHINA:
IN THE NEW POST-
PANDEMIC REALITIES**

Аннотация

Работа посвящена определению факторов формирования геополитики России и Китая на пространстве Евразии с учётом особенностей, вызванных пандемией. Чтобы разобраться сегодняшнее положение стран и уровень взаимоотношений России и Китая, стоит обратиться к истории их развития, поскольку они имеют богатое прошлое, сопровождавшаяся определёнными взлётами и падениями. Разобрав основные этапы, можно выяснить – на основе чего выстраивались данные отношения, какие стадии они прошли. Дальневосточный регион стал определённой площадкой для осуществления совместной политической деятельности для России и Китая. Данный регион имеет огромную геополитическую значимость в основном благодаря тому, что расположен в выгодном географическом положении, являясь объектом для вложений и инвестиций с китайской стороны.

Особенно важно отметить наличие влияния американского фактора в развитии российско-китайских отношений в условиях пандемии и ее последствий. Большинство исследователей склонны к мнению о том, что союз РФ и КНР может противостоять влиянию и господству США, что сказывается на геополитическом состоянии и на балансе сил. На сегодняшний день влияние американского фактора особо ясно и заметно, поскольку отражается в свете сегодняшних событий не только для Китая, но и для всего мирового сообщества. В результате исследования выявлены основные точки соприкосновения и

Abstract

The work is devoted to determining the factors of the formation of the geopolitics of Russia and China in Eurasia, taking into account the features caused by the pandemic. To analyze the current situation of the countries and the level of relations between Russia and China, it is worth turning to the history of their development, since they have a rich past, accompanied by certain ups and downs. Having analyzed the main stages, it is possible to find out – on the basis of what these relations were built, what stages they passed. The Far Eastern region has become a certain platform for joint political activities for Russia and China. This region has a huge geopolitical significance mainly due to the fact that it is located in a favorable geographical position, being an object for investments and investments from the Chinese side.

It is especially important to note the influence of the American factor in the development of Russian-Chinese relations in the context of the pandemic and its consequences. Most researchers tend to believe that the union of the Russian Federation and the PRC can resist the influence and dominance of the United States, which affects the geopolitical state and the balance of power. To date, the influence of the American factor is particularly clear and noticeable, since it is reflected in the light of today's events not only for China, but also for the entire world community. As a result of the study, the main points of contact and the most effective areas of cooperation in the main spheres of the two states in the new geopolitical

наиболее эффективные направления сотрудничества в основных сферах двух государств в условиях новой геополитической обстановки.

situation have been identified.

Ключевые слова:

Россия, Китай, геополитика, последствия пандемии, международные отношения, Евразия.

Key words:

Russia, China, Eurasia, geopolitics, consequences of the pandemic, international relations.

Стратегическое партнёрство с Китаем, а также взаимная поддержка системы многополярного мира является одним из важнейших направлений внешней политики России не только в последнее время, но и в период, охватывающий весь современный этап, поскольку российско-китайские отношения стремятся к пути полноценного стратегического партнерства. Пандемия COVID-19 нанесла серьёзный удар по мировому сообществу, и лидеры стран осуществляли неизбежные и экстренные меры, связанные с введением ограничений в различных сферах. Однако, РФ и КНР принимали все возможные действия для поддержания отношений и благополучно продолжали развиваться даже в самое сложное время, стремясь изменить баланс сил не только в Азии, но и во всем мире. Дальний Восток стал некой площадкой для осуществления «Новой азиатской политики». Кроме того, он имеет значимость благодаря огромным природным ресурсам, множеством достопримечательностей, большим экономическим потенциалом, выгодном географическом положении, гидроресурсами, современными предприятиями, проходящий Северный морской путь (СМП), граничит с четырьмя крупными государствами, как США, Япония, КНДР и, конечно же, с Китаем, а также имеет выход в Азиатско-Тихоокеанский регион, что выделяет его как потенциально значимый объект геополитики. Российско-китайские отношения исторически были бурными. На протяжении всей истории они неоднократно разрывались и восстанавливались. Однако, несмотря на разнообразие всех событий, эти отношения можно назвать уникальными, как по длительности, так и по специфичности в идеолого-политической, так и экономической сферах, особую связь закладывают богатые культуры двух народов.

Период с конца 2019 года по наши дни ознаменовался серьёзной вспышкой новой пандемии COVID-19. Впервые, данная инфекция была обнаружена в Китае, в городе Ухань, а спустя месяц пандемия охватила и Россию. В большинстве стран смертность населения достигала критиче-

ской точки, границы стран закрывались, прекращались любые трансграничные передвижения, была остановлена торговля, отменены многие планы глобального и минимального характера, большая часть организаций, образовательных учреждений, компаний стремительно осваивали площадки для дистанционного формата работы и обучения и т.д. В конечном итоге, пандемия нанесла серьёзный ущерб мировой экономике, вызвав глобальную кризисную ситуацию.

В целях скорейшего восстановления привычного образа жизни и ликвидации коронавирусной пандемии страны объединяли свои силы для совместной борьбы с инфекцией. Россия и КНР не стали исключением тем самым демонстрируя продолжение добрососедских отношений и партнерство стратегического сотрудничества для коллективного прохождения сложного периода мирового масштаба.

Стоит отметить, что лидеры государств одними из первых высказались о необходимости борьбы с пандемией, ведя активное сотрудничество, о чём с марта по май в формате телефонного разговора лидерами активно обсуждались меры борьбы с вирусом. Взаимная поддержка, подобно главам государств, неоднократно выражалось народами обеих стран посредством СМИ, что доказывает дружелюбность не только на государственном уровне, но и на местном. Помимо этого, многие российские газеты выпускали статьи с лозунгами о поддержке Китаю и Пекину. Однако, взаимопомощь и поддержка не заканчивалась лишь на формальных переговорах и обмане информации: одной из форм содействия в критических ситуациях является материальная составляющая, где РФ, уже с момента начала пандемии направила в Ухань около 23 тонн гуманитарной помощи (маски, перчатки, одежда, защищающая поверхность кожи, очки специального назначения и др.). Когда Россию настиг эпидемический кризис, Китай также направил подобные средства защиты уже на 26 тонн, о чём сообщило посольство КНР в РФ. Кроме того, Россия подписала контракт с предприятиями Китая на поставку более миллиона костюмов специального назначения. Подобное сотрудничество также отражалось в области профилактики и борьбы с пандемией посредством направления в Ухань группы специалистов от Минздрав РФ. Данная группа способствовала сохранению жизни и здоровья как китайских, так и российских народов. Подобная группа экспертов также была направлена из Пекина в Россию, с целью указания помощи.

Хотя на сегодняшний день пандемия утратила свою значимость на фоне иных событий, нельзя сказать, что она полностью ликвидирована. РФ и КНР до сих пор требует укрепления научно-технического сотрудничества в области профилактики и борьбы новых типов вирусов, а значит и разработки более эффективных и новых вакцин и др. Пандемия вызвала необходимость в модернизации сотрудничества в области здравоохранения, о чём уже неоднократно говорилось в совместных заявлениях России и Китая [12].

Для того, чтобы остановить распространение инфекции, во многих странах были приняты противоэпидемические меры, которые отражались в закрытии границ. Москвой было принято решение о временном ограничении въезда китайских граждан, в свою очередь КНР полностью ограничил въезд, не исключая наземные и воздушные транспортировки. Как и в случае с Китаем, Россия ввела режим изоляции для населения, однако в КНР штрафы достигали до 5 тыс. юаней вплоть до лишения жизни, как средство высшей мерой наказания.

По мере снижения вспышек инфекции, между странами налаживаются встречи министров, комитетов по сотрудничеству и других высших должностных лиц. Постепенно устанавливаются полноценные механизмы взаимодействия и сотрудничества на всех уровнях.

Подобная эффективная и взаимная поддержка РФ и КНР в период пандемии в значительной степени оказывала влияние на всестороннее стратегическое сотрудничество, где Россия и Китай своевременно смогли принять критические решения в целях совместной борьбы с пандемией. Особое место занимает и проведение информационных обменов, а также совместных учений, способствующие ликвидации вируса. «Китай и Россия готовы работать вместе со всеми сторонами международного сообщества, чтобы решительно поддержать ВОЗ и обеспечить нормализацию мер по предотвращению и борьбе со вспышками болезней, разрабатывая вакцины общедоступными во всем мире» [9].

Гуманитарное содружество РФ и КНР в период пандемии имела активную тенденцию к развитию, также, как и до пандемии. Особые круглые даты и мероприятия не имели крупного торжества в связи с непростой ситуацией в мире, однако не потеряли свою торжественность. Особое значение для нашей страны в 2020 году имело цепь различных мероприятий, посвящённые семидесяти пятилетию Победы, также в 2021 от-

мечалось двадцатилетие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, помимо этого проведение Годов научно-технического и инновационного сотрудничества, также отмечалось двадцатилетие создания ШОС.

Говоря о гуманитарном сотрудничестве, стоит уделить особое значение сфере образования, поскольку пандемия лишила в полной возможности реализовывать студенческие обмены. Большинство правительств указывают на то, что обмен студентов в той или иной мере демонстрирует уровень общественной дипломатии, где наша страна не стала исключением. Однако, в связи с активным распространением инфекции COVID-19 в начале 2020 года, государственными деятелями РФ было принято решение временно закрыть границы с Китаем. И, хотя пандемия осложнила процедуру обмена студентов, сотрудничество в сфере образования не утратила стимул к росту и укреплению, а напротив, открыла новые возможности для расширения.

В 2020 году, в ходе проведения заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, где представляли вице-премьеры Т. Голикова и Сунь Чуньлань, были проведены итоги, в котором говорилось, что количество учащихся, практикующие ежегодные академические обмены превысило от 100 до 104 тыс. человек, из которых большую часть занимают студенты из Китая [11].

Помимо этого, 7 июня 2020 году состоялось торжественная церемония закладки первого камня, который демонстрирует совместные успехи, достижения и победы, в честь основания совместного кампуса СПбГУ и Харбинского политехнического университета, строительство которого закончится уже в этом году. 29 июня 2020 состоялась церемония открытия Китайско-российского математического центра, по совместной инициативе МГУ и Пекинского университета.

Говоря о сотрудничестве России и Китая в сфере культуры, стоит также указать негативное влияние пандемии в подобных связях. Если до инфекции российско-китайские контакты в сфере культуры имели тенденцию к активному и плодотворному развитию (двухстороннее образование различных концертных программ, как с китайской, так и с российских сторон, стремительная совместная работа в сфере кинематографа, а также совместное проведение выставок и прочих программ культурного характера), то после объявления пандемии большинство совместных перспективных проектов, идей и инициатив были приостановлены и отложе-

ны. Однако, 21 августа 2020 года состоялось двадцатое заседание Российско-Китайской подкомиссии по культурному сотрудничеству, которое обсуждало новые пути к продолжению взаимодействия в новом и непросто-м положении для всего мира, а также дальнейшую совместную деятельность уже после ослабления вспышки ковида. Стоит отметить, что делегаты достигли общего согласия по Программе сотрудничества на 2020–2023 года. В ходе данного заседания в июне 2021 была проведена крупномасштабная ярмарка культуры и искусства: состоялись такие мероприятия, как фотовыставки, различные творческие встречи, концерты и разнообразные конкурсы народных мастеров. Основные события российско-китайского международного фестиваля транслировались в онлайн-формате.

Несмотря на продолжающуюся пандемию COVID-19, в 2020 году подобные мероприятия при содействии России и Китая всё же продолжались, но с естественными антиковидными мерами. К совместным мероприятиям культурного характера относились литературные, музыкальные события, мероприятия изобразительного искусства, различные кинофестивали и др., например, в ноябре 2020 года, в столице провинции Хэйлунцзян – Харбин состоялась российско-китайская художественная выставка масляной живописи-2020, на которой были представлены около 150 работ российских и китайских художников. Подобные выставки не только отражают культуру и традицию двух стран, но и активно содействует художественным обменам и гуманитарному сотрудничеству между КНР и РФ.

В целях продолжения традиции проведения дружественных мероприятий молодых граждан России и Китая, в декабре 2020 года состоялся студенческий форум в формате онлайн под названием «Россия и Китай моими глазами», на котором присутствовали представители правительства, преподаватели и студенты российских и китайских университетов. На данном форуме студенты представляли свои доклады, посвящённые международному сотрудничеству по совместной работе в области культуры и образования. Кроме того, продолжалась литературная дипломатия, посредством проведения церемонии вручения Международной переводческой премии «Россия – Китай».

На 22-м заседании Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, проведенной в формате телемоста, обсуждались основные тенденции сотрудничества в сфере культуры в 2021 году. В ходе

заседания стороны доложили о ходе работы по вопросам сотрудничества России и Китая в области здравоохранения, образования, культуры, спорта, туризма, сотрудничества в сфере СМИ, кинематографии, архивного дела и сотрудничеству в сфере молодежной политики. Также, был подписан Итоговый протокол 21-го заседания Подкомиссии по сотрудничеству в области здравоохранения Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству, который стал основой для сотрудничества России и Китая в сфере здравоохранения на 2022 год.

В середине 2021 года в формате онлайн «прошел Российско-китайский студенческий фестиваль искусств «Симфония Молодости», посвящённый 20-летию российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», который в свою очередь направлен на взаимную помощь, доверие двух стран, а также формирование у студентов с российской и китайской стороны желание к общей работе.

Помимо этого, в сентябре и октябре 2021 года Институт Конфуция Новосибирского Государственного Технического Университета и «СПбГУ организовали фестиваль китайского кино «Китай, XX век. История глазами китайского кино», который прошёл по основным городам России. Мероприятие активно содействовало развитию международных и культурных коммуникаций и проводилось при поддержке посольства КНР в России, Центра международных языковых обменов и сотрудничества при Министерстве образования КНР», генеральных консульств КНР, а также Министерства культуры РФ.

Значимую роль в развитии и укреплении гуманитарного сотрудничества РФ и КНР сыграл Российско-Китайский Комитет дружбы, мира и развития, который активно проводил различные мероприятия: от конкурса для преподавателей китайского языка «Язык дружбы» до Первого российско-китайского конкурса вокалистов «Созвучие».

Взаимодействие представителей РФ и КНР по вопросу СМИ неоднократно обсуждалось на многосторонних площадках и в больших масштабах. Взаимная поддержка и координация СМИ РФ и КНР на международной арене представляется важной сферой сотрудничества и продолжает совместную работу, несмотря на условия пандемии [14].

20 октября 2020 года в формате-онлайн состоялось заседание Подкомиссии по СМИ под руководством связи и массовых коммуникаций РФ, заместителей глав Министерства цифрового развития и Главного государ-

ственного управления по делам радиовещания и телевидения Китая, на котором обсуждались цели и основные сферы в совместной работе и сотрудничестве по направлению СМИ в пределах 2020-2021 годов. По итогам заседания, стороны согласовали подходы с общей деятельности в сфере ТВ, а также обсудили коллективные инновационные проекты.

В 2021 году массмедиа также являлись значимой сферой в гуманитарном сотрудничестве РФ и Китая. Так, в августе Президент России В. Путин присудил «Орден Дружбы» Ся Баолун. А уже в сентябре китайское правительство наградило российского репортера Медиакорпорации Китая Константина Щепина за особые заслуги «Премией Дружбы» в Доме народных собраний в Пекине.

Кроме того, 5 ноября прошёл пятый Российско-Китайский форум новых медиа, главное темой которого было «Укрепление сотрудничества России и Китая в сфере новых медиа на современном этапе». Стоит сказать, что на мероприятие присутствовали представители ведущих СМИ КНР и РФ, заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России Бэлла Черкесова, замглавы Администрации киберпространства Китая Нью Ибин, а также ТВ БРИКС. Участниками было высказано общее мнение о том, что современные масс-медиа требуют особое внимание в борьбе против лжеинформации в киберпространствах международного характера, сходство мнений, взаимное почтение, гласность и многое другое.

На 2022 год российско-китайское взаимодействие всё также продолжает вести общую работу по созданию новых проектов, а также активно ведётся борьба с ложной информацией в СМИ, которое в связи с последними событиями нахлынуло как на российскую, так и китайскую сторону и быстрыми темпами дезинформируют не только граждан РФ и КНР, а также весь мир. Многими информационными агентствами скорейшем образом ведутся работы по поиску достоверной информации, в ходе чего выпускаются разоблачения и прочие вспомогательные выпуски.

Эпидемия проявила существенное воздействие на индустрию путешествий как в России, так и в Китае, поэтому возобновление системы туризма, с учетом отличительных черт эпидемиологических условий, является одной из главных задач для обоих стран.

2 июля 2020 года состоялось семнадцатое заседание Подкомиссии по сотрудничеству в области туризма, где её члены приняли решение

продолжать тенденцию к наращиванию сотрудничества в контроле за туристическим рынком и содействовать формированию онлайн и офлайн проектов. Для того, чтобы коллективно восстановить туристическую инфраструктуру, Россия ортодоксально привлекает китайские инвестиции в целях развития и формирования цифровизации туризма.

В декабре 2020 в формате видеоконференции прошла 25-я регулярная встреча глав правительств России и Китая под представительством премьер-министра России Михаила Мишустина и премьер-министра Госсовета Китая Ли Кэцян, где стороны пришли к общему мнению, связанное с укреплением совместной деятельности в сфере туризма, а также обсуждалась подготовка к подписанию Соглашения о безвизовых групповых туристических поездках.

Сфера молодёжной политики также продолжала активно развиваться. Российско-китайское сотрудничество отражалось в проведении различных мероприятий, фестивалей, проектов, подписание договоров и прочее. Например, с сентября по октябрь 2021 года посольство Китая в России, Общества российско-китайской дружбы, Государственного академического университета гуманитарных наук, Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития и был проведен Российско-Китайский фестиваль, посвящённый 100-летию начала студенческих обменов между РФ и КНР [15].

Огромное значение в гуманитарном сотрудничестве, в особенности в этом году, играет взаимодействие в сфере спорта, так как 2022–2023 гг. стали Годом российско-китайского сотрудничества в области физкультуры и спорта, в ходе которого страны будут обмениваться опытом и делиться наилучшими способами организации спортивных мероприятий в целях вовлечения граждан России и Китая в занятия физической культурой.

Анализируя российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере, можно утверждать, что оно имело тенденцию к развитию, распространяющуюся как на официальном уровне, так и на уровне народной дипломатии. Несмотря на довольно сложную геополитическую ситуацию, РФ и КНР успешно адаптировались к формату работы онлайн и смогли успешно выполнить многие крупные совместные проекты в области борьбы с COVID-19, образования, культуры, СМИ, туризма, спорта и молодёжной политики. На сегодняшний день образование считается базовым элементом российско-китайского взаимодействия, и упор должен быть сфокусирован на обучении, а также подготовке экспертов обширного диапазо-

на специальностей. Формируется и культурная совместная деятельность. К примеру, существенно увеличилось число общих кинопроектов. Из числа государств за границами бывшего Советского союза Поднебесная была главным направлением выездного отечественного туризма, а также главной страной происхождения въездного туризма. Усилившийся приток китайских путешественников в РФ вылился в конкретные инфраструктурные трудности и потребность соответствующего контролирования за системой турпоездов. Эпидемия заставила на время прекратить привычные форматы партнерства, поэтому в данных обстоятельствах следует, в первую очередь, совершенствовать дистанционные формы обмена информации, онлайн-обучения, онлайн-семинары, а также культурные проекты и мероприятия и тому подобное.

За последние тридцать лет прогресс в развитии российско-китайских отношений является особо показательным в истории международных отношений. Учитывая, что отношения России и Китая во времена холодной войны были скептическими и недоверчивыми, сегодня они являются наиболее крепкими, стабильными и основанными на доверии. Резкий скачок дружественного настроения этих стран во многом обусловлен теплыми отношениями лидерами РФ и КНР. Основой их сотрудничества является то, что Россия является одним из главных импортёров энергии в КНР, в свою очередь Китай занимает первое место в списке торгово-экономических партнёров России [13]. Несмотря на негативное воздействие пандемии и геополитической обстановки, сотрудничество Москвы и Пекина продолжает развиваться: особое место занимает сотрудничество в сфере обороны, кибербезопасности, военных, научно-технических, инновационных и гуманитарных областях [16]. Существуют различные суждения о том, почему Китай заинтересован в поддержании активного взаимодействия с Россией [11]. Многие исследователи склонны к мнению о том, что для Китая РФ является наиболее выгодным и полезным союзником. Многие исследователи склонны предполагать, что направление дальнейшего развития, которое выбирает Китай, берет своё начало ещё с учения, основанного на конфуцианстве, а именно «на пяти принципах мирного сосуществования: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование [10]. Китай самостоятельно вырабатывает свою позицию и по-

литический курс по различным международным вопросам. Главная цель внешней политики китайского государства – создание мирной международной обстановки, благоприятствующей модернизации страны» [8]. Рассматривая действия России в различных политических ситуациях, китайские лидеры убедились в его устойчивости и умении противостоять давлению внешних сил, где РФ доказала свою стойкость и непоколебимость отстаивания собственного мнения. Также это доказывается и тем, что китайская сторона не отвернулась от России и продолжила двухсторонние отношения и сотрудничество, учитывая сегодняшнюю ситуацию с Украиной и кризисное положение отношений с Западом. Другие исследователи убеждены, в том, что военно-технический уровень Китая недостаточно совершенен в рамках противостояния и конкуренции против США и Запада, а Россия является той страной, чьи возможности в военной сфере во многом превосходят возможности КНР, ко всему прочему российская сторона также нетерпима к господствующему положению США и готова противостоять этому [7].

Также, стоит признать, что партнёрские отношения с Россией – это второстепенная задача по сравнению с внутренней модернизацией. Несмотря на то, что Россию и Китай не связывают полноценные союзнические отношения, факторы их взаимодействия в итоге все же влияют на геополитическое пространство Евразийского пространства и всего мира, а также является наиболее дискуссионной темой научного сообщества, изучающие данные отношения [11].

Ещё один вопрос, касающийся российско-китайских отношений – это проблема диссиметрии, которая имеет тенденцию к ещё большему росту и особенно волнует Россию. Уровень ВВП Китая сравнительно с Россией был и всё ещё остаётся намного выше, а в период пандемии вообще оказался наиболее максимальным за последнее десятилетие. Неспоккойная ситуация на Украине доказывает, что Китай является наиболее близким партнёром, «в то время как геополитические возможности России ограничены, Китай сохраняет обширный стратегический выбор, как с Западом, так и с незападными странами. Впечатляющее расширение влияния Китая на постсоветскую Евразию настолько велико, что возникает вопрос, как долго это различие может сохраняться. Экономическая мощь, которую оказывает Пекин, имеет неизбежные геополитические последствия для безопасности, а также станет испытанием на долгосрочную

устойчивость китайско-российского партнерства. В более отдаленных регионах результаты внешней политики Китая будет иметь последствия для России, особенно если реализуется видение Си Цзиньпина о том, что Китай «приближается к центральной сцене» в мировых делах» [3]. Однако, диссимметрия не имеет никакого значения, при условии, что данное сотрудничество является выгодным в обе стороны. Напротив, они, естественно, улучшились: настороженное отношение России к росту китайского населения на территории России (а именно на Дальнем Востоке) в значительной степени уменьшилось, а экспорт предметов и устройств боевого применения в виде оружия Народно-освободительной армии Китая не является популярным мнением о том, что это может привести к подрыву национальной безопасности.

Тем не менее, мнение некоторых отечественных исследователей в области изучения российско-китайских отношений имеет настороженный характер, вызываемый обеспокоенностью некой корреляции от КНР, поскольку, в случае необходимости, Китай может давить на рычаги давления, ставя свои требования в сотрудничестве с Россией, начиная от взаимоотношений в области энергетики и заканчивая личным распоряжением над Дальним Востоком и всеми странами бывшего Советского союза в Евразийском пространстве. Подобный статус подчинённого положения России в стратегическом плане становится более ощутим в связи с напряжёнными отношениями с Западом. Отмечается, что переживание России в данном положении может понизиться в случае, если КНР в полном объёме испортит связь с Западом.

Неустойчивое положение в Евразийском пространстве может повлиять на российско-китайское расширение взаимоотношений, но и, с другой стороны, увеличению соперничества. Поскольку Соединённые Штаты рассматривают РФ и КНР в качестве соперников геополитического плана, а продолжительная торговая война серьёзно нарушила отношения США с Китаем, отношения России и Китая в данном случае имели тенденцию еще к большему укреплению.

Дальнейшее геополитическое положение во многом будет завесить от единых интересов российско-китайского сотрудничества, начиная от их общей деятельности в области энергетики, военно-технического и инновационного сотрудничества, заканчивая реализациями общих планов на Центральноазиатских пространствах, Ближнего Востока, Арктического

региона, Северо-Восточной Азии, а также принимая во внимание Дальневосточный регион [1; 2; 4]. Принимая во внимание весь масштаб возможностей по реализации глобальных проектов и массового развития во всех направлениях, можно отдельно указать и то, что РФ является весомым игроком на рынке экспортёров нефти и газа, а КНР в свою очередь является наикрупнейшим импортёром и потребителем энергии [3]. Как Россия, так и Китай, имеют интерес к устранению возможных проблем и регулированию конфликтных ситуаций на всём Евразийском пространстве.

Большой интерес вызывает «Большая Евразия» – «это не только одна из важнейших концепций сотрудничества, выдвинутых Россией, но и вполне осуществимый план международного сотрудничества. Тесное сотрудничество между пятью постсоветскими государствами и формирование ЕАЭС, где Россия занимает лидирующую позицию, положило начало процессу евразийской интеграции, идея Большой Евразии и отношение к ней регионов четко определили основные очертания стратегического и решительного «поворота на Восток». Этот поворот направлен не только на Китай, Японию или Южную Корею, но и на всю Азию с особым упором на сотрудничество с Китаем, странами АСЕАН и ШОС», где совместная деятельность России и Китая по управлению масштабного стратегического пространства, распространяющегося от территорий Центральной Европы до Восточной Азии, оценивается как эффективное [6].

В целом, сплочение российских и китайских стратегических интересов не является безвариантным направлением как для КНР, так и для России. Более того, обе страны оставляют друг для друга свободу для развития их геополитических направлений. Стоит отметить, что стратегическими интересами Китая является, как раньше, так и сейчас, освоение европейских и обгон американских рынков в целях установки собственного экономического курса. Китай рассчитывает на то, что установление собственных позиций на рынках откроет доступ к финансовым и инвестиционным ресурсам регионального, а далее государственного уровня. Помимо этого, учитывая серьёзное ухудшение отношений Китая с США в период пандемии, а также отказ от долларového курса, внедрение на европейские рынки во многом способствуют обеспечению устойчивости страны в финансовом плане [5].

Продление тесных связей России и Китая в различных сферах и добрососедское сотрудничество отразится в качестве их стратегических

планах, а также во многом повлияет на политическое и экономическое состояние Евразийского пространства. Российские и иностранные исследователи в области изучения российско-китайских отношений выделяют несколько направлений, которые в той или иной мере повлияют на Евразию и её интеграционный процесс:

Для того, чтобы в полной мере способствовать развитию и становлению инновационного центра роста в экономической сфере в качестве юго-востока Евразии необходимо продолжать развивать и усиливать совместные проекты и идеи, действующие в реальном времени. Это делается для того, чтобы сохранить условия для слияния юго-восточного центра с центрами, создаваемые Китаем. Подобный процесс является наиболее удобным, поскольку странам бывшего Советского Союза было бы сложно пробираться на зарубежные рынки в качестве одинокого звена. В случае, если государства Евразии сумеют встраиваться в аналогичные проекты без помощи других или посредством отечественных каналов, что является наиболее возможным, это может значительно повысить их конкурентоспособность. Однако подобная синергия будет требовать наиболее углубленного и политически открытого партнерства с Россией и, кроме того, соинвестирования в проекты, где РФ будет фактически обладать более значительной операционной массой. Однако, для России это не является простейшей задачей, поскольку для подобной реализации данного плана Москве придётся перестроить инвестиционную политику, включив новые условия.

Российско-китайские отношения, вероятнее, являются самыми показательными на фоне других государств, но, как и подобает развивающимся странам, имеющие серьёзные потенциалы, Россия и Китай одновременно и конкурирует друг с другом как в экономическом, так и в политическом плане. Однако, учитывая стремительно развивающуюся тенденцию этих стран к добрососедским отношениям и перехода на более тесное взаимопонимание, направление конкурентных отношений заметно снижается, в особенности в странах бывшего Советского Союза. Естественно, сегодняшний уровень взаимоотношений России и Китая не достиг идеала касательно вопросов, связанных с Евразийским пространством (особенно на Центральноазиатских районах, где Китай значительно расширил сферу своего влияния). Однако, как отмечают многие эксперты, в Прикаспийских странах уровень российско-китайского экономиче-

ского соперничества значительно упал, а в некоторых случаях изменил своё направление в сторону сотрудничества. В случае продолжения подобной тенденции (от конкуренции до сотрудничества) представителям стран бывшего СССР будет всё сложнее манипулировать Россией и Китаем, посредством их разногласий, и лишит их возможности давить на страны, выигрывая для себя наиболее выгодное положение и привилегии, а важность весомых, но тактических инвестиционных проектов двух государств в верхушки Евразийского пространства станет поступательно уменьшаться.

Значимость евразийских институтов и международных организаций, как, например, ЕАЭС, становится наиболее весомой, а их успехи и достижения в значительной степени играют роль на институционализации и «инвестиционной целостности». Подобные результаты имеют колоссальную важность в нынешних условиях для России и для устойчивости сотрудничества с Китаем. Помимо этого, усиление процесса объединения касательно коммуникаций в сфере финансов, а также внедрение цифровых технологий новейшего типа в экономический процесс было бы перспективным, поскольку сохранила бы и обезопасило инвестиционные проекты, которые имеют особую важность для китайской стороны на Евразийском пространстве. Самостоятельно КНР не способно разработать и поддерживать данную возможность, поскольку её экономика напрямую зависит от экспорта своего товарооборота.

Как отмечают многие исследователи, процесс интеграции Евроазиатского пространства успешно реализуется. В частности, Китай поддерживает «ключевые элементы для продвижения азиатской и что более амбициозно, евразийской интеграции. Несколько других инфраструктурных инициатив, направленных на евразийскую интеграцию, планируются или уже реализуются. Развитие высокоскоростных Транссибирского и Трансевразийского транспортных коридоров является показательным примером.

Таким образом, российско-китайское сотрудничество и его отношения с внешней системой основано на следующих факторах: во-первых, отношения России и Китая развивается в соответствии с национальными интересами данных государств; во-вторых, данное сотрудничество ведётся между стратегически независимыми и самостоятельными странами, где каждый основывается на собственной повестке дня. Помимо этого, страны имеют как общие интересы, так и некоторые несовпадающие взгля-

ды. Россия и Китай не ведут связанную и согласованную политику на международной арене и точно не стремятся создать абсолютно новый и глобальный авторитарный порядок; в-третьих, прогрессирующее влияние КНР и возрождающаяся РФ имеет особую роль и значимость на международной арене. Как Россия, так и Китай активно поддерживает систему многополярного и полицентричного мира, выступая против главенствующего положения Соединённых Штатов и его единомышленников, которые направляют все силы на установку однополярного миропорядка. Именно данный подход усугубил экономические и геополитические разногласия между КНР и США, а также РФ и США с Западом.

Единственная и наиболее важная причина успеха российско-китайского сотрудничества является общее понимание того, что России и Китаю наиболее выгодно и лучше иметь добрососедские, дружественные и позитивные отношения, нежели поддаваться конкурентности или вовсе иметь открытое противоборство.

Данное сотрудничество служит обоим государствам. Независимо от того, является ли это взаимодействие равным или не совсем в одинаковой степени выгодным, а также в некоторых случаях имеющее несовпадение взглядов, однако, важно то, что их общая деятельность является взаимовыгодной. Как Россия, так и Китай признают и понимают их общие планы и с твёрдой уверенностью надеются и способствуют реализации их совместных целей. Именно этот факт усиливает и развивает российско-китайское сотрудничество.

References

1. Bedingfi eld W. As the Arctic melts, China and Russia struggle for control. Wired. URL: <https://www.wired.co.uk/article/arctic-ice-melting-shipping-russia-china> (дата обращения 08.05.2022).
2. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. URL: http://english.scio.gov.cn/201801/26/content_50313403.htm (дата обращения 08.05.2022).
3. Jaehyung An. Development of energy cooperation between Russia and China. International Journal of Energy Economics and Policy. 2020. №1(10). P. 134–139.
4. Lanteigne M. The role of China in emerging Arctic security discourses. S&F Sicherheit und Frieden. 2015. №3. P. 149-159.

5. Lawrence J. Lau, *The China-US Trade War and Future Economic Relations*. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong Press. 200 p.
6. Mackinder H.J. *The geographical pivot of history*. *The Geographical Journal*. 2004. №4. P. 298-321.
7. *Reviving FDI's transformative power*. Hinrich Foundation. Hong Kong. URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/article/fdi/reviving-fdi-s-transformative-power/> (дата обращения 06.05.2022).
8. Schoen D.E. *The Russia-China Axis: The New Cold War and America's Crisis of Leadership*. New York: Encounter Books, 2014. 244 p.
9. *Using artificial intelligence technology to fight COVID-19: a review*. *Dimensions*. URL: https://app.dimensions.ai/details/publication/pub.1144345059?search_mode=content&search (дата обращения 06.05.2022).
10. Zhang Xin. "Endogenous Drives" with "No-Limits": Contrasting Chinese Policy Narratives on Sino-Russian Relations since 2014. *Russian analytical digest*. 2021. No. 265. P. 5-8.
11. Zhao Huasheng. *Eurasian Integration: Adapting to New Realities*. Valadai. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/eurasian-integration-adapting-to-new-realities/> (дата обращения 02.05.2022).
12. Zhou Xie, Fang Wang. *Chinese-russian diplomatic healthcare relations during the new coronavirus infection (COVID-2019)*. *World of Russian-speaking countries*. 2021. №3. P. 5-33.
13. 上合成员国能源合作:中俄签核能大单 油气合作潜力大. *Sina Finance*. [Кит. яз.] URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2018-06-12/docihcufqih3791200.shtml> (дата обращения 02.05.2022).
14. 中俄人文合作委员会旅游合作分委会第十七次会议召开. [Кит. яз.] URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202007/t20200703_873021.htm (дата обращения 27.05.2022).
15. 中俄人文合作委员会第二十一次会议召开 孙春兰与戈利科娃共同出席. [Кит. яз.] URL: http://www.xinhuanet.com/2020-11/25/c_1126786623.htm (дата обращения 25.05.2022).
16. 董利民, 中国 «北极利益攸关者» 身份建构. [Кит. яз.] *Pacific journal*. 2017. №6. С. 65-73.

А.С. Чертков

A. Chertkov

**ОБ ИСТОКАХ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО
СТАНОВЛЕНИЯ А.С.
ГРИБОЕДОВА В ПЕРИОД
ПЕРВОЙ ПЕРСИДСКОЙ
МИССИИ 1818-1823 ГГ.**

**ON THE ORIGINS OF
A. GRIBOEDOV DURING
THE FIRST PERSIAN
MISSION 1818-1823**

Аннотация

В статье рассматривается эволюция мировоззренческого становления дипломата и драматурга А.С. Грибоедова в период его первой дипломатической миссии в Персию, пришедшейся на период российской «обретения» отдельных стран Евразийского региона. Показываются причины, приведшие начинающего дипломата в ряды сторонников усиления роли Российского государства в регионе, последовательно осуществлявшим «политику влияния», которое оно оказывало на правителей каждарской династии, используя различные политические и дипломатические маневры. Определяется профессиональный статус А.С. Грибоедова как карьерного дипломата, находящегося на государственной службе Российской империи. Особо подчеркивается непримиримый характер политического противостояния России, Персии и Англии за влияние в регионе, сопровождаемое военными и торгово-экономическими интересами трех стран в Юго-Западной Азии. Отмечается высокая профессиональная готовность А.С. Грибоедова для выполнения возложенных на него руководством Азиатского департамента Коллегии иностранных дел Российской империи служебных обязанностей по обеспечению функционирования русской миссии в Тавризе, подготовки Туркманчайского мирного договора между Россией и Персией, определения статуса дипломатических миссий на территории, подконтрольной русской армии. В статье приводятся факторы, послужившие карьерному росту молодого дипломата А.С. Грибоедова, который

Abstract

The article deals with the evolution of the worldview formation of the diplomat and playwright A.S. Griboedov during his first diplomatic mission to Persia, which fell on the period of the Russian "acquisition" of individual countries of the Eurasian region. The reasons are shown that led the novice diplomat to the ranks of supporters of strengthening the role of the Russian state in the region, consistently implementing the "policy of influence" that it had on the rulers of the each dynasty, using various political and diplomatic maneuvers. The professional status of A.S. Griboedov as a career diplomat in the public service of the Russian Empire. The irreconcilable nature of the political confrontation between Russia, Persia and England for influence in the region, accompanied by the military and trade and economic interests of the three countries in Southwest Asia, is especially emphasized. High professional readiness of A.S. Griboedov to fulfill the official duties assigned to him by the leadership of the Asian Department of the Collegium of Foreign Affairs of the Russian Empire to ensure the functioning of the Russian mission in Tabriz, the preparation of the Turkmanchay peace treaty between Russia and Persia, and determine the status of diplomatic missions in the territory controlled by the Russian army. The article presents the factors that contributed to the career growth of the young diplomat A.S. Griboedov, who is gradually coming to the fore in the Russian diplomatic mission in Tabriz and alone confronts experienced rivals in dramatic negotiations with representatives of the

постепенно выходит на первые роли в русской дипломатической миссии в Тавризе и в единственном лице противостоит многоопытным соперникам на драматически сложившихся переговорах с представителями царствующей каджарской династии и британской резидентурой.

reigning Qajar dynasty and the British residency.

Ключевые слова:

Грибоедов, дипломатическая служба, декабристы, каджарская империя, персидская миссия, Российская империя, евразийское пространство.

Key words:

Griboedov, diplomatic service, Decembrists, Qajar Empire, Persian mission, Russian Empire, Eurasian space.

Имя дипломата А.С. Грибоедова яркой звездой вспыхнуло на небосклоне российской истории в один из ее сложных периодов времён царствования императоров Александра I и Николая I. В Европе нарастало революционное движение. Внутри страны вопреки реформам укреплялось положение дворянства, что приводило к ужесточению крепостнических порядков. Преследовалось вольнодумство, усилилась цензура, чиновникам запретили без дозволения начальства издавать любые произведения, «касавшиеся внутренних и внешних отношений» Российского государства.

Победоносная Отечественная война 1812 года и заграничный поход Русской армии ненадолго вселили в общество надежду на изменения в положении крестьян, позитивные движения в области просвещения и цензуры. В 1819–1821 гг. за вольнодумство подверглись разгрому профессорско-преподавательские составы Петербургского, Казанского и Харьковского университетов. В 1822 году Александр I запретил деятельность всех тайных организаций и начал преследование их членов. В армии была восстановлена палочная дисциплина, учреждена секретная гражданская полиция, а также сеть тайной полиции в гвардии и в армии. Восстание декабристов на Сенатской площади на время похоронило остатки прогрессивных иллюзий на преобразования.

Благодаря армии Россия укрепляла свои позиции в Закавказье. Русско-персидская война 1804–1813 гг. закончилась подписанием Гюлистанского мирного договора (1813 год), по которому Персия признала присоединение к России Грузии, Дагестана и Восточной Армении. Победоносно завершилась русско-персидская война (1826–1828) за господство в Закавказье и Прикаспии, границей между государствами стала река Аракс.

В феврале 1828 года был подписан Туркманчайский мирный договор, по которому Персия признала переход к России части Каспийского побережья до р. Астара, Восточной Армении с переселением туда армянских семей из Ирана.

В литературе формируются законы русского литературного языка, творят Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, К.Ф. Рылеев, В.А. Жуковский, Д.В. Веневитинов, А.И. Одоевский, Е.А. Баратынский, В.К. Кюхельбекер, А.А. Дельвиг и др. Однако романтизм творцов изящной словесности был остановлен «чугунным» цензурным уставом 1826 года, приведшим к закрытию многих литературных журналов.

Как глоток свежего воздуха в затхлую атмосферу общественной жизни тогда ворвалось сочинение Александра Грибоедова, переписанное от руки тысячами копий. «Горе уму» — первое название пьесы разлетелось по стране, ее с восторгом приняли различные слои общества, а декабристы считали своим манифестом. Литературная слава автора политической комедии «Горе от ума» порой затмевала безусловные дипломатические заслуги «персидского скитальца» перед государством Российским. Но именно беззаветное служение своей Отчизне на посту секретаря русской миссии в Тавризе, а затем и министра-посланника в кадjarской Персии вознесло Грибоедова в ряды выдающихся государственных деятелей России.

Было время, когда непонятые современниками обстоятельства трагической гибели Грибоедова, их неверная трактовка и «злые языки» недоброжелателей бросали тень сомнений на величие его заслуг перед российской дипломатией. Думается, этим несправедливым оценкам будет положен конец, а деяния дипломата станут далее восприниматься с подобающим его статусу пиететом.

Изучение наследия Александра Сергеевича открывает все новые грани его таланта: вдобавок к известным добродетелям Грибоедов предстает в умах вдумчивого современного читателя ещё и экономистом, и мыслителем, и философом, чьи идеи могли бы оказать существенное влияние на развитие различных сфер гуманитарных знаний и просветительство народов, населяющих огромное евразийское пространство.

«Страдальчество» молодого дипломата в период первого похода в Персию, общение с генералом А.П. Ермоловым, проконсулом Кавказа, знакомство с культурой населявших край народов, обычаями персиян и

многими другими обстоятельствами обернулось обретением нового Грибоедова. Суровая реальность — долгие походы и лишения, испытание чужбиной, воинство, интеллектуальные дуэли с наследным принцем Аббас-Мирзой и обитателями его двора, а также с искушёнными в интригах соперниками — англичанами — выкристаллизовали из начинающего карьеру секретаря миссии блестящего дипломата, способного решать большие государственные дела, отточили его «светлый ум».

Кем был Грибоедов по своей профессиональной квалификации: дипломатом, переводчиком, поэтом, драматургом, музыкантом, литературным критиком...? Мыслителем, экономистом, политиком? Вопрос не праздный, так как ответ на него определяет сферу его компетенций, один перечень которых говорит о разносторонних гуманитарных способностях автора «Горя от ума». Не будучи профессиональным драматургом, он до отъезда в Персию создает несколько пьес, часть из которых были поставлены на театральной сцене. О безусловном таланте подающего надежды литератора начинают судачить в светских кругах, а признанные мастера словесности уже считают за честь познакомиться с автором. Позднее будет написана комедия «Горе от ума», которая вознесёт его создателя на сочинительский Олимп, и в сознании большинства обывателей профессиональные способности Грибоедова станут стойко ассоциироваться лишь с его занятием литературным трудом. Однако это не так.

Определяя профессиональный статус Грибоедова, акцентируем внимание на том, что Грибоедов — прежде всего карьерный дипломат, находящийся на государственной службе Российской империи. Вместе с тем, огромной частью интеллектуальных занятий Секандара (Искандер) Грибоедуфа было литературное творчество, к которому тяготел дипломатический чиновник.

На протяжении продолжительных командировок в Персию в мировосприятии секретаря русской миссии постепенно возвращается внутренний личностный конфликт Грибоедова, происходят изменения в его мировосприятии окружающей действительности, все больше проявляются новые качества дипломата — защитника своего народа и интересов государства. Комплекс этих и других обстоятельств послужил отправной точкой формирования его мировоззрения, становления государственного деятеля, посвятившего себя служению Отечеству. Начиная дипломат Грибоедов стремился как можно больше быть полезным на своем посту;

неспроста он оказывается в гуще политических и военных событий, что позволило ему проявить свои лучшие профессиональные качества. Это требовало от «сильного ума» знаний, личного мужества и полной самоотдачи. Всеми этими качествами и обладал секретарь русской миссии в Персии, неоднократно доказавший свою полезность на самом передовом рубеже интеллектуальных сражений с коварными противниками в лице влиятельнейших каджарских правителей и британских агентов.

В период своей первой персидской миссии Грибоедов (1818–1823 гг.), несмотря на господство военно-силовых методов решения конфликтов, задумывается над различными способами гуманитарного, экономического влияния России, способных принести народам, оказавшимся над протекторатом российской империи в Закавказье, новые смыслы гуманизационного развития.

Исторические аспекты вклада дипломата в развитие различных сторон жизни ряда стран, расположенных на границе Восточной Европы и Юго-Западной Азии, были изучены блистательными советскими, российскими специалистами И.Е. Ениколоповым, С.В. Шостаковичем, С.А. Фомичевым, Н.А. Тарховой и другими [5; 8; 10]. М.В. Нечкина изучила следственное дело Грибоедова в связи с его арестом по делу декабристов [2]. Объектом этих и других аналогичных исследований были конкретные стороны деятельности Грибоедова: биографические сведения о пребывании в Грузии и Персии, связь с декабристами, подробности дипломатической службы и др. Большинство учёных не рассматривали судьбу Грибоедова в контексте глобальных исторических процессов; в них отсутствуют выводы о наличии в его наследии следов философско-гуманистических намерений преобразования евразийского пространства.

Период пребывания Грибоедова в Юго-Западной Азии характеризуется непрекращающимся противостоянием главным образом трех государств — России, Персии и Англии — из-за политического влияния в регионе, каждое из которых имело свои военные и торгово-экономические интересы, далеко идущие планы. Это противостояние сопровождалось активным вторжением русских войск на Кавказ. В орбиту этого противостояния были вовлечены многие народы Кавказа и Закавказья. В частности, Грузия, находившаяся в составе Российской империи после многовековой зависимости от мусульманского Ирана и Турции. В результате русско-персидской войны 1803–1813 гг. к России присоединяется Карабах-

ское ханство, нагорная часть которого была населена армянами. Гюлистанский мирный договор 1813 года закрепил за Россией несколько ханств, относящихся к территории современного Азербайджана, а также Восточной Грузии и Дагестана. Присоединенные к России территории древних цивилизаций требовали большего внимания для развития экономики, налаживания хозяйственных связей, обеспечения безопасности торговых путей и многого другого, что Российская империя обеспечить пока не имела возможности. Обходиться там одними силовыми методами удержания царской власти становилось все сложнее. Секандар Грибоедудф был сторонником «политики влияния» — усиления роли государства в своих колониях различными методами, сочетанием сложных политических, дипломатических маневров с экономической экспансией, опорой на развитие внешних и внутренних рынков.

Завершает период первого пребывания Грибоедова в должности секретаря русской миссии в Персии, а затем секретаря по дипломатической переписке при штабе генерала Ермолова еще одно важное в региональном отношении событие — начало турецко-иранской войны, поводом к которой послужило освободительное восстание греков против турецкого господства.

Вот на какую сложнейшую международную обстановку пришелся период дипломатического становления Грибоедова. Только у далеко не сведущих людей могут возникнуть вопросы, почему он не создал большее количество литературных сочинений, или сомнения в его вкладе в развитие российско-иранских дипломатических связей.

Несмотря на молодость, Грибоедов периода первого персидского хождения являет собой пример чрезвычайно цельного, целеустремленного, патриотически настроенного гражданина своей страны, оказавшегося в условиях принятия сложнейших политических и практических решений, в центре которых сошлись интересы России, Персии и Англии. Необходимо отметить высокую профессиональную готовность Грибоедова для выполнения возложенных на него министерством иностранных дел служебных обязанностей по обеспечению функционирования русской миссии в Тавризе. Более того, постепенно Грибоедов выходит на первые роли в дипмиссии и практически в единственном лице противостоит многоопытным соперникам на драматически сложившихся переговорах с представи-

телями царствующей каджарской династии, британской резидентурой. И в этом выводе нет ни доли преувеличения.

Россия к моменту вступления Грибоедова на дипломатическую службу раздвигает границы своего влияния в Европе и на Кавказе. К тому времени пробуждается небывалый интерес к дипломатической службе и в литературной среде. «Для поколения декабристов, Грибоедова и Пушкина с 1812 года начиналось вступление России в мировую историю», — подмечает Ю.М. Лотман. Автор указывает на неподдельный интерес М.Ю. Лермонтова к позиции Грибоедова. Известный литературовед пишет: «Еще Грибоедов говорил об отчужденности этого социокультурного типа («русского европейца») от своей национальной стихии...» [6, с. 160].

И если одна часть передовой интеллигенции «русская культура — Север — противостоит и Западу, и Востоку, но одновременно тесно с ними связана», то Грибоедов в набросках драмы «1812 год» в уста Наполеона планировал вложить «размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный, что бы он мог произвести?». Грибоедов идет дальше в оценке идентификации своего поколения, называя его в своей статье «Загородная поездка» «поврежденным классом полу-Европейцев, к которому и я принадлежу». В этом «полу-Европействе» мы и в XXI веке находим евразийскую направленность представлений Грибоедова о том значительном месте, которое занимает Россия в мировой цивилизации, что и пытался показать нам дипломат.

Время, в котором жил Грибоедов, требовало ускоренного мировоззренческого взросления. Так всегда происходит в эпоху перемен, когда объективные предпосылки буквально выталкивают из наиболее подготовленных к ним слоев общества лучших своих представителей. Так случилось и с Грибоедовым. Поразителен факт, о котором свидетельствует С. Бегичев: «При первом знакомстве наш вкус и мнение Грибоедова о литературе были уже сформированы: это известно мне на мой собственный счет... Он первый познакомил меня с «Фаустом» Гете и тогда уже знал почти наизусть Шиллера, Гете и Шекспира...» [1, с. 5-6].

«Вкус и мнение Грибоедова о литературе были уже сформированы», — пишет лучший его друг о периоде их знакомства, относящемся еще к юношеским годам. По многим качественным оценкам интеллектуальной готовности Грибоедова к выполнению высокой гуманитарной миссии, начало кото-

рой будет положено в период его первого персидского хождения за пределы империи, можно говорить об огромной цивилизаторской роли дипломата с душой поэта, которую он сыграл в начале XIX века для последующего «обретения» Россией части мирового евразийского пространства.

В годы первого персидского противостояния с каджарским двором происходят разительные перемены в характере Грибоедова. Секретарь странствующей миссии становится настоящим воином, готовым участвовать в сражениях. Он проявляет лучшие качества государственного чиновника, радеющего за своих соотечественников, попавших в персидский плен. Из них был сформирован полк бегахдыран (богатырей), так называли «русский батальон». «Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль», — так он характеризует то свое состояние.

Настойчивость секретаря миссии в переговорах по выдаче русских пленных, расформированию полка сарбазов вызывала негативную реакцию у персиян. Наиб-султан даже предъявил русскому посланнику обвинение: «...Вы бунтуете мой народ...» [3, с. 423]. Однако ни подметные письма, ни психологическое давление, ни прямой обман и подкуп солдат не сломили волю Секандара Грибоедуфа, что привело к освобождению из персидского плена 168 русских солдат.

«Я часто отдаляюсь от других и сажусь отдыхать возле воды, где тьма черепах. Поля кругом в хлебах; вообще вид обработанного и плодородного края», — пишет Грибоедов во время своей поездки в Тавриз. «Жар и утром печет немилосердно, все с себя скидаю, скачу стремглав. Много колесил вокруг Касбина, срывал молодые фисташки...» — продолжает путник [3, с. 417]. Дипломата пленит мир идеальных, наполненных смыслом конструкций-впечатлений, которые говорят «сильному уму» гораздо больше, чем окружающим, наполняют его жизнь истинным смыслом, оберегают в минуты нахлынувшего одиночества.

А.С. Грибоедова можно причислить к отцам-основателям русского символизма, возникшим, как известно, позднее — в последней четверти XIX века, одновременно с которым, собственно, берет свое начало Серебряный век русской литературы. Путевые записки и стихотворные произведения молодого дипломата пронизаны символическими образами: они сопровождают секретаря русской миссии буквально с первых минут его появления на древней земле каджарского царства.

В биографической литературе сохранились не только лестные отзывы о характере А.С. Грибоедова, но и множество нелицеприятных свидетельств о нем, в частности Д.В. Давыдова, Н.Н. Муравьева и других. Но что есть объективная оценка исторической личности масштабов Грибоедова? Любой ответ на этот вопрос потонет в океане чувств, любви и страстей, которые вызывает у современного читателя наследие дипломата-поэта, воспевшего различные стороны противоречивых черт характера «полу-Европейства», свойственного и поныне представителям многих евразийских народов.

Воспользуемся воспоминанием о деятельности Грибоедова в персидский период его пребывания там одного из недоброжелателей дипломата-поэта — генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева. Такого рода свидетельств из всего спектра подобного вида исторических источников более приближены к объективности в случае, если содержат как положительные, так и отрицательные характеристики главного действующего лица любого исследования.

Сослуживец Грибоедова по работе в штабе генерала А.П. Ермолова в Тифлисе Н.Н. Муравьев, известный своими негативными отзывами о несносном характере Грибоедова (к тому времени русского посланника в Тегеране), писал по поводу его кончины так: «Грибоедов в Персии был совершенно на своём месте, что он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию, и не найдётся, может быть, в России человека, столь способного к занятию его места. Он был бескорыстен и умел поработать умы, если не одними дарованиями и преимуществами своего ума, то твёрдостью. Поездка его в Тегеран для свидания с шахом вела его на ратоборство со всем царством персидским. Если б он возвратился благополучно в Тавриз, то влияние наше в Персии надолго бы утвердилось; но в сём ратоборстве он погиб, и то перед въездом одержав совершенную победу. И никто не признал ни заслуг его, ни преданности своим обязанностям, ни полного и глубокого знания своего дела!» [4, с. 14-15]. В данном случае высокую оценку ратоборческим заслугам Грибоедова делает один из недоброжелателей дипломата, познавший военное искусство в период своей службы в русской армии, что говорит об ее достаточной степени объективности.

Евразийский ориентализм Грибоедова прослеживается в его путевых записках, письмах, воспоминаниях современников дипломата. В дневниках

декабриста В.К. Кюхельбекера сохранилась такая многозначительная запись о Грибоедове: «Он в Москве и в Петербурге часто тосковал о кочевьях в горах кавказских и равнинах Ирана, где посреди людей, более близких к природе, чуждых европейского жеманства, он чувствовал себя счастливым» [2, с. 339]. Здесь требуется пояснение. Если судить по поступкам и мыслям Грибоедова, то он стремился покинуть миссию в Тавризе и перебраться в Тифлис, где он чувствовал в себе прилив сил для работы над комедией «Горе от ума». Но, покинув место своего служения и вернувшись в столицы, дипломат искренне тоскует о персидских и кавказских пейзажах, времени, в котором уместилось так много ярких незабываемых событий его молодой жизни. Не каждому человеку дано находить источник радости и счастья в кочевьях и горах, в окружении людей, «чуждых европейского жеманства» [9, с. 26]. Свидетельство Кюхельбекера являет современным читателям еще одно доказательство любви Грибоедова к местам своего первого персидского периода дипломатической службы.

Бесконечно ранят слова генерала Н.Н. Муравьева о незаслуженном забвении подвига Грибоедова: «И никто не признал ни заслуг его, ни преданности своим обязанностям, ни полного и глубокого знания своего дела!» К величайшему сожалению, чем больше времени проходит от даты трагической гибели русского дипломата, тем меньше он фиксируется в памяти потомков.

Вселенная А.С. Грибоедова бесконечно многогранна. С каждым накопленным знанием о герое она приоткрывает благодарным почитателям его дипломатического, литературного и музыкального талантов свои новые стороны, поражающие наше воображение масштабностью евразийских проектов и преобразований, авторство которых принадлежит великому сыну Отечества - А.С. Грибоедову.

Литература

1. Бегичев С.Н. Записка об А.С. Грибоедове // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Москва: Федерация, 1929. С. 5-6.
2. Грибоедов А.С. В воспоминаниях современников. М.: Федерация, 1929. 344 с.
3. Грибоедов А.С. Сочинения. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 772 с.

4. Грибоедов А.С. Четыре письма // Звенья. Сб. материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. М.; Л.: Academia, 1932. С. 14-15.

5. Ениколопов И.К. Грибоедов в Грузии и проект об учреждении Российской Закавказской Компании: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1954. 22 с.

6. Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство-СПБ, 1997. 845 с.

7. Нечкина М.В. Следственное дело о А. С. Грибоедове. М.-Л.: Изд-во академии наук СССР, 1945. 95 с.

8. Фомичев С.А. Александр Грибоедов: Биография. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.

9. Чертков А.С. А.С. Грибоедов. Начало. Персидская миссия 1818-1823 гг. Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2020. 412 с.

10. Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. Москва: Издат-во социально-экономической литературы, 1960. 294 с.

References

1. Begichev S.N. Zapiska ob A.S. Griboedove. A.S. Griboedov v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Federatsiya, 1929. S. 5-6/

2. Griboedov A.S. V vospominaniyakh sovremennikov. M.: Federatsiya, 1929.

3. Griboedov A.S. Sochineniya. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1953. 772 s.

4. Griboedov A.S. Chetyre pis'ma. Zven'ya. Sb. materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstvu i obshchestvennoi mysli XIX veka. M.; L.: Academia, 1932. S. 14-15.

5. Enikolopov I.K. Griboedov v Gruzii i proekt ob uchrezhdenii Rossiiskoi Zakavkazskoi Kompanii: Avtoref. Diss. ... kand. ist. nauk. Tbilisi, 1954. 22 s.

6. Lotman Yu.M. O russkoi literature. Stat'i i issledovaniya (1958–1993). SPb.: Iskusstvo-SPB, 1997. 845 s.

7. Nchkina M.V. Sledstvennoe delo o A. S. Griboedove. M.-L.: Izd-vo akademii nauk SSSR, 1945. 95 s.

8. Fomichev S.A. Aleksandr Griboedov: Biografiya. SPb.: Vita Nova, 2012. 512 s.

9. Chertkov A.S. A.S. Griboedov. Nachalo. Persidskaya missiya 1818-1823 gg. Yakutsk: Media-kholding «Yakutiya», 2020. 412 s.

10. Shostakovich S.V. Diplomaticheskaya deyatel'nost' A.S. Griboedova. M.: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1960. 294 s.

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВ Николай Валерьевич – научный сотрудник, НИИ общественных и политических наук (Чебоксары, Россия).

Область научных интересов: государственно-церковные отношения.

ALEXEEV Nikolai – researcher, Research institute of social and political sciences (Cheboksary, Russia).

Science interests: state-church relations.

E-mail: grajdanin1989@bk.ru

SPIN-код: 2818-8325

АЛЕКСЕЕВ Сергей Валерьевич – кандидат политических наук, преподаватель факультета управления, Московский университет им. С.Ю. Витте (Москва, Россия).

Область научных интересов: государственно-церковные отношения.

ALEXEEV Sergey – PhD of Political Sciences, Lecturer, Moscow Witte University (Moscow, Russia).

Science interests: state-church relations.

E-mail: grajdanin1989@bk.ru

SPIN-код: 1029-0819

БЛОХИНА Алина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Область научных интересов: современные международные конфликты.

BLOKHINA Alina – PhD of historical science, associate professor at the Department of history and theory of international relations, Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod, (Nizhny Novgorod, Russia).

Science interests: Modern international conflicts.

E-mail: blohina@imomi.unn.ru

SPIN-код: 1083-0122

ВЕРНИЧЕНКО Марат Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный Университет Управления (Москва, Россия).

Область научных интересов: история политики, политические системы и режимы

VERNICHENKO Marat – PhD in History, Department of State Management and Political Technologies, State University of Management (Moscow, Russia).

Science interests: political history, political systems and regimes.

E-mail: vernich@mail.ru

SPIN-код: 7302-3733

ЕПРЕМЯН Мариета Араиковна – эксперт, ООО «ЦС-Гарантия» (Москва, Россия).

Область научных интересов: государственный суверенитет.

EPREMYAN Marieta – Expert LLC «CS-Guarantee» (Moscow, Russia).

Research interests: state sovereignty.

E-mail: Mariepremyan@mail.ru

SPIN-код: 5726-9532

КАМИНЧЕНКО Дмитрий Игоревич – кандидат политических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Область научных интересов: политические институты, процессы и технологии.

KAMINCHENKO Dmitry – PhD of Political Sciences, Nizhny Novgorod state university (Nizhny Novgorod, Russia).

Science interests: political institutions, processes and technologies.

E-mail: dmitkam@inbox.ru

SPIN-код: 4176-7427

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии, Тверской государственной университет (Тверь, Россия).

Область научных интересов: политические институты, процессы и технологии.

KOZLOVA Nataliya – doctor of Political Science, Chair of Political Science Department, Tver State University (Tver, Russia).

Science interests: political institutions, processes and technologies.

E-mail: tver-rapn@mail.ru

SPIN-код: 6273-0895

ЛУКИЯНОВА Дарья Владимировна – научный сотрудник, НИИ общественных и политических наук (Чебоксары, Россия).

Область научных интересов: международные отношения.

LUKIYANOVA Daria – researcher, Research institute of social and political sciences (Cheboksary, Russia).

Science interests: international relations.

E-mail: lukiyanova@iopn.ru

МОНАХОВА Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры социологии, Тверской государственной университет (Тверь, Россия).

Область научных интересов: политические институты, процессы и технологии.

MONAKHOVA Yuliya – Senior Lecturer of sociology Department, Tver State University (Tver, Russia).

Science interests: political institutions, processes and technologies.

E-mail: julia_monah@mail.ru.

SPIN-код: 7029-6370

ПЛАВИНСКИЙ Вадим Борисович – соискатель кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

Область научных интересов: Политические процессы, институты и технологии

PLAVINSKII Vadim – external PhD student, Department of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

Science interests: Political processes, institutes and technologies.

E-mail: v.plavinsky@mail.ru

SPIN-код: 9181-5768

СЕЛИВЕРСТОВА Юлия Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических коммуникаций, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

SELIVERSTOVA Yulia – PhD of political science, Associate Professor at the Department of Socio-Political Communications, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

Science interests: political leadership.

E-mail: seliverstova@imomi.unn.ru

SPIN-код: 6235-1321

СЕМОЧКИНА Екатерина Владиславовна – член Избирательной комиссии Самарской области, Избирательная комиссия Самарской области (Самара, Россия).

Область научных интересов: политические институты, процессы и технологии.

SEMOCHKINA Ekaterina – Member of the Samara Region Election Commission, Samara Region Election Commission (Samara, Russia).

Science interests: political institutions, processes and technologies.

E-mail: e.v.semochkina@mail.ru

SPIN-код: 5938-5777

СКОВИКОВ Алексей Константинович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

Область научных интересов: гражданское общество, гендерная политика.

SKOVIKOV Alexey – PhD in political science, department of political science and political management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Science interests: civil society, gender politics, political process.

E-mail: skovikov@yahoo.com

SPIN-код: 3618-9306

СУХОБОЧЕНКОВ Евгений Сергеевич – аспирант кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

Область научных интересов: государственный суверенитет.

SUKHORUCHENKOV Evgeny – PhD student of the Department of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

Science interests: state sovereignty.

E-mail: evgenyj-ser@yandex.ru

SPIN-код: 5504-5420

ТИМОШЕНКО Василий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

Область научных интересов: политические институты.

TYMOSHENKO Vasiliy – PhD in historical sciences, associate professor of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

Science interests: political institutions.

E-mail: Lar.timoschenko@yandex.ru

SPIN-код: 9064-3036

ЧЕРТКОВ Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой рекламы и человеческих ресурсов, Московский университет им. С.Ю. Витте (Москва, Россия).

Область научных интересов: Международные отношения, дипломатия.

CHERTKOV Alexey – Phd of historical sciences, Head of Advertising and Human Resources Department, Moscow Witte University (Moscow, Russia)

Research interests: International relations, diplomacy.

E-mail: alexchertkov@list.ru

SPIN-код: 8179-3764

ШУМИЛОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова; Председатель Чувашского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (Чебоксары, Россия).

Область научных интересов: политическая регионалистика, молодежная политика.

SHUMILOV Andrei – PhD of political sciences, associate professor, of the Department of history and culture of foreign countries, Chuvash state University (Cheboksary, Russia).

Science interests: political processes, regional studies, youth policy.

E-mail: officio@mail.ru

SPIN-код: 1555-4638

ШУМИЛОВА Ольга Владимировна - кандидат исторических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия).

Область научных интересов: политический процесс.

SHUMILOVA Olga - PhD of Historical Sciences, Associate Professor, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russia).

Science interests: political processes, regional studies, youth policy.

E-mail: shumilovaolga@bk.ru

SPIN-код: 2308-5771

THE CONTENTS

NEW GENERATIONS IN POLITICAL PROCESSES

A. Blokhina, Yu. Seliverstova, D. Kaminchenko

NETWORK IDENTITY OF MODERN STUDENT YOUTH:
RESULTS OF PRIMARY EMPIRICAL ANALYSIS

6

E. Semochkina, A. Skovikov

PECULIARITIES OF INTERACTION OF YOUTH SOCIO-POLITICAL
ORGANIZATIONS WITH STATE AUTHORITIES IN MODERN RUSSIA

31

S. Alekseev

YOUTH POLICY AS A MECHANISM OF YOUTH'S POTENTIAL DEVELOPMENT
IN THE MODERN WORLD

43

N. Kozlova, Yu. Monakhova

GENDER ASPECTS OF ELECTORAL ORIENTATIONS AND THE IMAGE
OF A POLITICIAN IN THE MINDS OF RUSSIANS: REGIONAL ASPECT

57

M. Petrova, A. Shumilov, O. Shumilova

GEOPOLITICAL ASPECTS OF THE REDEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC:
FROM COOPERATION TOWARDS EXPANSION

74

V. Tymoshenko

THE NATURE AND ORIGINALITY OF THE PARTY SYSTEM OF MODERN RUSSIA

98

ARTICLES

N. Alekseev

CHURCH IN THE INFORMATION SPACE
(HISTORICAL AND POLITICAL SCIENCE EXCURSION)

108

E. Sukhobochenkov

STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE CONCEPTS
OF SLAVOPHILISM AND WESTERNISM

122

M. Epremyan

LEGITIMACY AND LEGITIMATION: THEORETICAL FOUNDATIONS

135

V. Plavinskii, M. Vernichenko

THEORETICAL ASPECTS OF POWER LEGITIMATION IN NON-WESTERN
POLITICAL AND CULTURAL COUNTRY CONDITIONS

149

D. Lukiyanova, A. Shumilov

GEOPOLITICAL INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND CHINA:
IN THE NEW POST-PANDEMIC REALITIES

167

A. Chertkov

ON THE ORIGINS OF A. GRIBOEDOV
DURING THE FIRST PERSIAN MISSION 1818-1823

184

OUR AUTHOR

195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 10.12.2022
Дата выхода в свет 30.12.2022

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iopn.ru

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2022.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2022.

